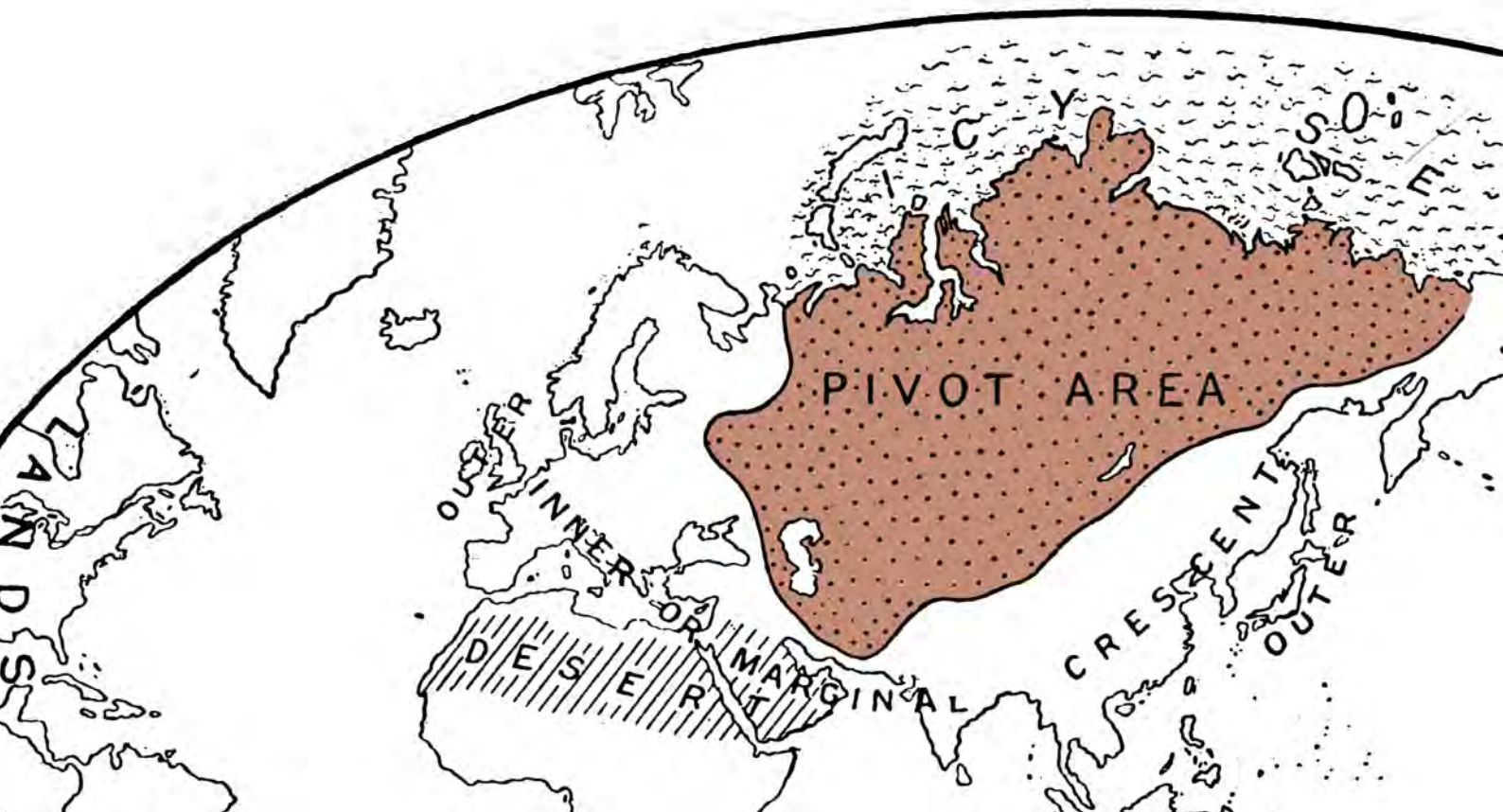
Светлана М. Горшенина

Изобретение концепта Средней/Центральной Азии

Между наукой и геополитикой



Светлана М. Горшенина

Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой

Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона
www.centralasiaprogram.org
Вашингтон
2019

CAP CENTRAL ASIA PROGRAM

ББК 66.4(4/8) : 63.3(5)
УДК 911.6 + 911.7 + 913
Г70

Горшенина С. М.

Г70 Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Перевод с французского М. Р. Майзульса. — Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. — VIII, 119 с. : 16 ил.

ISBN 978-0-9996214-4-8

Эпистемологические дебаты о том, как правильнее определить наименование и границы региона, называемого *Средней / Центральной / Внутренней Азией* или же *Евразией*, не затихают с момента изобретения этих терминов в первой половине XIX века. Стандартные аргументы циклично выстраиваются на пересечении научных рассуждений и псевдонаучных конструкций, политики и геополитики, устоявшихся литературных оборотов и вкусовых пристрастий.

Предлагаемая в книге Светланы М. Горшениной история начальных этапов выработки концепта *Средней / Центральной Азии* демонстрирует неоднозначность многих привычных определений, показывая, что все существующие именования относятся не к объективному географическому порядку, а к географии репрезенций. Декодируя воображаемые критерии, автор показывает связь этих топонимов с географическим детерминизмом, принципом «центричности», геополитическими интересами национальных государств и транснациональных группировок, а также с линейным позитивизмом, связанным с европоцентризмом и западным империализмом.

Данная публикация является адаптированным переводом части книги *L'invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie a l'Eurasie* (Genève: Droz, 2014).

ББК 66.4(4/8) : 63.3(5)
УДК 911.6 + 911.7 + 913
Г70

Дизайн обложки: Nicolas Journoud
Верстка: Е. Кузьменок

Подписано в печать 01.02.2019. Заказ №5383-2
Формат 60 × 90 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16. Тираж 150 экз.

ISBN 978-0-9996214-4-8

© 2019 Central Asia Program,
The George Washington University
© Оформление. «Скифия Принт»
© Горшенина С. М. Текст, 2019

[…] Не будет излишним напомнить по этому поводу, насколько неопределенно и неточно применяются обычно названия Центральная Азия и Высокая Азия. Выражения центральные, неизвестные, внутренние области материка постоянно смешиваются, словно это были синонимы.

Александр Гумбольдт. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии. Т. 1. Москва: Типография лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°. 1915. С. 14.

Сергей Абашин, Европейский университет в Санкт-Петербурге:

Книга Светланы Горшениной — о том, как мифологически и научно создавался регион, известный сегодня больше как «Центральная Азия», как разные его образы и характеристики вписывались в различные политические цели, становились созвучными им и материализовались в той или иной форме или, наоборот, отвергались и маргинализировались. Все понятия, которые употреблялись и употребляются для его называния и разграничения, имеют свою историю происхождения (не всегда исключительно европейскую, но переработанную и легитимированную «Западом», в том числе Россией) и обсуждений, погружены в контексты той или иной исторической эпохи, используются во взаимодействии друг с другом. После такой деконструкции искать единственное точное понятие и границы территории, настаивать на их данности, объективности, естественности или «традиционности» — бессмысленное занятие.

Светлана Горшенина демонстрирует, что жанр исторического нарратива и анализа может быть перевернут с головы на ноги: вместо поиска сущностей можно изучать, как эти сущности изобретались, обнаруживая в этом процессе как преемственность, так и разрывы. Подобная перспектива не разрушает историю в качестве научного жанра, а открывает новые возможности видеть все напряжения и драмы прошлого, а также их неоднозначные проекции в сегодняшнем дне.

Рон Села, Университет Индианы, Блумингтон:

Скептически относясь к естественному и географическому детерминизму и признавая, что лингвистические и культурные критерии служат лишь для демонстрации «этнической мозаики» и многочисленных центров значимости, Светлана Горшенина констатирует, что мы зашли в теоретический тупик. «Терминологический хаос», который автор так хорошо продемонстрировала в этой книге, как представляется, подтверждает эту тупиковую ситуацию, но, возможно, также предвещает большую свободу в исследованиях и интерпретации.

Тилль Мостовланский, Институт религий, Университет Берна:

Светлана Горшенина не ищет точного ответа на вопрос, где может находиться Центральная Азия, ни что «это такое». Она скорее анализирует, как появились различные ответы на эти вопросы, которые со временем стали чрезвычайно запутанными и несвязанными. Горшенина убедительно демонстрирует, каким образом Центральная Азия формировалась в ходе дебатов и под влиянием различных практик, зависимых от исторических мифов, физической географии и политического дискурса. Монография представляет собой важный вклад в центральноазиатские исследования. Избранный Горшениной специфический фокус на исторических связях, преемственности и разрывах в процессе изобретения Центральной Азии и поставивший под сомнение линейность ее генеалогии, несомненно, поможет исследователям лучше понять, как возник этот концепт и как его можно использовать в наших собственных исследованиях.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ИМПЕРИЙ: КАК НАЗВАТЬ *ЦЕНТР КОНТИНЕНТА?* 1

Эпистемологическая полемика: между «словами» и «вещами» 1

Вопрос об именованиях: между «реализмом» и «номинализмом» 2

Слишком подробные классификации и попытки рационализации 3

ГЛАВА 1. РОЖДЕНИЕ *ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ* (КОНЕЦ XVIII В. — 1810–1820 ГГ.) 9

Предчувствие нового термина 9

Егор Мейендорф и внедрение в России терминов *Центральная Азия* и *китайский Туркестан* 12

Юлиус Клапрот: внедрение русского термина *Средняя Азия* во франкоязычном мире 14

ГЛАВА 2. ВВЕДЕНИЕ *СРЕДНЕ-/ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ* КОНЦЕПТОВ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ (1840–1880) 19

Александр фон Гумбольдт: *Центральная Азия* глазами натуралиста 19
— Путешествие в Россию 19
— Новые методы и исчезновение *Высокого плато Тартарии* 19
— *Центральная Азия* Александра фон Гумбольдта: многоуровневая терминология и наложение границ 22
— *Туран* туранцев 25
— Влияние теорий Александра Гумбольдта: *Высокая Азия* и *Туранская низменность* 27

Российская географическая школа и раздвоение термина *Центральная Азия* 29
— *Центральная Азия* и *Средняя Азия*: равноправные синонимы 29
— Параллели между *Центральной Азией* Клапрота и *Средней Азией* Бичурина и Васильева 30
— Николай Ханыков и начало открытой полемики 32

Немецкая географическая школа: «Центр-Периферия» Фердинанда фон Рихтгофена 34

Центральная Азия в энциклопедиях: различные компоновки 36

От *Erdkunde* Карла Риттера к политической географии и геополитике 39

От триады *Центр — Переходная зона — Периферия* Рихтгофена к *Осевой зоне* и *Срединной земле* Хэлфорда Дж. Маккиндера и теориям Элизе Реклю 40

Первые этапы в истории концепта *Центральной Азии* 43

ГЛАВА 3. ПОНЯТИЕ «ЦЕНТРА» В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ: ПРОЕКЦИЯ *ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ* РИХТГОФЕНА НА РУССКИЙ ТУРКЕСТАН 47

Центральная Азия в интерпретации Ивана Мушкетова 47

Критика русских теорий на Западе 50

Россия между Востоком и Западом: преимущество или недостаток (приложение концепта центральности к русской истории и экспансионистской политике) 52

Ростислав Фадеев, Николай Данилевский и Владимир Ламанский:
Третий континент и рождение *Евразии* 54

Концепт *Срединного мира* в приложении к Азии 57

Смещение *Сердца Азии* 60

ГЛАВА 4. *ТУРАН*: НАЗВАНИЕ ЖЕЛАННОЕ ИЛИ ПРЕЗРЕННОЕ? 65

Двойственная трактовка *Турана* 65

Идентификация русских с туранцами 66

Изобретение *Турана* как прародины неарийских народов 67

Заимствование западных дискурсов в России 68

Автохтонистский концепт *Турана* и его преимущества 69

ГЛАВА 5. НЕСТАБИЛЬНАЯ ПАРА: *СРЕДНЯЯ АЗИЯ — ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ* 73

Терминологический хаос 73

Политизированное прочтение Рихтгофена 75

От геологии к геополитике: семантические сдвиги в эпоху завоевания 76
— Определение границ *Срединного мира* 78
— Проекты границ для *Центральной Азии* 80

Геополитические трактовки пространства 81
— Матрешка геополитики 81
— Западная схема 84

ГЛАВА 6. ДРУГИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ, УНАСЛЕДОВАННЫЕ ОТ ЭПОХИ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ» 87

Внутреннее устройство *Средней Азии*: разноречивые трактовки европейских энциклопедий 87

Борьба за название *Туркестан* 89

Задачи генерал-губернаторов *Туркестана*: выдвинуть на первый план тюркоговорящих кочевников 90

Противопоставление *афганскому Туркестану* 91

Последнее возвращение *Тартарии* 93

Попытка переизобрести *Трансоксиану* 94

Альтернативные наименования 96

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КАРТОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ 97

БИБЛИОГРАФИЯ 103

О ПРОГРАММЕ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 120

ВВЕДЕНИЕ

На пересечении империй: как назвать *Центр континента*?

Эпистемологическая полемика: между «словами» и «вещами»

Точкой отсчета этого исследования служит, на первый взгляд, простой факт: многообразие терминов, которые использовались для обозначения того региона, который мы называем то *Средней*, то *Центральной Азией*, связано не только с влиянием политических и идеологических факторов, но и с различием национальных традиций: «Евразия» или «Азия»? «Центральная» или «Средняя», «Inner» или «Middle»? Подобные семантические вопросы выводят на более широкую, историческую и эпистемологическую, проблематику: почему и, что важнее, как именно по ходу истории огромный «ареал» без четких границ породил такую концептуальную неопределенность? Связана ли она с «природными» характеристиками этих территорий или, напротив, представляет собой конструкт — результат разнонаправленных, а порой и прямо противоположных политических стратегий, в рамках которых были выкованы устойчивые (или даже стереотипные) представления?

Подобные вопросы не сводятся к проблематике исторической географии, истории географии или картографии, либо истории открытий и границ. Текст, который следует дальше, скорее лежит в плоскости того, что можно было бы назвать эпистемологическими исследованиями. Используя этот термин, мы опираемся на трактовку эпистемологии, которую предложил ее создатель Эмиль Мейерсон, и в то же время — на вклад, который в нее внесли представители «постмодернистской» эпистемологии. Мейерсон рассматривал эпистемологию как одну из форм философии знания, призванную выявлять и анализировать направления, по которым движутся научные исследования. «Постмодернисты» допускают, что научное познание никогда не является объективным и не может служить совершенным отражением реальности; что оно зависит от множества субъективных и идеологических факторов. «Постмодернистская» и «постколониальная» эпистемология стремится деконструировать доминирующие дискурсы / интерпретации / научные представления, дабы вскрыть интересы, которые они обслуживают, продемонстрировав пристрастный характер подобных построений, а также выявив те верования и идеологии, которые за ними стояли в разные времена. *Центральная Азия*, главный объект этого исследования, предстает как конструкт, который можно анализировать одновременно в диахроническом и синхроническом планах как понятие, выдуманное и сконструированное путешественниками, исследователями, географами, историками и этнологами. Кроме того, это исследование включает анализ политических процессов, которые рассекали это пространство границами и включали различные его части в соседние «гео-культурные ареалы».

В этой перспективе нам предстоит рассмотреть два фундаментальных процесса: членение гео-культурных пространств и именование образовавшихся совокупностей. Чтобы описать какое-либо пространство, необходимо определить его границы. Разделяя *континуум* объектов, которые образуют «центр Азии», акторы создали комплекс *центрально-азиатских* понятий и / или концептов, которые — в силу того, что вербально и графически преподносились как нечто реальное, — превращались в «вещи» (этот процесс отчасти напоминает деление солнечного спектра на отдельные цвета). В ходе подобного деления, когда всякий критерий может быть сочтен ключевым или, наоборот, случайным, присвоение тому или иному объекту имени имеет решающее значение. Оно позволяет на уровне слов характеризовать и категоризировать объек-

ты, т. е. легко манипулировать ими с помощью дискурса. Гетерогенность обретает порядок и позволяет различить «тождественное» и «иное», «внутреннее» и «внешнее», а также «центр» и его «периферии».

«Ментальные карты» *Центральной Азии* одновременно уникальны и подвержены искажениям, однако их анализ (как в вербальной, так и в иконографической форме) позволяет нам глубже понять, как люди на субъективном уровне структурируют пространство. Важно не забывать о том, что «*объекты дискурса* вовсе не тождественны *природным объектам*, и что, говоря о них, нельзя забывать, что они являются лишь *объектами дискурса*»[1].

Не претендуя на то, чтобы дать окончательные ответы на два ключевых вопроса: какие термины следует использовать, чтобы обозначить это историко-географико-политическое пространство, и где проходят его границы, — я постараюсь проследить историю изобретения *Центральной Азии*. И попытаюсь показать, что все существующие именования скорее относятся не к объективному географическому порядку, а к географии репрезентаций. Эта цель объясняет частое использование в данной работе *курсива* для обозначения географических наименований, что позволяет дистанцировать язык исследователей, описывавших географические объекты согласно своим теориям, от языка моего анализа. Из этих же соображений было сохранено оригинальное написание географических терминов в цитатах, нередко отличное от моего собственного.

Вопрос об именованиях: между «реализмом» и «номинализмом»

Само название *Центральная Азия*, которое давно укоренено в современном коллективном воображении, а также в политическом и научном словарях, вызывает множество противоречивых ассоциаций: от «Шелкового пути» и «Великолепного Самарканда» до исламского фундаментализма, авторитарных режимов и экологической катастрофы Аральского моря.

Если отложить в сторону стереотипы, то в научном словоупотреблении термин *центрально-азиатский* подразумевает пространство, которое лежит к востоку и югу от Урала, к северу и западу от Индии и Китая и обладает рядом климатических, географических, геологических, лингвистических, этнологических, религиозных и исторических характеристик. Отличительные черты этого региона часто воспринимаются как не нуждающиеся в доказательстве имманентные факторы, определяющие единство центральной части Азии.

Тем не менее необходимо отметить, что в дискурсе ученых и политиков различных национальностей, живших в разные эпохи, понятие *Центральной Азии* в семантическом и семиотическом планах вовсе не обязательно отсылало к одной и той же пространственной конфигурации.

С тех пор как на заре XIX в. русские путешественники, для которых «центр Азии» располагался где-то на середине их пути в Индию и Китай, впервые ввели в оборот выражение *Средняя Азия*, его точные географические очертания постоянно варьировались у разных натуралистов и географов, которые использовали его одновременно как имя собственное и как обозначение сконструированного ими географического ареала. Границы этой *Средней / Центральной Азии*, а также представления о том, где находится ее собственный центр, были предельно изменчивы и зависели от расходящихся, а то и противоположных политических и идеологических перспектив.

Потенциально к *Центральной Азии* могли относить все пространство, включающее Кавказ, постсоветские республики *Средней Азии* (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Киргизстан), Афганистан, Синьцзян, Монголию, Сибирь, возможно даже северо-восточную Турцию, северные регионы Ирана, Пакистана, Индии и Тибета. В некоторые периоды эти территории рассматривали как несомненные и неотделимые «составляющие» *Центральной Азии*, а их совокупность воспринимали как однородное пространство, которое завоеватели, мигрирующие народы и путешественники могли пересечь, не обращая внима-

1 Racine. 1995. P. 118.

ния на древние или актуальные политические границы. В другие эпохи, напротив, эти регионы представляли скорее как «атомы», которые лишь на какое-то время и в самых разных комбинациях объединялись в единое целое. При этом границы, которые приписывались каждому из этих (глобализирующих или партикуляристских) конгломератов, зависели от того, как членился на дисциплины научный пейзаж, от базовой специализации тех или иных исследователей, их географических предпочтений и лингвистических компетенций. Наконец, немного найдется ученых, которые смогли вырваться из-под гнета идеологий, или, по меньшей мере, из-под воздействия стереотипов и когнитивных клише. К этим ограничениям научного свойства следует добавить политические факторы, связанные с актуальной повесткой дня. Они чаще всего подталкивали к тому, чтобы выделить на карте *Центральной Азии* четко очерченные элементы, отделенные друг от друга государственными или административными границами.

Сосуществование разнородных подходов привело к формированию множества представлений о *Центральной Азии*, которые напоминают пеструю смесь из наблюдений и мнений, лишенных каких-либо внутренних связей между собой. Эти образы с их фрагментарностью и субъективностью помещают исследователя в двойственную систему координат. С одной стороны, они очерчивают «реальное» пространство без каких-либо четких характеристик, которое охватывает множество схожих, но не идентичных народов и культур, климатических зон (описываемых на основе «средних параметров») без ясных границ, без какой-либо явной общности рельефа, без четких «центров» и «периферий». Иначе говоря, перед нами простирается неопределимое, безымянное, безграничное и в каком-то смысле непостижимое пространство. С другой стороны, эти подходы создают представление о научно и политически сконструированном пространстве, с четкими характеристиками и границами, которые определены как на зримом и материальном, так и на нематериальном и символическом уровнях. Его границы, которые исходно были прочерчены воображением и в значительной мере случайны, предстают как реальные и внедряются в сознание широкой публики с помощью специальной номенклатуры. Причем дело не ограничивается современностью — эти границы проецируются в прошлое, где возникает множество политических единиц или «культурных ареалов». Они выделяются из континуума в соответствии с установками, характерными для каждой из гео-исторической или политической систем (которые смотрят на это пространство с точки зрения средиземноморского, тюркского, иранского, китайского или русского миров).

Слишком подробные классификации и попытки рационализации

Термин *Средняя / Центральная Азия*, появившийся лишь в современную эпоху, был не единственным обозначением «центра Азии». Пространство разнородное и внутренне разделенное, *Центральная Азия* включает множество непохожих стран с крайне бурной историей; богатая среднеазиатская топонимика — плод исторических пертурбаций, а также политических проектов и научных конструкций (чаще всего привнесенных извне), которые проецировались на этот регион.

В терминологии, которую используют специалисты по *Центральной Азии*, соседствуют географические названия с историческими коннотациями — чаще всего они взяты из трудов античных авторов (Ария, Бактриана, Согдиана, Хорезмия, Серика и др.); с коннотациями лингвистическими (тюркоговорящая, ираноговорящая, монгологоворящая Азия); мифологическими (отсылки к Гогу и Магогу или противопоставление Турана и Ирана); этническими (Скифия, *Тартария*-Татария, Туркестан); культурными (мусульманский, буддистский, тюркский, иранский миры и т. д.); экономическими (страны Великого шелкового пути, Центрально-азиатский макро-экономический регион); географическими (*Мавераннахр*, *Трансоксиана*, Семиречье и др.) или метагеографическими (Центральная Азия, Средняя Азия, Внутренняя Азия, Высокая Азия); наконец, политическими и административными (Бухария, афганский / русский / китайский Туркестан, Туркестанское генерал-губернаторство, Самаркандская провинция, Автономный уйгурский район или Синьцзян, Казахстан, Киргизстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Афганистан и др.). Эти обозначения лишь частично пересекаются, и ни одно из них целиком не охватывает весь *центрально-*

азиатский ареал, как его в расширительном духе определяет ЮНЕСКО (1992–2005)[2].

Разнообразие географических названий, конечно, еще больше возрастает из-за множества языков и различных национальных школ. В 1960–1990-е гг., как пишет американский историк Андре Гундер Франк (Andre Gunder Frank), стало почти очевидно, что английские термины *Inner Asia* и *Central Asia* представляют собой синонимы, различающиеся лишь тем, где они преимущественно используются: первый чаще применяется в США, а второй — в Европе[3]. Так, в Гарвардском университете действует *Inner Asia Center*, в то время как в Лондоне за тот же регион отвечает *Central Asia Centre* (тем не менее стоит отметить, что «американское» название Гарвардского центра воспроизводит терминологию Оуэна Латтимора [Owen Lattimore], которая восходит к Александру Гумбольдту [Alexander Humboldt], т. е. к европейской традиции). Разграничение между этими двумя терминами стало менее определенным после того, как с 1990-х гг. во множестве американских университетов начали появляться центры по изучению *Центральной Азии* (*Central Asia Studies*) — многие из них входят в состав более крупных подразделений, занимающихся исследованием *Евразии* (сегодня этот термин используется повсеместно). В итоге тезис о том, что *Inner Asia* принадлежит к академическому словарю Нового, а *Central Asia* — Старого Света утратил свою актуальность. Аналогично нуждается в нюансировке прозвучавшая еще в 1960-х гг. мысль американского историка Дениса Сайнора (Denis Sinor) о том, что *Inner Asia* и *Central Eurasia* — это синонимы, которые одинаково применяются во всех академических традициях[4] (тут особенно важно обратить внимание на обозначение *Central Asia*, которое все чаще ассоциируется с *Евразией* / *Eurasia* и используется наравне с *Inner Asia*). Например, портал *Central Eurasian Studies World Wide,* созданный в Гарвардском университете в марте 1998 г. в рамках *Harvard Program on Central Asia and the Caucasus* и сейчас действующий при Университете Назарбаева в Астане (Казахстан), использует лишь два термина: *Eurasia* и *Central Asia*[5].

Подобные терминологические сложности усугубляются тем, что между терминологией, используемой в различных языках, нет точного соответствия. В частности, во французском языке с разной частотой применяются следующие обозначения: *Asie centrale*, *Asie moyenne*, *Asie médiane*, *Asie intérieure*, *Haute Asie*; в английском: *Middle Asia*, *Central Asia*, *Inner Asia*; в немецком: *Mittelasien*, *Zentralasien-Centralasien*; в русском: *Средняя Азия*, *Центральная Азия*, *Внутренняя Азия*, *Нагорная Азия*; в узбекском: *Urta Ociё*, *Markazy Ociё* и др. Такое многообразие обозначений не сводится ни к строго лингвистическим факторам, ни к многообразию физических объектов, которые носят эти названия. Скорее оно обусловлено конкуренцией идеологических и политических конструкций, которые оказывают большое влияние на формирование научных концептов.

Основная доля неопределенности в том, что касается номенклатуры и границ этого ареала, связана с альтернативой *Средняя Азия — Центральная Азия*. Выбор в пользу одного из этих терминов, которые также присутствуют в немецкой традиции (*Mittelasien*, *Zentralasien-Centralasien*), принципиально важен для понимания того, как пространство этого региона осмысляется в России (где для этого выработаны особо тонкие инструменты), в бывших республиках СССР, где многие все еще говорят по-русски, а также в некоторых странах бывшего коммунистического лагеря, например, в Китае[6]. В соответствии с русско-советской моделью, единственными легитимными вариантами служат *Средняя Азия* и *Центральная Азия*, в то время как использование какого-либо глобального термина, способного охватить это пространство в его со-

2 В *Центральную Азию*, как ее определяет ЮНЕСКО, входят Афганистан, северо-восток Ирана, Пакистан, север Индии, запад Китая, Монголия и центрально-азиатские республики бывшего СССР: History of Civilizations of Central Asia. 1992. V. I. P. 6.

3 Frank. 1992. P. 52; Sinor. 1975; Sinor. 1969. P. X; Sinor. 1990.

4 Sinor. 1969. P. X.

5 http://cesww.fas.harvard.edu.

6 Шпринцин. 1976. С. 282.

вокупности, как считается, чревато «неизбежной библиографической путаницей»[7]. Русско-советская пара *Средняя Азия* / *Центральная Азия*, которая предназначена в первую очередь для внутреннего использования и продиктована как географическими, так и строго политическими соображениями, в западных языках превращается в источник неразберихи, поскольку каждая из составляющих этой оппозиции переводится множеством разных способов. По своему конфликтному потенциалу эта пара аналогична троице терминов, пришедших из англо-саксонского мира: *Inner Asia — Central Asia — Central / Inner Eurasia*[8]. Подобные примеры демонстрируют, насколько важен выбор «слов», которые превращаются в концептуальные инструменты познания.

Фантастическое многообразие обозначений, которое так контрастирует с представлением о гомогенности этого региона, отстаиваемым некоторыми исследователями, ведет к бесконечным (и до сих пор продолжающимся) дискуссиям, призванным выработать общую и непротиворечивую номенклатуру.

Ключевой вопрос о том, как следует именовать *Центрально-азиатский* регион, привлек внимание исследователей уже в 1960-е гг. (споры, шедшие в XIX в., в этом кратком историографическом обзоре не затрагиваются).

Среди первых работ, которые попытались уточнить, а то и «декодировать», многочисленные обозначения региона, который мы для краткости продолжим определять как *Центральная Азия*, следует назвать, с одной стороны, публикации А. Г. Шпринцина и Л. И. Мирошникова (они, в духе русско-советской традиции, были сосредоточены на понятиях *Средней Азии* и *Центральной Азии*[9]), а с другой — исследования американца Дениса Сайнора. Он был одним из тех, кто предложил название многотомной серии *History of Civilizations of Central Asia* (История цивилизаций Центральной Азии), выходившей под эгидой ЮНЕСКО с 1992 по 2005 г. Сайнор, который сначала продвигал понятие *Inner Asia,* а потом *Central Eurasia*, рассматривает *Центральную Азию* как часть *Центральной Евразии*, что позволяет ему уйти от сравнительного анализа терминов *Центральная Азия* и *Средняя Азия*[10].

Затем, на рубеже 1980–1990-х гг., Ги Имар (Guy G. Imart) и Милан Хаунер (Milan Hauner) попытались показать, насколько понятие *Центральной Азии* является политизированным[11]. В интереснейшей работе, посвященной тому, как была изобретена научная категория «континентов» и призванной доказать, что их нельзя рассматривать как «природную данность», Мартин У. Льюис (Martin W. Lewis) и Кэрен Э. Виген (Kären E. Wigen) посвятили *Центральной Азии* отдельную главу, которая, однако, почти целиком основана на англоязычных источниках, и потому заведомо неполна[12].

Критика привычных обозначений продолжилась в 1997 г. на академическом интернет-форуме *H-Net Humanities & Social Sciences OnLine — H-Asia,* где были разобраны определения *Центральной Азии*, предложенные Львом Мирошниковым, Юрием Брегелем и Денисом Сайнором[13]. Хотя споры и не привели ни к какому консенсусу, исследователи попытались провести грань между *Central Asia* и *Inner Asia* и предлагали включать или не включать в этот географический ареал такие территории, как Маньчжурия, Монголия, Пакистан и Афганистан. В любом случае эта дискуссия продемонстрировала, что после того, как южные республики бывшего СССР стали открываться миру, а различные формы европоцентризма попали под все более активную критику, вопрос о географических именованиях приобрел в сообществе специалистов особое значение.

---

7 Лев Мирошников (Miroshnikov. 1992) без малейшего этимологического анализа утверждал, что пара *Средняя Азия — Центральная Азия* (соотношение этих терминов было наиболее четко разъяснено во втором издании *Большой советской энциклопедии*. Т. 40. 1957) существовала уже в русской традиции. По наблюдениям А. Г. Франка (Frank. 1992. P. 54), такую же схему деления пространства применял эмигрировавший в США советский историк Анатолий Хазанов, который разграничивал *Middle Asia* и *Inner (Central) Asia*. Однако Франк не обратил внимания на то, что эта оппозиция восходит к советской модели *Средняя Азия — Центральная Азия* и не является личным изобретением Хазанова.

8 См., напр.: Christian. 1998a. P. XVI–XVII, 3–4; Stone. 2005.

9 Шпринцин. 1976; Miroshnikov. 1992.

10 Sinor. 1963, 1969, 1975, 1990, 2003.

11 Imart. 1987; Hauner. 1992 [1990].

12 Lewis, Wigen. 1997. P. 176–181.

13 Mitsuaki et al. 1997.

Интерес к подобной проблематике привел к тому, что в 1998 г. Ширин Акинер (Shirin Akiner) выпустила исследование, посвященное термину *Central Asia,* а в 2000-м г. вышла работа Мохаммада-Резы Джалили (Mohammad-Reza Djalili) и Тьерри Келльнера (Thierry Kellner) об исходных значениях и функциональном предназначении таких европоцентристских концептов, как «Ближний Восток, Кавказ и Центральная Азия»[14].

Также следует упомянуть работу Андре Гундера Франка, который попытался продемонстрировать центральную роль *Центральной Азии* с точки зрения географии (поскольку она находится в геометрическом центре Евразии), культуры (особое значение *центрально-азиатской* истории во всемирном контексте и роль этого пространства в смешении культур) и экономики (важнейший перекресток многих торговых путей). В аналогичном ключе написана работа Дэвида Кристиана (David Christian), который, правда, обозначал этот регион как *Inner Eurasia*[15]. Понятие *Евразии,* столь часто использующееся в размышлениях о *Центральной Азии*, в 2007 г. стало объектом тщательного исследования Стивена Коткина (Stephen Kotkin), который продемонстрировал причины его популярности и подчеркнул нейтральный характер ныне принятого именования[16].

Не менее интересен подход Баходира Сидикова, который проследил историю того, как именовался этот регион в немецкой интеллектуальной традиции с 1852 по 1914 г.[17] В этом же ряду стоит исследование Дэниэла К. Уо (Daniel C. Waugh), посвященное тому, как Клэрмонт П. Скрайн (Clarmont P. Skrine) в 1922–1924 гг. способствовал популяризации термина *китайская Центральная Азия*[18].

Подобные историко-эпистемологические штудии сосуществуют с другими подходами к той же терминологии. Например, во Франции Венсан Фурньо (Vincent Fourniau) попытался проанализировать то, как устроена номенклатура обозначений этого региона, кратко описав пространственную конфигурацию государств, которые со времен Александра Великого располагались на территории *Центральной Азии* (в том понимании данного региона, которое принято в русскоязычном мире). При этом он скорее описывал их историю и не затронул вопрос о выработке самого концепта *Центральной Азии*[19]. В отличие от его подхода, американские геополитики (их влияние заметно и в российских экспертных кругах[20]) строят свою аргументацию исходя из нынешней геополитической расстановки.

Тем не менее исследования, о которых мы только что говорили, представляют собой исключение в массиве научных публикаций, посвященных этому региону. Как обзорные работы, так и специализированные исследования обычно посвящают проблеме наименования *Центральной Азии* лишь несколько вводных строк (при этом они часто воспроизводят укоренившиеся в науке стереотипы или, без какой-либо рефлексии, прикрываются авторитетом классиков)[21]. Крупными мазками обрисовав пространства пустынь, гор и степей, чтобы географически охарактеризовать агломерат под названием *Центральная Азия*, авторы в лучшем случае отсылают читателя к недавним исследованиям и переходят к собственному сюжету.

Поскольку проблема наименования *Центральной Азии* далеко не решена (что делает актуальным это исследование), я решила вернуться к вопросу определений. Эта книга представляет собой небольшую часть моего исследования *L'invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie* (Изобретение Центральной Азии: история концепта от

14 Akiner. 1998; Djalili, Kellner. 2000.

15 Frank. 1992; Christian. 1994; Christian. 1998a. P. XVIII; Christian. 1998b. P. I.

16 Kotkin. 2007.

17 Sidikov. 2003. См. также его статьи на ту же тему: *Enzyklopädie des Europäischen Ostens* (Universität Klagenfurt, Австрия).

18 Waugh. 2007.

19 Fourniau. 2006.

20 См., напр.: Улунян. 2008.

21 Примером того, как в постсоветской историографии представляют историю термина *Центральная Азия*, могут служить категоричные утверждения О. В. Зотова. По его словам, эта форма является калькой с английского выражения *Central Asia*: «[...] замена "Средней Азии" на "Центральную" произошла по причине калькирования термина, принятого на Западе. Там Среднюю Азию всегда именовали "Central", тогда как Центральную — "Middle" (данный вопрос был нами уяснен в 1982 г. в беседе с известным американским специалистом по истории Центральной Азии Дж. Флетчером)»: Зотов. 2005. С. 211–212.

Тартарии до Евразии)[22], опубликованного в 2014 г. на французском языке[23]. В нем был прослежен процесс формирования различных наименований региона до и после появления термина *Центральная / Средняя Азия*, а также его многочисленные видоизменения на протяжении XX в. и проведен анализ последних по времени рекомендаций специалистов по наименованию этого культурно-исторического ареала и определению его географических лимитов. Эта же небольшая книга — по сути, одна из глав предыдущего издания 2014 г. с незначительными адаптациями — посвящена исключительно довольно краткому историческому периоду, когда появился сам термин *Центральная / Средняя Азия*, и тем эпистемологическим интерпретациям, которые он получил.

Издание этой книги стало возможно благодаря проявившей инициативу Марлен Ларюэлль (Marlène Laruelle); поддержавшего ее Максу Энгаммару (Max Engammare), директора женевского издательства Droz; блестящей работе Михаила Майзульса, осуществившего перевод французского текста; Алле Сизовой, уточнившей ряд библиографических ссылок; и координаторским усилиям Айтолкын Курмановой. Всем этим коллегам и друзьям, вовлеченным в проект, я выражаю самую искреннюю благодарность.

22 Gorshenina. 2014.

23 Основные положения этой книги, связанные с формированием концепта *Центральная / Средняя Азия*, широко цитируются многими исследователями; в частности, см. развернутое резюме этой части книги, составленное Францом Гренэ (Frantz Grenet), вдохновленным чтением ее манускрипта: Grenet. 2014. § 6–7.

ГЛАВА 1

Рождение *Центральной Азии* (конец XVIII в. — 1810–1820 гг.)

Предчувствие нового термина

После долгого периода безраздельного господства классические обозначения «центра Азии», которые были обогащены арабской традицией и европейской эрудицией, постепенно уступили место обобщающему понятию *Центральная Азия*. Накануне этого сдвига, случившегося на рубеже XVIII–XIX вв., *независимая Тартария* (именно такой термин чаще всего использовался в это время) представала в глазах путешественников как огромное пространство, протянувшееся между Персией (*Персидой*, как тогда говорили в России), Индией (*Ост-Индией*), Монголией, Китаем и Сибирью. При этом бесчисленные топонимы, связанные с этой территорией, чаще всего отсылали к различным политическим или этническим общностям: *Бухара* (*Бухария*), *Хива, Хорезмия, Земля туркменов*, *Ташкентия*, *Коканд, Кокания (Кокандия)*, *Кашгария*, *Турания*, *Туркестан* (который считался одной из частей *Бухарии*). Кроме того, до 1820–1830-х гг. эти земли часто называли «степями», добавляя к данному слову уточняющее прилагательное: например, в отчетах путешественников часто упоминаются «степи киргизских орд (большой, малой и средней)» (ил. 1). В тот же период топонимические познания о данных территориях значительно обогатились благодаря многочисленным переводам восточных источников.

К концу XVIII в., когда многие стали осознавать, что этот регион в глубине Азии является ее центром, в разных концах Европы начало спонтанно появляться понятие *Центральной Азии*, которое не было генетически связано ни со *Срединной Азией* (*Asie médiane*) Марко Поло[24], ни с терминологией, которую использовали средневековые картографы.

Во Франции это понятие возникло у барона Франсуа де Тотта (François de Tott), который писал о том, что туркмены обитают в центре Азии[25]. Картограф П.-Ф. Тардьё (P.-F. Tardieu) опубликовал «Новую карту средней части Азии» (*Nouvelle carte de la partie du milieu de l'Asie*), на которой озаглавленный так регион был расположен между 30° и 55° восточной долготы и 40° и 150° северной широты[26]. В очерке по античной географии, созданном историком и дипломатом Ленгле дю Френуа (Lenglet du Fresnoy) в его книге *Méthode pour étudier la Géographie...* (Метод изучения географии), одна из глав называется «Наследство Сима в Средней, Восточной и Южной Азии»[27].

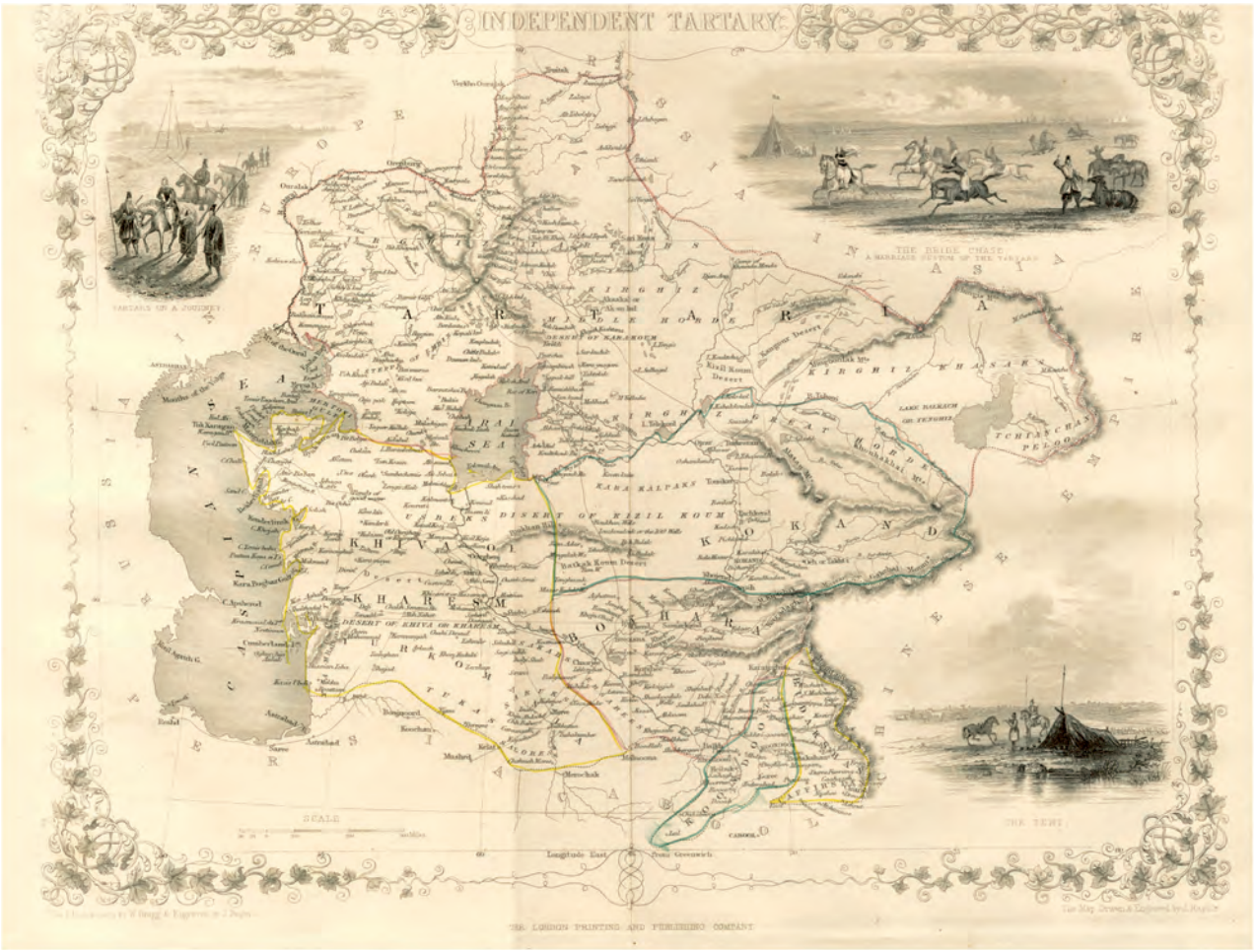
В России пересмотр терминологии в свете новых открытий получил решающий импульс от двух экспедиций, которые академик Петр Симон Паллас организовал на Аляску (1733–1742) и в Сибирь (1768–1774). Добытые благодаря им сведения о *Северной Тартарии* позволили русской географической школе получить явное преимущество перед западными географами, все еще хранившими верность традиционным подходам. В частности, Паллас, проанализировав различные географические названия, подчеркнул, что термин *Тартария* / *Татария* вызывает негативные ассоциации, которые едва ли уместны в научном контексте. В 1789 г., в целом следуя в русле критики, сформулированной уже в 1737 г. Клодом Висделу (Claude Visdelou), Паллас указал, что с этимологической точки зрения это слово происходит от имени татарского народа

24 Pelliot. 1959–1973. T. I. 1959, s.v. «Asya Media». P. 55.

25 Tott. Mémoires. V. IV. P. 104 (цит. по: Peyssonnel. 1785. P. 113).

26 BNF. CPL, Ge C 8135 [I, 400].

27 В этом сочинении название *Средняя Азия* означало земли, лежащие к юго-западу от Каспийского моря: Lenglet du Fresnoy. 1768. V. IX. P. 33, 37.



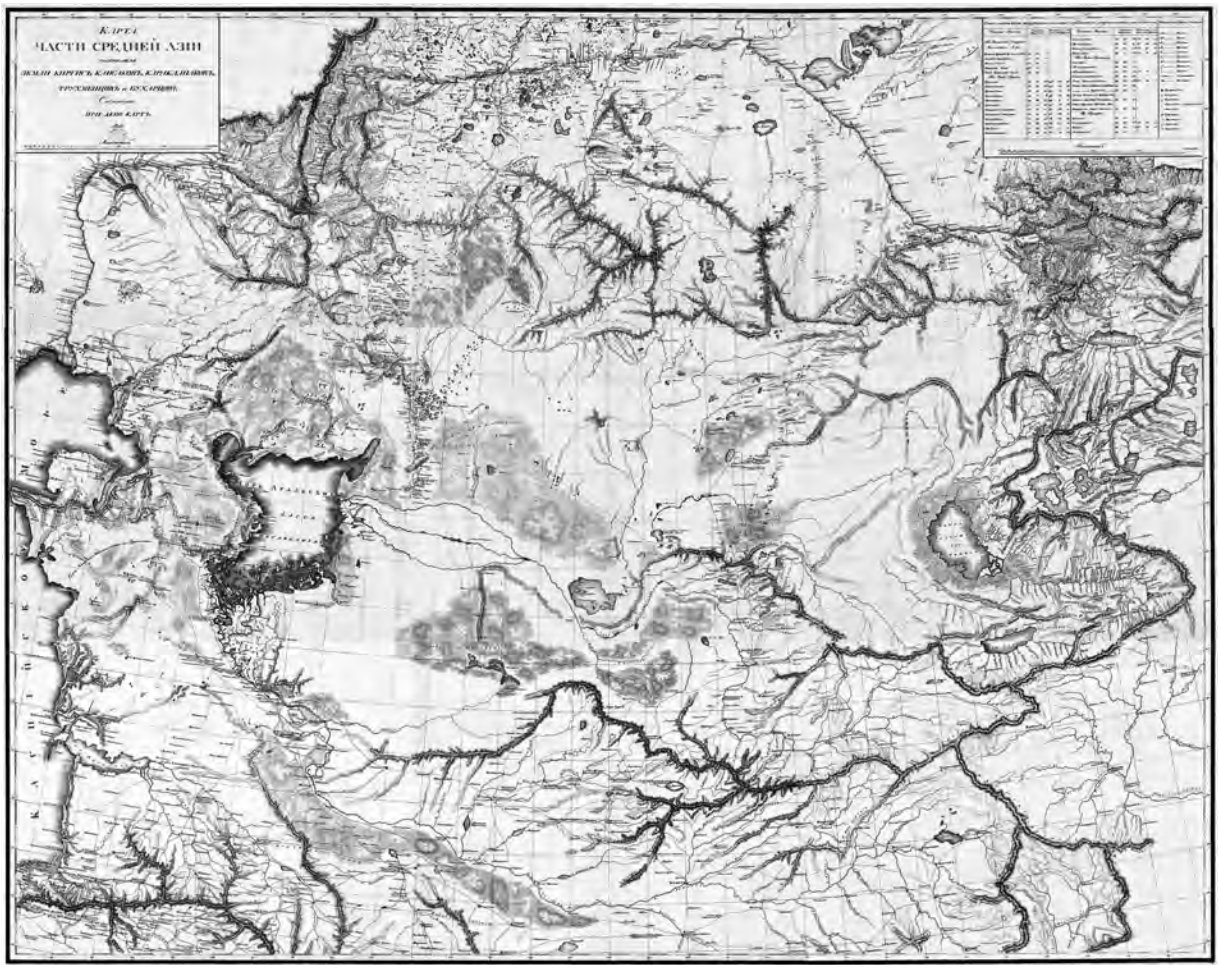
Ил. 1. *Джон Тейллис (John Tallis). Независимая Тартария (Independant Tartary). In Illustrated Atlas. 1851. Архив Пьера Жакара (Pierre Jaccard). Женева, Швейцария.*

(*Tartares*)[28] и не включает «монголов, калмыков, киргизов-кайсаков, тунгусов, северных китайцев и бурят», для которых слово *Тартария* звучит как «оскорбление»[29].

Кроме того, датский географ Конрад Мальте-Брюн (Conrad Malte-Brun) в своей «Теории географии» (1810) составил классификацию языковых семей и разделил Азию на несколько сегментов. Если в восточной Азии господствуют моносиллабические языки, как тибетский, китайский, бирманский и аннамский, то «на севере, в центре и на западе Азии преобладает семья татарских языков [...]». Мальте-Брюн также упомянул монгольский, манчьжурский, корейский, японский, тунгусский и самоедский языки и сделал вывод, что «все наиболее известные языки средней и северной Азии относятся к одной семье»[30].

Вернувшись из похода в Коканд, Филипп Назаров, переводчик отдельного Сибирского корпуса, составил «Записку», в названии которой фигурирует выражение «средняя часть Азии»[31]. Это обозначение, вероятно, было введено им самим, поскольку наблюдения европейцев и российских ученых, которые обычно публиковали свои работы на латыни, немецком или французском языках, скорее всего, не были ему известны. Также нет никаких доказательств того, что он мог читать «отчет» о «путях в среднюю Азию», написанный за век до того, в 1697 г., Федором Скибиным, который подал его в тобольскую при-

28 Форма с «р» никогда не использовалась в русском языке и появляется лишь в переводных текстах.
29 Pallas. 1789. T. I. P. V–VI, 485–486.
30 Malte-Brun. 1847 [1810]. P. 570–571.
31 Назаров. 1821.



Ил. 2. *Л. И. Панснер. Карта части Средней Азии, содержащая земли киргис кайсаков, каракалпаков, трухменцов и бухарцов. Сочинена при Депо карт. 1816. Архив Маркуса Хаузера (Markus Hauser). Винтертур, Швейцария.*

казную избу. Там термин *Средняя Азия* уже появился, но никто в тот момент не обратил на него внимания[32].

Выражение *средняя часть Азии*, которое использовал Назаров, быстро трансформировалось в *Среднюю Азию*, как об этом свидетельствуют отчеты о путешествиях капитана Николая Муравьева, который, по приказанию кавказского наместника Ермолова, в 1819–1820 и 1821 гг. ездил в Хиву и в земли туркмен[33].

В 1832 г. Алексей Левшин выпустил очерк по исторической географии *киргиз-казачьих и киргиз-кайсацких орд и степей,* в котором упомянул «Карту части Средней Азии, содержащую земли киргис кайсаков, каракалпаков, трухменцов и бухарцов». Эта многостраничная карта большого формата, которая частично охватывала *Среднюю Азию*, была опубликована в 1816 г. Л. И. Панснером, служившим в Военно-топографическом депо в Санкт-Петербурге[34] (ил. 2).

32 По этому маршруту в 1694 г. в город Туркестан к киргизскому хану Тауке отправилась дипломатическая миссия во главе с казаками Федором Скибиным и Матвеем Трошиным. Как писала Вера Федчина (Федчина. 1967. С. 42), Скибин в 1696 и 1697 гг. составил два статейных списка, один из которых был озаглавлен «Расспросные речи возвратившихся из Казачьей Орды тобольского казака Федора Скибина с товарищами в тобольской приказной избе о путях в среднюю Азию».

33 Муравьев. 1922. С. 28; перевод Клапрота на французский: Mouraviev. 1822.

34 BNF. CPL, Ge DD 5114. По утверждению Федчиной (Федчина. 1967. С. 79–80), эта карта стала одним из источников вышедшей в 1822 г. «Карты Азиатской России с показанием новейшего ее разделения» Позднякова и «Генеральной карты Азиатской России по новейшему разделению на губернии, области и приморские управления, с показанием путей российских мореходов» (издана Военно-топографическим депо в 1825 г.).

Примерно тогда же Левшин выпустил знаменитую «Карту земель, принадлежащих киргиз-казахам, и Туркестана, составленную по новейшим обозрениям [Муравьева, Мейендорфа и Берга] в 1831 году»[35], однако термин *Средняя Азия* на ней не фигурирует.

Геодезист Иван Красильников, автор множества карт земель, лежащих вокруг Оренбурга, и историк Петр Рычков, составивший первое подробное описание Оренбургской губернии (1762), снабженное упрощенной версией карты Ивана Муравина, использовали для обозначения территории, простирающейся до Индии[36], выражение *Полуденная Азия*; однако оно никем подхвачено не было и кануло в Лету.

Егор Мейендорф и внедрение в России терминов *Средняя Азия* и *китайский Туркестан*

Наблюдения и размышления ранних авторов будут развиты русским бароном шведского происхождения Егором Казимировичем фон Мейендорфом (Georges de Meyendorff).

Побывав в 1820 г. вместе с дипломатической экспедицией Александра Негри в Бухаре, Мейендорф констатировал, что термин *Тартария*, как и различие между *Великой* и *Малой Бухарией*, в самой Азии неизвестны[37]. Он пришел к выводу о том, что *Малую Бухарию*, которую «бухарцы называют “Алты-шаар” (“Страной шести городов”), т. е.: Кашгар, Яркенд, Хотан, Аксу и два города на Или»[38], следовало бы — исходя из этнического состава ее населения — именовать *китайским Туркестаном* (тот факт, что подобное обозначение выдвигало на первый план политическую принадлежность этого региона, им отмечен не был). Около 1821 г. аналогичное предложение — видимо, после экспедиции в Пекин (1820–1821 [?]) — было высказано русским путешественником и востоковедом Егором Тимковским[39].

Подобные идеи не были чем-то принципиально новым — они логически вытекали из уже привычного разделения *Тартарии* на две или три части (*русская Тартария*, *независимая Тартария* и *китайская Тартария*), которое распространилось в начале XVIII в. в Европе, а потом постепенно внедрилось в России, где было встречено с некоторыми сомнениями (они касались не только выражения *русская Тартария*).

Разъясняя наполнение этого термина, Мейендорф указал, что, говоря о *Тартарии* в ее совокупности, следует больше учитывать этнографические параметры, поскольку *Тартария* не может простираться до гор Белур [Памира] и Гиндукуш, так как пределы, заселенные «татарской расой», не доходят так далеко на юг (ил. 3). Потому ему представляется невозможным объединить под именем *Тартарии* регионы, которые к ней не относятся («ибо вовсе не являются татарскими»), при этом, исключая те, которые, подобно *китайскому Туркестану*, явно входят в ее состав[40]:

> «Если в географии принято давать стране имя народа, то следует, по крайней мере, чтобы она была заселена этим народом, иначе это обозначение окажется неопределенным и приведет к недоразумениям. Итак, мне кажется, что было бы лучше заменить название “Тартария” (в русском переводе обозначено *Татария. — Прим. автора*) именем “Средняя Азия”, каковое я нахожу более точным и более правильным с географической точки зрения. Я называю Средней Азией область, расположенную между Иртышом, Алтаем, Тарбагатаем, Музартом или Мус-тагом, Белуром, Гиндукушем, горами Гаур, лежащими к северу от Персии, восточным берегом Каспийского моря, Уралом и северными границами киргизской степи. Наименование “независимая Тартария”, обозначающее

35 Федчина. 1967. С. 79–80.

36 Одна из карт Красильникова называлась «Карта генеральная Оренбургской губернии и смежных с ней мест, из которых в простирающееся в полуденную Азию...»: Рычков. 1762. С. 7; Федчина. 1967. С. 64, 69. Кроме того, в 1780 г. в Оренбурге неким автором была составлена «Карта генеральная Оренбургской губернии и смежных к ней мест, из которых простирающееся в полуденную Азию по обстоятельствам окроме оной губернии»: Федчина. 1967. С. 70.

37 Meyendorff. 1826. P. 90–91. См.: Мейендорф. 1975.

38 Meyendorff. 1826. P. 121.

39 Хотя термин *китайский Туркестан* уже широко использовался в начале XVIII в., т. е. в эпоху французского картографа д’Анвиля, Бэддели (Baddeley. 1919. V. II. P. 25) приписывает его создание Тимковскому.

40 Meyendorff. 1826. P. 91.

Ил. 3. *Жители Центральной Азии. In Meyendorff, 1826, страница напротив титульной.*

независимые татарские государства, относится к области политической географии. Впрочем, чтобы быть последовательным, я должен говорить о независимой Монголо-Тартарии. Обширное плато, населенное монголами, можно назвать "Монголией", дабы избежать какой бы то ни было неточности. Я допускаю также обозначения Большой и Малый Тибет, китайский Туркестан и Джунгария, или Илийская провинция, как ее именуют китайцы. Ту часть Азии, которую я проехал или на которую распространились мои исследования, можно разделить так: к северу — страна киргизов; к западу — Хивинское ханство, где живут каракалпаки, аральцы и туркмены; к востоку — Кокандское ханство — Фергана, как называют ее арабские географы, включающее также города Ташкент и Туркестан; к югу — Бухария, туркменские пустыни, ханства Меймене, Андхой, Балх, Хульм, Бадахшан, Куляб, Хиссар, Шерсабес, или Шахрисябз, и страна, населенная гальчами, или восточными персами, элеутами и хезарейцами, кочевниками шиитами, шигани и дервазе, кочевниками-язычниками»[41].

Географическая концепция Мейендорфа может быть описана следующим образом:

1. *Средняя Азия* включает часть *независимой Тартарии* (на этой территории сейчас находятся пять центрально-азиатских республик бывшего СССР) с Джунгарией и Синьцзяном, а также северные части Индии, Пакистана, Афганистана и Ирана.
2. Расположенная к западу *китайская Тартария* соответствует *Малой Бухарии*.
3. *Китайская Тартария*, как ее определяли старинные словари, расположенная между Великой китайской стеной и границей России, была переименована в *Монголию*.
4. Разделенный на две части (Большой и Малый) Тибет был выделен в отдельный регион.

Картография того времени не отражала подобных нововведений: сам Мейендорф вместе с лейтенантом В. Д. Вольховским, капитаном А. К. Тимофеевым, Е. Эверсманном и Х. Пандером составил «Карту части Киргиз-Кайсацкой степи и Туркестана»[42], на которой термин *Средняя Азия* не фигурировал (он появился только на одной из этнографических иллюстраций; ил. 3).

То же касается и карты Устюрта, составленной полковником Ф. Ф. Бергом для его «Обозрения киргизской степи между Каспийским и Аральским морями», где он побывал в 1826 году[43].

В итоге неологизм *Средняя Азия* не был тогда внедрен, поскольку в представлении российских путешественников он обозначал транзитную территорию, расположенную посредине пути из России в такие южные страны, как Персия, Индия и Китай.

41 Ibid. P. 91–93.

42 По-французски: *Carte du Khanat de Boukara et d'une partie des steppes Kirghizes*, dressée par le Colonel baron de Meyendorff revue par... Lapie... et A. Jaubert, gravée par A. Blondeau. Warin scrip, [Paris]: imp. Sampier, [ca 18...] (BNF. CPL, Ge D 13270).

43 Федчина. 1967. С. 86.

Юлиус Клапрот: внедрение русского термина *Средняя Азия* во франкоязычном мире

Российские эрудиты были не единственными, кто стремился найти новое обозначение для этого географического пространства. На Западе термин *Тартария* тоже стал вызывать отторжение у исследователей, которые приложили немало усилий к тому, чтобы вытеснить его из научного словаря.

Об этом свидетельствует «Карта Азии» (1814)[44], созданная Адрианом Юбером Брюэ (Adrien Hubert Brué), где термин *Тартария* сохранился лишь как обозначение *независимой Тартарии*. Эта территория была не столь известна, как расположенные вокруг земли: Китай, исследованный иезуитами, Антарктика и Сибирь, куда отправлялись российские экспедиции, и Индия, картографированная британцами. *Русская Тартария* была заменена на *Азиатскую Россию* (*Russie d'Asie*) и *Сибирь* (эти выражения использовались как синонимы), в то время как обозначение *китайская Тартария* уступило место *Китайской провинции* (*Province chinoise*). При этом *Великая* и *Малая Бухария* на карте остались.

Центральная Азия (*Asie centrale*) окончательно вошла в западную научную терминологию благодаря трудам французского востоковеда немецкого происхождения Юлиуса Клапрота (Julius Klaproth). Синолог, мистификатор, ученик Яна Потоцкого, который в 1804 г. пригласил его в Россию, Клапрот был нанят Санкт-Петербургской академией наук как переводчик с восточных языков. Он участвовал в миссии в Китай (1805–1806)[45], которую возглавлял Ю. А. Головкин, а затем получил профессорское и позже академическое звание. Вернувшись в Париж в 1812 г.[46], Клапрот активно продолжил исследовательскую и переводческую деятельность. В частности, он основал «периодическое издание, призванное ознакомить Европу с географическими открытиями, которые в наши дни делаются в наименее известных частях Азии», при помощи перевода важнейших статей, выходивших в России. Они должны были продемонстрировать «важность исследования земель, примыкающих к этой обширной империи»[47].

Следуя установке, которая в его время казалась уже чем-то само собой разумеющимся, Клапрот также отказался от названия *Тартария*, поскольку оно ошибочно подразумевало, что эта часть Азии была населена исключительно *монголами* и *татарами* (тогда эти термины были синонимами)[48].

Не упоминая ни старинных, ни современных ему европейских находок в этой сфере, Клапрот с 1823 по 1826 г. окончательно ввел в оборот выражение *Asie centrale*[49]. Оно стало французской производной от цепочки *Полуденная Азия* Петра Рычкова, *Средняя часть Азии* Филиппа Назарова и *Средняя Азия* Николая Муравьева и Егора Мейендорфа. Клапрот также хорошо знал «Карту части Средней Азии» (1816), которая была выпущена Л. И. Панснером[50].

Французский термин *Asie centrale* был заимствован из России. Мы находим его в переводах, сделанных Клапротом с русского (речь идет о путевых заметках Муравьева[51], Назарова[52] и Тимковского[53]), а также в его собственных публикациях, таких как *Asia polyglotta* (1823)[54]

44 Nebenzahl. 2004. Pl. 5.7.

45 Экспедиция, в которой, помимо Потоцкого, участвовало еще трое специалистов, завершилась в Иркутске; до Урги (Улан-Батора) добрался только Головкин с ботаником И. И. Редовским. В 1805–1806 гг. Клапрот ограничился путешествием вдоль Иртыша, от Омска до Усть-Каменогорска (что привело к многочисленным неточностям в его более поздних биографиях, в которых утверждается, что он посетил собственно Китай); в 1807–1808 гг. он совершил путешествие на Кавказ: Гнучева. 1940. С. 155, 157, 160; Ширина. 1994. С. 18, 63–65; Beauvois. 1980. P. 20. По итогам своей экспедиции к китайским рубежам он создал описание российско-китайской границы: Klaproth. 1876–1878. V. I. P. 2–80.

46 За этот поступок, расцененный в России как «недостойный», его в 1817 г. исключили из Российской академии наук.

47 Klaproth. 1825. Введение; Klaproth. 2002. P. XVI; Обручев. 1948. С. 232; Beauvois. 1980. P. 11; Benes. 2004. P. 125.

48 Клапрот считал ошибкой, что Мейендорф разделял татар и монголов — для него эти два народа представляли собой одну «расу», и монголы были лишь одним из татарских племен: Meyendorff. 1826. P. 88; Klaproth. 1826a. P. 153.

49 В статье «Asie centrale» на сайте Национальной библиотеки Франции (BNF) ошибочно указано, что этот термин был впервые использован в 1831 г. (http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb15342238x).

50 Klaproth. 1826b. P. 12, 14, 16–17.

51 Муравьев. 1822; Mouraviev. 1923.

52 Клапрот опубликовал текст Назарова на французском языке под названием *Voyage de Philippe Nazarov à Kokande en 1813–1814*. Термин *средняя часть Азии* он перевел как *Asie moyenne*: Klaproth. 1825. P. 1–80.

53 Речь идет о путешествии Тимковского из Кяхты в Калган в 1820 г.: Обручев. 1948. С. 232.

54 Klaproth. 1822.

Ил. 4. *Юлиус Клапрот (Julius Klaproth). Asia polyglotta. 1823. Vol. 2 (карта вне текста).*

(ил. 4), *Tableaux historiques de l'Asie* (Исторические таблицы Азии) (1826)[55], снабженных «Картой Центральной Азии, составленной на основе карт, созданных по приказу императора Цяньлуна пекинскими миссионерами, и большого объема данных, извлеченных и переведенных из китайских книг» (*Carte de l'Asie centrale dressée d'après les cartes levées par ordre de l'empereur Khian-Loung par les Missionnaires de Péking et d'après un grand nombre de notions extraites et traduites de livres chinois*)[56].

В *Исторических таблицах Азии* Клапрот ссылался на китайские источники, иезуитскую традицию и наблюдения российских путешественников. Чтобы показать этническое разнообразие этой части мира в его историческом измерении, он очертил историю Персии, Китая и его владений (Тибета и Синьцзяна), Грузии, Армении, Кореи, Японии и *Средней* (или *Центральной*) *Азии*. Его очерк был снабжен таблицами народов, выстроенных в соответствии с результатами компаративного лингвистического исследования, опиравшегося на китайские источники, а также серией карт, представляющих различные государственные и племенные сообщества, от времен царя Кира до 1000 г.

55 Klaproth. 1826a.

56 Бэддели указывал, что эта карта была составлена на основе информации, собранной иезуитами в правление Канси и Цяньлуна, а также на базе карты Джунгарии (так называемой карты Renat I), полученной от калмыкского хана шведом Иоганном Густавом Ренатом во время его пленения (при этом некоторые детали у Рената, который составил собственную копию этой карты на шведском, представлены точнее). По словам Бэддели, ошибки Клапрота в описании Джунгарии настолько значительны, что этого исследователя, без сомнения, следует отнести исключительно к числу *traditori:* Baddeley. 1919. V. I. P. CLXX–CLXXII; Humboldt. 1843. T. I. P. XXIV.

Хотя выстроенная Клапротом хронология была поверхностна, а переселения и смешения народов вовсе им игнорировались, он предложил вполне рациональное описание этого региона; однако его терминология все еще оставалась путаной. В новой номенклатуре синонимичные наименования *Asie centrale* (*Центральная Азия*) и *Asie moyenne* (*Средняя Азия*), которые обозначали «земли Скифии по ту сторону Имауса и Серес, о котором писали древние географы»[57], частично накладывались на территорию *Передней Азии* и приобрели новое наполнение.

Клапрот осознавал суть проблемы и стремился уточнить смысл слишком смутных обозначений, который вдобавок во многом определялся тем, откуда смотрели на этот регион его предшественники. Он уточнял, что, по мнению китайцев и индусов, *Центральная Азия* (которую они воспринимали как землю варваров) начиналась прямо за границами их владений: к северо-западу от Поднебесной или к северу, по ту сторону Гималаев[58]. Греки и римляне следовали другому территориальному разделению: на их взгляд, *Передняя Азия* была частью *индуистской Центральной Азии,* лежавшей между Оксом [Амударьей] и Индом, а *Центральная* и *Восточная Азия* в их трудах почти не описывалась[59].

Упомянув об этих трудностях, Клапрот, тем не менее, сам ввел в начавшуюся дискуссию целый ряд спорных суждений. В тексте первого тома *Исторических таблиц Азии* он определил «свою» *Среднюю Азию* как:

> «[...] длинную полосу, протянувшуюся между Доном и Тихим океаном. С юга она ограничена Кавказом, Каспийским морем, Джейхуном или Оксом, Гиндукушем, Гималаями, Китаем и Белой горой [Пэктусаном], которая отделяет Корею от Маньчжурии; по северному краю она ответвляется в южном направлении и доходит до восточного края Урала, который пересекает киргизские степи до Иртыша, гор Малого Алтая, Саянских, Байкальских и Даурских гор, а также высокой цепи под названием Хинган (т. е. до восточной оконечности *Средней Азии*, как она определялась ранее у того же Клапрота[60]. — *Прим. автора*), которая идет до Охотского моря»[61].

Он настаивал на том, что *Средняя Азия* представляет собой единое пространство, и обращался к русской «Карте части Средней Азии», которая была составлена Панснером. По его мнению, она была весьма точной, однако термин *Средняя Азия* в ее заголовке был использован не очень удачно:

> «Она называется картой *Средней Азии*, однако при этом включает лишь киргизские степи, Бухарию и несколько соседних земель [...] и охватывает лишь небольшую часть территорий, которые мы обычно зовем *Малой Бухарией*»[62].

На многих картах *Средняя Азия* фигурирует в совершенно ином контексте[63]: карты Сасанидской и Османской империй (N° 9 и N° 11 в *Атласе* Клапрота) помещают этот регион между 70°-90° восточной долготы и 35°-43° северной широты, в пределах земель «индо-скифов, народов туфан (или тибетцев), страны Йетти-шаар [*le pays des Yeta ou Yi'ta*] и Давань [*Tawan*]». Хотя, как писал сам Клапрот, этот термин обозначал обширный географический регион, на карте он был помещен в один ряд с названиями народов и стран, что не могло не путать читателя. Поскольку в пространстве карты *Средняя Азия* оказалась задвинута в самый недоступный и плохо известный угол представленной зоны, где друг на друга накладывались различные уровни таксономии, этот термин фактически превратился в синоним *terra incognita* (оба выражения фигурировали на карте, практически наплывая друг на друга). При этом Клапрот не мог не помнить и о другом значении *Средней Азии*, которое упоминается в первом томе его *Исторических таблиц.*

Попытка дать определение этого региона через список народов, которые его населяют, при-

57 Klaproth. 1826a. V. I. P. 181.
58 Ibid. P. 82.
59 Ibid. P. 81.
60 Ibid. P. 83.
61 Ibid. P. 161.
62 Klaproth. 1826b. P. 12.
63 Klaproth. 1826a. V. II. Atlas.

вела к новой серии затруднений. В первом томе, в частности, было сказано, что в *Средней Азии* обитают пять народов:

> «тунгусы [север Кореи, гора Хинган, Амур], сяньбийцы [Сяньби, восточная и корейская Монголия], тюрки [от Волги до Алтая], тибетцы [Тибет] и алано-готы со светлыми волосами и голубыми глазами [к югу и северу от Небесных гор в Кашгаре]; земли к северу от них заселены народами монгольского и самодийского происхождения, а чуть к западу — гуннами и восточными финнами, которые ограничивают на севере эти пять рас и чьи наиболее южные поселения не преступают нынешние границы Сибири»[64].

При этом *Этнографический очерк внутренней и средней Азии до 1000 года, созданный по материалам китайских историков*, который был включен в *Атлас* (под N° 12), перечисляет уже семь народов. Два дополнительных этноса (первый из них, принадлежащий к «неизвестной расе», обитал между Памиром и Лобнором, а второй населял западные провинции нынешнего Афганистана), если следовать логике той цитаты, которую мы привели выше, должны были относиться к *Передней Азии*, а вовсе не к *Средней Азии*, как она определена в цитате (они относятся к *Средней Азии* лишь в том значении, которое приводится в общем определении).

Следующие поколения исследователей не стали обращать внимание на все эти неточности. Александр фон Гумбольдт полагал, что недавно созданная *Средняя Азия* занимает, согласно Клапроту, треугольник, расположенный между 62°–119° восточной долготы и 27°–52° северной ширты[65], а ее центр находится между двумя горными цепями, которые незадолго до того появились на картах: Тянь-Шанем и Куньлунем.

64 Klaproth. 1826a. V. I. P. 82.
65 Humboldt. 1843. T. I. P. XXI.

ГЛАВА 2

Введение средне-/центрально-азиатских концептов и географический детерминизм (1840–1880)

Александр фон Гумбольдт: *Центральная Азия* глазами натуралиста

— Путешествие в Россию

Сколь бы ни были велики достигнутые успехи, исследования 1810–1830-х гг. лишь заложили фундамент понятия *Средней Азии*. Традиционные представления о «протяженности и древней цивилизации» *плато Тартарии*, а также об устройстве и границах *Внутренней Азии* будут в значительной степени поставлены под сомнение благодаря Александру фон Гумбольдту (Alexander von Humboldt) — натуралисту, геофизику, поэту и рисовальщику, который широко известен как «переоткрыватель» Америки и автор «тотального» энциклопедического трактата «Космос» (1845–1859).

Хотя Гумбольдт еще с 1811 г. мечтал предпринять экспедицию в Азию, он сумел реализовать свой проект лишь в 1829 г., когда — после многих лет изучения персидского языка и всей доступной тогда научной литературы — получил от царя Николая I приглашение отправиться на Урал, чтобы там исследовать возможности разработки залежей платины. Гумбольдт, которому уже исполнилось 60 лет, осуществил свою последнюю исследовательскую миссию, которая привела его через азиатские владения Российской империи на юг, к Каспийскому морю, а затем, через Урал и Алтай, до китайского аванпоста Бати (Хони-Майлаху / Кош-Тюбе)[66], к северу от озера Зайсан, на границах китайской Джунгарии и Монголии (сегодня это север Казахстана).

Путешествие Гумбольда, который в географическом плане был вынужден считаться с запретом пересекать границы России, а в политическом плане был обязан сохранять в тайне значимые для властей сведения[67], продлилось с 12 апреля по 28 декабря 1829 г. Вместе с ним в экспедиции участвовали химик и знаток минералогии Густав Розе (Gustav Rose) и зоолог Христиан Готфрид Эренберг (Christian Gottfried Ehrenberg). Вернувшись в Европу, Гумбольдт в течение 14 лет старательно дополнял полевые данные, по большей части опубликованные его компаньонами, с помощью сведений, доступных тогда в Европе[68]. Эта обширная компиляция, которую он обогатил компаративными материалами, посвященными обеим Америкам и Европе, по его словам, стала своего рода заделом для его «Космоса»[69]. Вышедшие книги и статьи позволили переосмыслить устройство *Внутренней Азии*, отталкиваясь от ее вертикальной оси, и выстроить теорию о том, как ход истории коррелирует с природными факторами.

— Новые методы и исчезновение Высокого плато Тартарии

Если реальные данные об этом регионе были скудны (современные геодезические исследования стартовали лишь в 1810-х гг.), мифология, окружавшая центр азиатского континента, состояла из совокупности казавшихся очевидными «фактов», одним из которых было существование *Высокого плато Тартарии*:

66 Humboldt. 1830. P. 218; Humboldt. 1843. T. I. P. 42; Klencke. 1861. P. 195.

67 Humboldt. 1843. T. I. P. V–IX; Klencke. 1861. P. 185–199; Botting. 1988. P. 233–246.

68 В основном он опирался на сочинение Г. Розе. G. Rose. Partie minéralogique et géognostique et aperçu historique du voyage. 2 vols. 1837, 1842 (см.: Klencke. 1861. P. 211).

69 Humboldt. 1843. T. I. P. XII–XIII, XXX.

> «От священной долины Ганга к Тибету, либо от раскаленных долин Ферганы [...] через льды Памира к Кашгару и к великой *Песчаной реке*, которая тянется от городов Хотана и Керии до озера Лоб и оазиса Комул, поднимается обширное плато. Поскольку эти пески тянутся на северо-восток и там сливаются с пустыней [Гоби], отделяющей — по линии, вдоль которой идут караваны из Иркутска в Пекин, — небольшое внутреннее море Байкал от северной стены *Поднебесной империи* (недалеко за Хинганским перевалом), раньше многие полагали, что между 33° и 50° параллелями простирается единое плато»[70].

Со второй половины XVIII в. его представляли как огромный горный массив, расположенный между Гималаями и Южной Сибирью и целиком (от высочайших вершин в 8000 футов[71] до самых низин) покрытый вечными снегами; вот почему, как считалось, этот массив первым освободился от вод Всемирного потопа, и именно там якобы пробились «первые ростки цивилизации». По словам Гумбольдта:

> «[...] теории по поводу геологических следов потопа, опиравшиеся на древние мифы и местные традиции, служили опорой для подобных наблюдений. Факты, свидетельствовавшие о тесной связи между временем и пространством, между истоками социального порядка и формированием земной поверхности придавали этому огромному массиву [...] особое моральное значение и важную роль [в истории]»[72].

Отказываясь признавать, как и большинство его современников, обоснованность подобных представлений, Гумбольдт подчеркивал, что:

> «позитивные сведения, полученные благодаря путешествиям, непосредственным измерениям и более глубокому изучению азиатских языков и литератур, постепенно позволили выправить все неточности и преувеличения, которые содержались в этих гипотетических построениях»[73].

В соответствии с принципами географического детерминизма Гумбольдт обрушился с критикой на теории, связанные со всемирным потопом, и предложил новую модель описания центра континента, не ставя при этом под сомнение орографический параллелизм, который был так дорог предыдущим поколениям исследователей, и не отвергая представление о том, что это пространство сложено из четырех горных цепей, вытянувшихся вдоль параллелей, и четырех цепей, протянувшихся по меридиану[74]. Вдохновленный работами своих предшественников и современников по ботанике, зоологии и географии и под сильным влиянием идей Иммануила Канта, Гумбольдт выстроил свое видение региона на основе теорий о вулканическом характере земной поверхности, параллельности горных хребтов и контрастности геологического рельефа горных плато и низменностей (ил. 5).

---

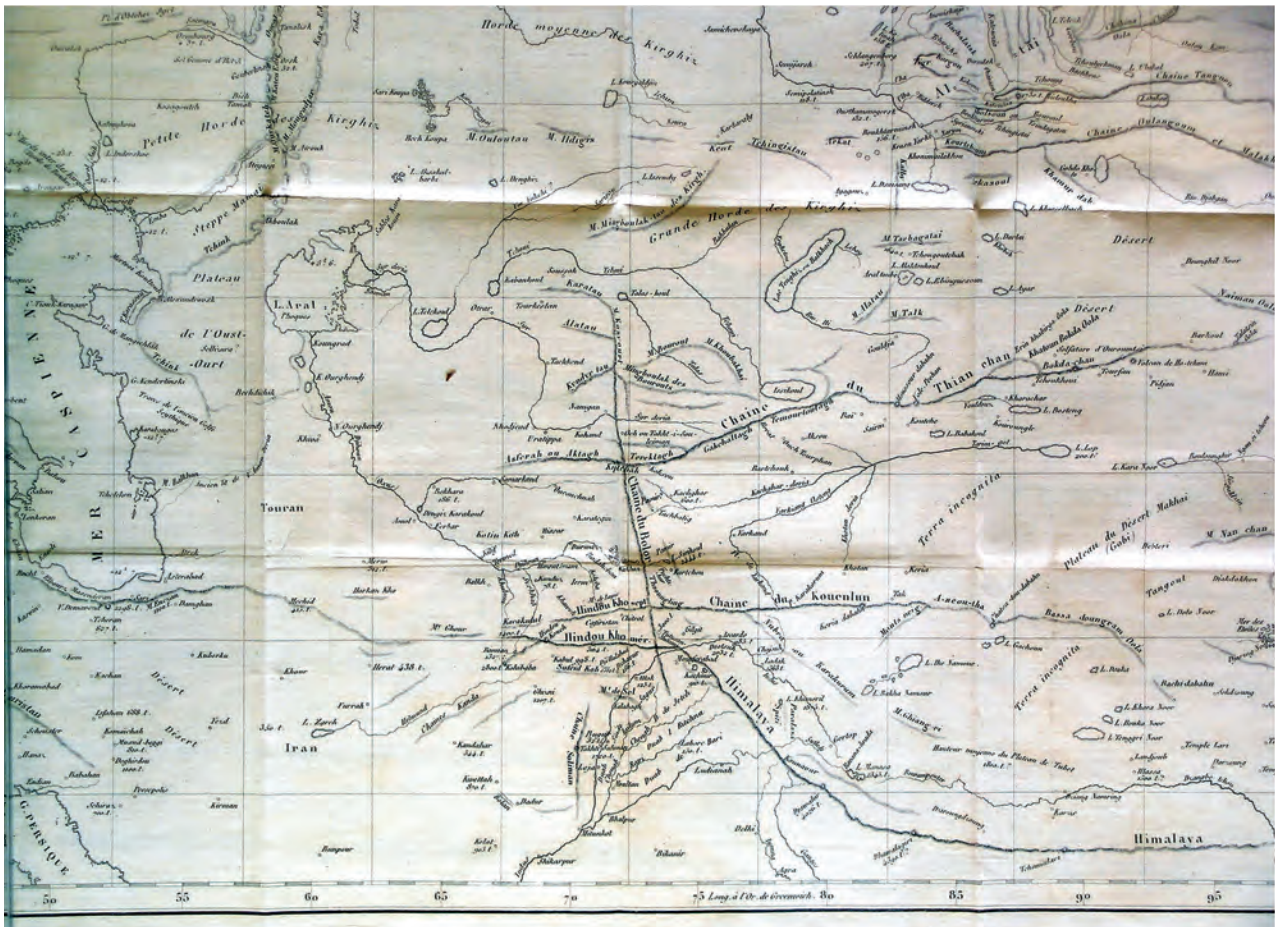
70 Ibid. P. 1–2.

71 Около 2438 м (фут — 0,3048 м).

72 Humboldt. 1843. T. I. P. 3, 5 (цитата).

73 Ibid. P. 5.

74 Вплоть до XIX в. огромное влияние на представления о *Центральной Азии* оказывала Птолемеева география, и не следует забывать, что она, в свою очередь, сформировалась в результате долгой графической эволюции. Представления об очертании крупнейших регионов и направлении рек или горных цепей часто были продиктованы формой тех предметов, на которых еще до Птолемея фиксировали разнообразные карты, а также их последующей эволюцией. По мере того, как графические репрезентации пространства становились крупнее, на них стали указывать дополнительную информацию (нередко такие карты выглядели как параллельные ленты, которые присоединялись друг к другу). Построения Гумбольдта — далекие отзвуки античной истории карт и их форм. Одной из первых схем, которая в той или иной степени дистанцировалась от Птолемеевой и на уровне орографического описания представляла *Тартарию*, была предложена геологами Леопольдом фон Бухом (Leopold von Buch) и Эли де Бомоном (Elie de Beaumont) на базе исследований, проведенных сотрудниками британской Ост-Индской компании. В их представлении центром, от которого расходятся горные цепи, пересекающие поперек всю Азию, служит *Болор-Таг* [т. е., с известной поправкой, Памир]. От него на запад отходит одиночная цепь (Гиндукуш, горы Ирана, горы Армении и Малой Азии), а на восток — двойная (Гималайи, Наньлин и Тянь-Шань, Алтай, Камчатка). Гумбольдт придал этому принципу большую определенность, отделив горные цепи, идущие параллельно экватору («Алтай, Небесные горы, или Тянь-Шань, Куньлунь и Гинду-Куш, Тавр, Гималаи») от цепей, развернутых по меридиану («почти прямо с юга на север. Таковы: Урал, золотоносные Кузнецкие горы, Болор, Солимановы горы»). Тезис об упорядоченной структуре горных цепей, который Гумбольдт увенчал теорией о кратерах поднятия и о вулканической природе центрально-азиатских гор, завел его на ошибочный путь: Humboldt. 1843. T. I. P. 100, 127–129; Гумбольдт. 1915. С. 78; Обручев. 1915. P. 333–335, 350.



Ил. 5. *Александр фон Гумбольдт (Alexander von Humboldt). Деталь карты Центральной Азии. 1843.*

Он предложил классификацию, базировавшуюся на гипотезе о том, что земная поверхность не единообразна, а регионально дифференцирована, что позволяет выделить в ней различные конфигурации, а на их основе — природные регионы, которые затем, в соответствии с теориями, господствовавшими до 1910 г., превращаются в географические регионы. По убеждению Гумбольдта, именно «различия почв», «поднятие пород», «чрезмерная сухость климата», «протяженность и направление горных цепей» и «их взаимное расположение» «с древнейших времен оказывали влияние на характер человеческих обществ, определяли направления миграций, ускоряли или замедляли развитие интеллектуальной культуры»[75]. Подчеркивая, что абсолютная высота гор не так важна, как их взаимное расположение, он попытался оценить высоту гор от уровня океана и предложил различать высокие плато и низины (*hauts plateaux* и *basses régions*)[76].

Подобная ревизия представлений о центре азиатского континента сопровождалась терминологическими уточнениями и более точным описанием границ этого ареала — одновременно в политическом, географическом и историческом измерениях. Особое внимание, с которым Гумбольдт в ходе решения этой задачи отнесся к сведениям восточных авторов (которые он называл «важнейшим источником позитивного знания»), вероятно, было связано не только с влиянием его близкого друга китаиста Юлиуса Клапрота, который дополнил сочинение Гумбольдта *Fragments de géologie et de climatologie asiatique* (Фрагменты по геологии и климато-

75 Humboldt. 1843. T. I. P. XI, XIV–XV.
76 Ibid. P. XXXII.

логии Азии) (1831)[77], или с влиянием другого китаиста — Станисласа Жюльена[78]. Его, без сомнения, следует приписать тесным отношениям Гумбольдта с его братом Вильгельмом, который, по словам Александра, читал по-китайски[79]. Свою роль тут также сыграла сама атмосфера, царившая тогда среди европейских интеллектуалов, — ведь как раз в тот период наука стала приобретать все более интернациональный характер.

Однако, признавая значение сведений, почерпнутых от азиатских авторов[80], Гумбольдт все же не был свободен от предрассудков, связанных с популярным тогда арийским мифом:

> «Когда в немоте позитивной истории мы с помощью плодотворного изучения языков пытаемся из Китая добраться до корней древней азиатской цивилизации [...], то приходим к общим корням двух великих ветвей семейства индо-персидских народов: к отношениям между арийцами-брахманами и арийцами-бактрианами»[81].

Несмотря на то, что в 1911 г. русский востоковед Василий Бартольд охарактеризовал колоссальный синтез, созданный Гумбольдтом, скорее как «памятник прошлого, чем точку отсчета новой научной эпохи»[82], терминологические находки Гумбольдта оказались более чем востребованы; более того, многие поколения ошибочно считали именно его «изобретателем» выражения *Центральная Азия*[83]. Однако его определения были столь же витиеваты, как и вся его манера письма, которая, по словам путешественника и натуралиста Виктора Жакмона (Victor Jacquemont), современника Гумбольдта, делала чтение его трудов «весьма нелегким занятием»:

> «Сколь же он изобретателен и учен! Но как же ему не хватает *метода*! Он пишет настолько плохо, вымученно, темно и витиевато! Его фразы настолько длинны, а скобки, примечания и приложения столь затемняют текст, что можно подумать, будто он написан на санскрите»[84].

— Центральная Азия *Александра фон Гумбольдта: многоуровневая терминология и наложение границ*

Первым результатом путешествия, совершенного Александром фон Гумбольдтом, стал его труд *Mémoire sur les chaînes des montagnes et sur les volcans de l'Asie intérieure, et sur une nouvelle éruption volcanique dans la chaîne des Andes* (О горных кряжах и вулканах Внутренней Азии и о новом вулканическом извержении в Андах. 1830), в котором автор использовал в качестве синонимов целый ряд терминов. Наряду с *Внутренней Азией* (*Asie Intérieure*), которая вынесена в название книги, в заголовке карты, помещенной в ее начале — *Chaînes de montagnes et volcans de l'Asie-Centrale* (Горные кряжи и вулканы Центральной Азии) —, фигурирует выражение *Центральная Азия*[85].

Сосуществование нескольких терминов для обозначения одной и той же территории и наложение их границ друг на друга встречаются не только в заголовках, но и в самом тексте книги. С одной стороны, Гумбольдт сообщает, что:

> «на крупных складах в Семипалатинске, Петропавловске, Троицке, Оренбурге и Астрахани я пытался получить у татар, которые так много странствуют (под татарами я, как и русские, подразумеваю не монголов, а тюрок — бухарцев и ташкентцев), сведения о землях *Внутренней Азии*, лежащих по соседству с их родиной»[86].

77 Перевод на немецкий был сделан Лёвенбергом.
78 Théodoridès, Wong. 1971.
79 Humboldt. 1843. T. I. P. XXXV, XL–XLIII.
80 Ibid. P. XXXIII–XXXIV.
81 Ibid. P. 8–9, 23 (цитата), 24.
82 Бартольд. 1977a [1911]. С. 352.
83 Шпринцин. 1976. С. 282; Miroshnikov. 1992. С. 477; Djalili, Kellner. 2003. P. 126.
84 Письмо г-ну де Меле в Пондишери из Пунаба, 17 июля 1832 г.: Jacquemont. 1867. P. 240–241.
85 «Chaînes de montagnes et volcans de l'Asie-centrale (Enfoncement du sol dans l'ouest)», Potsdam, 1830. Более поздняя и подробная версия карты («Chaînes de montagnes et volcans de l'Asie centrale». Berlin, 1839–1840), законченная К. Петерманном в Потсдаме в 1841 г. [Paris: Gide], была напечатана в сочинении Александра фон Гумбольдта *Asie centrale, recherches sur les chaînes de montagnes* (Центральная Азия, исследования горных кряжей) (Paris, 1843. В 3 т. // BNF. CPL. Ge D 11982).
86 Humboldt. 1830. P. 219.

С другой стороны, ниже он упоминает о том, что в Оренбурге получил ценную помощь от «мсье де Жанса (de Gens), главы азиатской школы и комиссии по решению пограничных споров с киргизами Малой Орды», который в течение двадцати лет собирал важные документы о «географии *Внутренней Азии*», — здесь этот термин означал территории, непосредственно примыкавшие к югу России[87].

В тот же период Гумбольдт использовал выражение *средняя и внутренняя часть Азии* (*partie moyenne et intérieure de l'Asie*), подразумевавшее территорию, ограниченную Алтаем, а на западе заканчивавшуюся киргизскими горами, Тянь-Шанем, Куньлунем и Гималаями; а также говорил о *Западной Азии* (*Asie occidentale*), включавшей земли между Кумой, Доном, Волгой, Яиком, озером Аксакал, Хивой и Амударьей[88]. Заголовок немецкого перевода этого сочинения (*Über die Bergketten und Vulkanen Inner Asiens*[89]) вновь появляется в 1841 г. у Карла Циммерманна (Carl Zimmermann), который использовал термин *Внутренняя Азия* (*Inner-Asien*) при анализе доступных ему арабских, китайских, русских и европейских карт, чтобы уточнить астрономические координаты географических объектов, расположенных между Персией и *Восточным Туркестаном*, а также от северных границ Индии до южных пределов России[90].

Терминология стала строже в следующем труде Гумбольдта, который вышел в 1843 г. и был озаглавлен *Asie Centrale. Recherches sur les chaînes de montagnes et la climatologie comparée* (Центральная Азия. Исследования о горных цепях и сравнительной климатологии)[91]. Хотя Гумбольдт все еще полагал, что французский остается для него иностранным языком, книга была опубликована по-французски[92]; немецкая версия этого текста (перевод сделал Г. Магиманн [G. Mahimann]) вышла лишь через год под названием *Central-Asien*[93].

То, что на этот раз Гумбольдт остановился именно на форме *Средняя Азия*, было связано с тем, что он осознанно отказался использовать выражение *Внутренняя Азия* (*Asie Intérieure* или *Inner Asia*), которое применял в более ранних работах.

Новое обозначение, возможно, вошло в словарь Гумбольдта благодаря чтению сочинений Юлиуса Клапрота, которые, по его словам, «представляют собой сокровищницу учености и орографических сведений»[94] и «необычайно важны для изучения внутренних пространств Азии»[95], и в еще большей степени — благодаря его знакомству с картами, созданными Клапротом:

> «[...] в ожидании публикации превосходной карты *Средней Азии*, созданной г-м Клапротом, которая станет продолжением и дополнением *Атласа* д'Анвиля (d'Anville)[96], — Гумбольдт предлагает, — пользоваться не картами Арроусмита (Arrowsmith), которые в высшей степени неточны в передаче горных систем, а картами, выгравированными [Бертом (Berthe) и Брюэ (Brué)] (1829), и особенно картами, содержащимися в *Asia polyglotta* и *Tableaux historiques de l'Asie* (Исторические таблицы Азии) г-на Клапрота (несмотря на то, что они невелики по размеру); особое значение имеет маленькая карта под названием "Средняя Азия", которая опубликована в *Mémoires relatifs à l'Asie* (Заметках об Азии) (т. 2) того же автора»[97].

В то же время Гумбольдт не был удовлетворен новой терминологией. С одной стороны, он отмечал, что заголовок его собственного труда, *Средняя Азия*, возможно, недостаточен по охвату, поскольку в узком смысле этот топоним означает территорию, ограниченную тремя ключевыми элементами: Тянь-Шанем, Куньлунем и

87 Ibid. P. 220; Klencke. 1861. P. 197.
88 Humboldt. 1830. P. 223, 225–226.
89 Он был опубликован в Берлине (Pogg. Ann. Band 94, 1830). См.: Шпринцин. 1976. P. 283.
90 Zimmermann. 1841.
91 Humboldt. 1843. В 3 т.
92 Ibid. T. I. P. XVII.
93 Немецкий заголовок состоит из двух частей: Sidikov. 2003. P. 46.
94 Humboldt. 1830. P. 223; Humboldt. 1843. T. I. P. XX (цитата), XXIV.
95 Письмо фон Гумбольдта Клапроту от 8 сентября 1827 г.: Klaproth. 2002. P. 122–123.
96 Речь идет о карте «Carte de l'Asie Centrale dressée d'après les cartes levées par ordre de l'empereur Khian Loung, par les missionnaires de Pe King..., par M. J. Klaproth». Paris: L. Berthe, 1836 (BNF, CPL, Ge DL 1836-34 [1–4]).
97 Humboldt. 1830. P. 223.

Балором[98]. С другой — он прямо признавал существование терминологических трудностей:

> «[...] Не будет излишним напомнить по этому поводу, насколько неопределенно и неточно применяются обычно названия *Центральная Азия* и *Высокая Азия*. Выражения *центральные*, *неизвестные*, *внутренние области* материка постоянно смешиваются, словно это были синонимы»[99].

Соотношение этих терминов действительно было очень неоднозначно.

Сколько бы Гумбольдт ни критиковал общепринятый взгляд на этот огромный географический ареал, он, вслед за Клапротом, считал, что он населен сибирскими охотниками, киргизскими и калмыцкими пастухами, китайскими земледельцами и тибетским народом монахов. *Внутренняя Азия*, о которой он писал в более ранних сочинениях, с юга была ограничена Гималайской цепью, а с севера — линией, которая шла через Астрахань, Оренбург, южную кромку Сибири и по верховьям Иртыша и Амура[100].

Еще один обширный, но более компактный регион, расположенный между 79° и 116° восточной долготы и 36°и 48° северной широты, который Гумбольдт решил больше не именовать *Центральным плато*, по его словам, «представляет собой самое обширное непрерывное плоскогорье», однако «далеко не охватывает собой всего огромного пространства *Внутренней Азии*»[101].

В отличие от низин (*terres basses*), возвышенности (*terres hautes*) — этот термин у Гумбольдта привнесет дополнительную путаницу в определение *Высокая Азия* (*Haute Asie*) — классифицируются следующим образом:

а) плоскогорье Центральной Азии, т. е. (исключая все то, что представляется неясным в этом устаревшем названии) направляющийся с юго-запада на северо-восток пояс Гоби или Ша-Мо, от китайского Туркестана или Малой Бухарии до гор Ханхай (т. е. до Синьцзяна и частично Внешней и Внутренней Монголии. — *Прим. автора*);
б) Гималаи, заключенные между изгибом большой реки Тибета и меридианом Аттока, цепь Куньлуня и высокие области (плоскогорья Тибета и Ладака), ограниченные двумя цепями Гималаев и Куньлуня;
в) Гинду-Куш и Тавр (в Турции, на берегах Средиземного моря. — *Прим. автора*);
г) Кавказ;
д) высокие равнины Западного Ирана;
е) гористые части Белуджистана, Гатов, Мейсора, Нильгирри и Китая[102].

Центральная часть Внутренней Азии — Гумбольдт продолжает использовать свою прежнюю терминологию, чтобы ввести в оборот новую, — ограничивается с юга и севера «англо-индийским и русско-сибирским» мирами и расположена между 30-й и 50-й параллелями и меридианами Балора или Кашмира, озера Байкал или огромного изгиба Желтой реки[103]. Подобная терминология сосуществует с такими выражениями, как *Средняя или Внутренняя части Азии*[104]. Таким образом, эти пространственные обозначения охватывают *Центральную Азию* и *Гималаи* с их *высокими плоскогорьями* (в том смысле этого термина, который мы очертили выше).

Недалеко от этой зоны расположен более компактный регион, *плато Гоби*[105], которое примыкает к *terra incognita*. Тандем *Центральная Азия — terra incognita* сохранялся до начала XX в.: эти земли считались очень опасными, особенно их западная часть — «Бактриана, которую из-за коварства узбеков столь рискованно пересекать». Она оставалась практически недоступной для «всякого путешественника, который по своему цвету кожи или чертам лица не напоминает азиата»[106].

98 Humboldt. 1843. T. I. P. XXVII; Гумбольдт. 1915. С. 14.
99 Humboldt. 1843. T. I. P. XXVII; Гумбольдт. 1915. С. 14.
100 Humboldt. 1843. T. I. P. 36–37.
101 Ibid. P. 5–7.
102 Ibid. P. 176; Гумбольдт. 1915. С. 107–108.
103 Humboldt. 1843. T. I. P. 31; Ibid. T. III. P. 21–22.
104 Ibid. T. I. P. 190–191.
105 Ibid. P. 177.
106 Ibid. P. 34–35.

Это не помешало Гумбольдту применить к этому региону принцип центральности:

> «Когда, перевалив с юга на север через цепь Гималаев, путешественники из Индии достигают обоих Священных озер на плоскогорье, которое, как думали некогда, следует называть "высокими равнинами Татарии", то, без сомнения, они направляются к *Центральной Азии*, но, находясь у Священных озер, они еще так далеки от центра Азии, как жители Сибири на широте Тобольска, Красноярска или у северного конца озера Байкала. Если обратить внимание на конфигурацию обширного азиатского материка и вычислить площадь его поверхности, без полуостровов и без заливов и извилин берега, то окажется, что центр Азии должен находиться между 24-й и 65-й параллелями и между меридианами Каспийского моря и Тихого океана, следовательно, почти под 44,5° широты и 85° восточной долготы от парижского меридиана. Этот центральный пункт приходится между цепями Тянь-Шаня и Алтая близ озера Аяр, следовательно [...] почти на одной параллели с южной оконечностью озера Балхаша, к юго-востоку от китайского города Чугучака, если только цепь Тарбагатая на моей карте не отнесена слишком далеко к югу»[107].

Продолжая свое описание, Гумбольдт отмечает, что:

> «Если бы пожелали обозначить именем *Центральной Азии*, что было бы и подходящим и научным, — область, простирающуюся на 5° к северу и на 5° к югу от средней параллели 44,5° (центральной параллели данной поверхности), то пришлось бы ограничить ее 39,5° и 49,5° широты, так что самая южная часть Колыванского Алтая между параллелями Бухтарминска и Усть-Каменогорска и большая часть Киргизских степей (Средняя и Малая Орда) вошли бы в пределы *Центральной Азии* [...]»[108].

Гумбольдт выделил *центральную область*[109], простирающуюся на 5° к северу и на 5° к югу от 44,5° параллели, — позже возникнет идея о том, что это единственное определение *Центральной Азии*, которое можно найти в его трудах. Как мы увидим в дальнейшем, у французского антрополога Шарля-Эжена Уйфальви (Charles-Eugène d'Ujfalvy) сложная картина, которую нарисовал Гумбольдт, трансформировалась в схематичный перечень «параллельных горных цепей, перерезанных почти под прямым углом другими, вертикальными, цепями, которые отделяют одни части азиатского континента от других»[110] (это резюме географической концепции Гумбольдта выглядит столь же упрощенно, сколь и пересказ идей его предшественника Клапрота, который сделал сам Гумбольдт, — см. выше).

Именно в этой трансазиатской области Гумбольдт поместил геометрический центр Азии:

> «Когда я находился в китайской Джунгарии, между сибирской границей и озером Зайсан, в равном расстоянии от Ледовитого и от Индийского океана (от устьев Ганга), я мог подумать, что нахожусь в *Центральной Азии*»[111].

— Туран *туранцев*

В модели Гумбольдта *Центральная Азия*, или *Высокая Азия* (эти термины у него почти что синонимичны), противопоставляется низине *Северной Азии* (*Asie boréale*), которой он тоже дал несколько различных определений:

> «Почти вся *Северная Азия* к северу от вулканической цепи Тянь-Шаня, страны, простирающиеся от Болора и верхнего Оксуса (Амударьи) к Каспийскому морю и от озера Балхаша через Киргизскую степь к Аралу и к южному Уралу, принадлежат *низменностям*. Рядом с плоскогорьями, имеющими 5000–11 000 футов высоты, позволительно назвать *низменностями* равнины, не поднимающиеся выше 200–1200 футов над уровнем океана. Без сомнения, название плато можно применять в широком смысле и к значительно меньшим поднятиям. Каждая равнина с самым небольшим подъемом над поверхностью моря будет тогда *столовой страной* (*table-land* — т. е. территорией, напоминающей поверхность стола. — *Прим. переводчика*) [...]»[112].

> «Невольно хочется верить, что образование этой впадины, этой обширной депрессии земной поверхности

107 Ibid. P. XXVIII; Гумбольдт. 1915. С. 14–15.
108 Humboldt. 1843. T. I. P. XXVIII–XXIX; Гумбольдт. 1915. С. 15.
109 Humboldt. 1843. T. I. P. XXVII–XXVIII.
110 Ujfalvy. 1874. P. 438.
111 Humboldt. 1843. T. I. P. 22; Гумбольдт. 1915. С. 42.
112 Ibid. P. 21; Гумбольдт. 1915. С. 41–42.

> находится в тесной связи с поднятием Кавказа, Гиндукуша и Персидского плоскогорья, ограничивающих с юга Каспийское море и Маверальнахар [*sic! — Прим. автора*], а, может быть, также с поднятием большого массива, неопределенно и неправильно называемого *плато Центральной Азии*. Эта впадина Старого Света, рассматриваемая с геологической точки зрения, есть *страна-кратер* [...][113].
>
> Обширная *впадина Каспийского бассейна*, кроме внутреннего моря того же имени, обнимает еще большую площадь, ныне представляющую сушу, которая тянется до Саратова, Общего Сырта и г. Уральска»[114].

Эти низменности, которые в 1830 г. были также названы Западной Азией (пусть границы этих регионов не полностью совпадали), простирались между двумя линиями: одна «к северу от Тянь-Шаня, Балора и верховьев Окса в направлении Каспия; [и] от озера Балхаш через Киргизские степи к Аралу, а также к югу от Уральских гор».

Чтобы описать эти *низменности*, Гумбольдт взял за основу терминологию арабо-персидских авторов, которые не слишком конкретно говорили «о землях, лежащих к северу от иранского мира», т. е. на том берегу либо Сырдарьи, либо Амударьи[115]. На взгляд Гумбольдта, *Туран восточных авторов* объемлет «Капчак, Хорезм, бассейны Каспийского и Аральского морей», т. е. впадину Арало-Каспийского бассейна и *Трансоксиану* (составляющие *Туранскую низменность*); Туран представляет собой «равнины, [возникшие] благодаря поднятию фундамента над уровнем моря, [т. е.] *столовую страну*», которая развернута на северо-запад[116].

Гумбольдт также применяет арабское слово *Мавераннахр* (*Mā warā' al-Nahr*), которое, в его представлении, обозначало ту же территорию, что *Большая Бухария*, т. е. совокупность древних Хорезма, Бактрианы и Согдианы[117].

Столь активное использование местной терминологии соответствовало новым методологическим принципам, которые Гумбольдт усвоил в ходе своей экспедиции, позволившей ему собрать сведения у русских, татарских, бухарских и ташкентских путешественников:

> «Знание языков не только неизбежно для доступа к самым источникам и для собирания сведений, которые иначе были бы обречены на забвение, но оно необходимо еще в особенности при занятиях Центральной Азией, где так много различных народов оставило следы своего перехода, для облегчения филологического анализа, которому всякий географ, стоящий выше простого чертежника, должен подвергать названия рек, озер и гор. Это — единственный способ обнаружить тождества, скрывающиеся на картах под совершенно различными названиями»[118].

Подобная установка, однако, не означала, что Гумбольдт в своих построениях отказался от европоцентризма — его описания в целом выстроены не так, как у местных авторов; почти все топонимы, которые использовал Гумбольдт, состояли из экзогенных терминов.

Сами жители региона, называемого *Тураном*, представляли его границы совсем иначе: эта территория, наряду со многими другими, упоминается в докладе, который послы кокандского хана Мохаммада-Али в 1853 г. направили высоким османским чиновникам во дворец Топкапы[119]. *Туран*, как он виделся в Коканде, где он также обозначался как *Туркестан*, *Татаристан*, *Узбекистан* и *Монголистан*[120], был по площади больше, чем *Туран* Гумбольдта. «На востоке он простирается до Китая, на юге — до Тибета,

113 Humboldt. 1931. P. 11–12; Humboldt. 1843. T. I. P. 50; Гумбольдт. 1915. С. 57.

114 Humboldt. 1843. T. I. P. 64; Гумбольдт. 1915. С. 63.

115 Bacqué-Grammont. 1972. P. 198 (со ссылкой на: Бартольд. 1963. С. 64).

116 Humboldt. 1843. T. I. P. 24, 37, 64; Ibid. T. III. P. 5. Часть возвышенных территорий описывается в главе, посвященной Тянь-Шаню: Ibid. T. II. P. 7–27. Туранская низменность обсуждается в главе о степных регионах: Ibid. T. II. P. 121 и далее.

117 Ibid. T. I. P. 34; Ibid. T. II. P. 296.

118 Ibid. T. I. P. L; Гумбольдт. 1915. С. 27; Klencke. 1861. P. 203.

119 Документ N° E. 7120 в архиве Музея Топкапы: Bacqué-Grammont. 1972. P. 192.

120 О слове *Туран* / *Türān* см.: Minorsky. 1934; Davis. 2002. Три термина, которые приводятся ниже, происходят от имен мифологических персонажей, которые с XI в. были вписаны в библейскую традицию: тогда возникло представление о том, что у Иафета был сын Тюрк, у которого родилось двое сыновей: Татар и Монгол. У последнего появился на свет сын Огуз, которого жены Чингисхана считали своим предком. По мнению Баке-Граммона, слово *Монголистан* произошло от названия, которым в Индии соседний регион обозначали британцы, — оттуда оно попало в Коканд с индийскими купцами; при этом русские путешественники, говоря о *Трансоксиане*, никогда не называли ее *Монголистаном*: Bacqué-Grammont. 1972. P. 198–199.

Индии и Ирана, на западе — до великой пустыни Дешт-и-Кипчак [или "Татарской пустыни"] и Каспийского моря, а на севере — тоже до Дешт-и-Кипчака». По словам французского историка Жана-Луи Баке-Граммона (Jean-Louis Bacqué-Grammont), эти смутные указания свидетельствуют о том, что Кашгар, завоеванный Китаем в 1758 г., продолжал рассматриваться как часть *Турана*; мы не знаем, где именно эти послы помещали Джунгарию: в *Туране* или в Китае. В политическом плане *Туран*, как его представляли кокандцы, состоял из государств-оазисов:

> «Хорезма [Хивинское ханство], Трансоксианы [Бухарское ханство в границах Зеравшанской долины], Ферганы [Кокандское ханство], Кашгара, Кухистана Трансоксианы [конфедерация княжеств, расположенных в верховьях рек Зерафшана и Амударьи] и Бадахшана»[121].

Хаджи Халифе (Кятиб Челеби / Kātib Çelebi), автор географической энциклопедии *Всемирное зерцало* (Джиханнюма / Kitāb-i Cihān-Nümā), которую он не успел завершить, предложил чуть иной взгляд на этот регион. У него *Туркестан-Туран* состоял из земель, расположенных за Оксом, включал Кашгар и граничил с Бадахшаном и Кашмиром[122]. Подобная интерпретация Гумбольдту тоже была не известна.

— *Влияние теорий Александра Гумбольдта:* Высокая Азия *и* Туранская низменность

Бесчисленные определения, которые в своих построениях давал Гумбольдт, были чрезвычайно искусственны и геометричны; он находился под сильнейшим влиянием теории вулканизма и орографического параллелизма, а также довольно плохо был осведомлен об этом регионе (не только о его геологии и географии), что вело к множеству явных противоречий между границами различных территорий и номенклатурой их обозначения[123].

Например, выражения *Центральная Азия*, *Внутренняя Азия* и *Высокая Азия* им использовались без всякой системы и не помогли разрешить терминологические трудности. Кроме того, рассуждения об «отрицательном» рельефе Турании (расположенной ниже уровня моря) и о вулканах *Центральной Азии* (на самом деле это самовозгорающиеся залежи угля, которые имеют невулканическую природу) чрезвычайно неточны и полны ошибок. Однако интеллектуальное влияние книги Гумбольдта было настолько мощным, что научный мир почти единодушно воспринял новый взгляд на *Центральную Азию*, а также используемый им словарь; некоторые авторы даже ошибочно приписывали ему авторство термина *Центральная Азия*.

Кроме того, название *Высокая Азия* (*Haute Asie*), ключевой элемент гумбольдтовской теории *возвышенностей — низин*, которая порвала со старинным понятием «далеких земель», была подхвачена путешественниками (как братья Шлагинтвейт [Schlagintweit][124], Жюль-Леон Дютрёй де Рэн [Jules-Léon Dutreuil de Rhins] и Фернанд Гренар [Fernand Grenard][125]) для описания их маршрутов, которые обычно пересекали юго-восток Тибета, Каракорум, Памир, Синьцзян и Монголию. Хотя, на первый взгляд, русское выражение *Нагорная Азия* напоминает точный перевод *Haute Asie*, и оба термина относятся к горным районам, на самом деле их географические контуры не совпадают. Путешественник и географ Петр Семенов-Тян-Шанский, который описал историю русских исследований этого региона, полагал, что «[...] западная Тяньшаньско-Памирская окраина Нагорной Азии» соответствует «нашей русской окраине»[126], в то время как ее «восточная окраина» представляет из себя «переходн[ую] стран[у] от сурового возвышенного Тибетско-Тунгутского нагорья к теплым долинам и равнинам Срединной Империи, находящихся в западных ея провинциях Ганьсуйской и Сычуаньской»[127].

---

121 Bacqué-Grammont. 1972. P. 199–202.
122 Bacqué-Grammont. 1996. P. 311–314.
123 На это обратил внимание уже Рихтгофен, а после него Мушкетов и Обручев: Мушкетов. 1886. С. 4; Обручев. 1915. С. 332, 336–337.
124 Schlagintweit (братья). 1866; Schlagintweit. 1861–1866.
125 Grenard. 1897–1898; Grenard. 1929. P. 234–379.
126 Семенов-Тян-Шанский. 1896. Ч. 2. Отд. 4. С. 708–709.
127 Семенов-Тян-Шанский 1896. Ч. 2. Отд. 4. С. 590.

Другими словами, Тибет, который был практически недоступен для русских путешественников, как Николай Пржевальский[128] и его последователи, не входил в пределы *Нагорной Азии*. Однако у французского востоковеда Поля Пеллио (Paul Pelliot) и других авторов он относился к *Haute Asie*. Пеллио подчеркивал, что *Haute Asie* (*Высокая Азия*), «где природа не слишком благосклонна к человеку [...] приобретает свое значение благодаря тому, что она расположена между средиземноморским, индийским и китайским мирами; она разъединяет и в то же время объединяет их».

По его мнению, *Haute Asie* состоит из «трех крупных политических элементов, которые в целом соответствуют трем регионам, сильно различающимся в географическом и "расовом" планах: Монголия, китайский Туркестан и Тибет»[129].

Этот термин, который стали обсуждать (не давая ему четких определений) со второй половины XX в., порой использовался в смысле близком к тому, что ему придавал Пеллио[130]; порой в духе путешественников XIX в.[131]; либо в каком-то еще индивидуальном значении, без особого внимания к истории самого топонима[132].

В отличие от *Haute Asie*, выражение *Туранская низменность* (*dépression touranienne*), которое требовалось для описания низинных земель, использовалось нечасто. Первоначально оно было предложено как строго географический термин немецким агрономом Александром Пецхольдтом (Alexander Petzholdt) (1877)[133], а потом трансформировалось в *Туранскую впадину* (*cavité touranienne*) или *Туркестанскую котловину* (*cuvette du Turkestan)*. Несмотря на то, что выражение *Туранская низменность* было с энтузиазмом встречено Иваном Мушкетовым, который высоко ценил Пецхольдта[134], оно так никогда и не закрепилось как общее обозначение этого региона. Тем не менее оно играло важную роль в дискуссиях, связанных с геологией (термин *впадина*, который в XIX в., скажем, у Э. Реклю, служил синонимом *низменности*, в итоге был заменен на *котловину*).

Аналогично сложилась судьба производного термина *Арало-Каспийская низменность* (порой ее отождествляли с *Туранской низменностью*) — сегодня о нем больше не вспоминают. Переиздав Мушкетова, русско-советский географ Лев Берг продемонстрировал неадекватность этого выражения — оно предполагало, что в четвертичный период вся территория этого региона была покрыта водами моря (или, скорее, соленого озера), тогда как на самом деле этот водоем охватывал лишь небольшую часть Туркестана (прибрежные земли Каспия, долину Узбой, Сарыкамышскую котловину, восточные и южные берега Аральского моря)[135].

Не отказываясь от концепта *низменностей*, французский географ Ксавье Планьоль (Xavier Planhol) в 1968 г. подчеркнул, что почти весь регион лежит за пределами плювиальной зоны, по ту сторону Хорасанских гор[136], и ввел в оборот термин *basse Asie centrale* (*низменности Центральной Азии*); подобное выражение продолжало встречаться в некоторых школьных учебниках еще в конце XX в.

В 2003 г., в рамках исследований Арало-Каспийского региона, выражение *страна-кратер*, которое некогда предложил Александр Гумбольдт, было вновь — из соображений престижа — введено в оборот в Казахстане, поскольку оно позволяло связать этот регион с историей европейской востоковедческой мысли[137].

128 Prjevalski. 1880.

129 Pelliot [после 1924]. P. 1.

130 Французский востоковед Луи Амбис (Louis Hambis), в отличие от Гумбольдта, не относил Кавказ и Западный Иран к числу возвышенностей и писал, что «Высокая Азия состоит из гор и возвышенных плато, которые протянулись между Сибирью, Китаем, Индией и русским Туркестаном» (Hambis. 1968 [1953]. P. 1). Только из-за нехватки места Амбис в своем обзорном труде не включил в *Высокую Азию* еще и Тибет. Тоже определение звучит у французского географа Пьера Георга (Georg. 1947. P. 483).

131 Этот термин недавно был использован, чтобы описать, как эту часть мира воспринимали путешественники XIX — начала XX в.: Baud, Forêt, Gorshenina. 2003.

132 Сват Соучек (Svat Soucek) применяет термин *Высокая Тартария*, созданный по модели *Высокой Азии*, только для обозначения Синьцзяна: Soucek. 2000. P. X.

133 Petzholdt. 1877. P. 4 (цит. по: Sidikov. 2003. P. 62).

134 Мушкетов. 1886. С. 12–13.

135 Мушкетов. 1915. С. 11, 14 (с добавлениями Л. Берга).

136 Planhol. 1968. P. 203–204, 233.

137 Ажигали. 2006.

Российская географическая школа и раздвоение термина *Центральная Азия*

— Центральная Азия *и* Средняя Азия: *равноправные синонимы*

Центральная Азия (1843) Александра Гумбольдта, которая синтезировала все доступные на то время сведения, сильно повлияла на русскую терминологию, где до той поры существовал лишь один термин — *Средняя Азия*.

Сразу после публикации этой книги в российской прессе вышла серия восторженных рецензий. Их авторы по-разному переводили ее название: «Журнал Министерства народного просвещения» писал о том, что «в Париже вышло новое сочинение знаменитого Гумбольдта о *Центральной Азии*», тогда как «Отечественные записки» посвятили статью «само[му] ново[му], только что появивши[муся] в Европе, творени[ю] Гумбольдта» о «*Средней Азии*»[138] и указали, что «*Средняя Азия,* возбуждающая теперь всеобщий интерес в политическом отношении, особенно интересна для нас, потому что значительная часть [этого региона] входит в состав нашего отечества»[139].

Подобная разноголосица не была связана с журнальной спешкой — позже, в 1880–1890-х гг., знаменитый географ Петр Семенов-Тян-Шанский упоминал эту работу исключительно как *Центральную Азию*, в то время как не менее знаменитый историк Василий Бартольд в 1911 г. ссылался на нее как на *Среднюю Азию*[140].

В русском языке раздвоение терминологии не несло какого-либо послания, поскольку выражения *Центральная Азия* и *Средняя Азия* первоначально были синонимичны — оба указывали на то, что этот регион расположен в середине континента.

В то время как в Европе систематизация языка географии началась уже в XVIII в.[141], в России специалисты из Императорского российского географического общества взялись за эту задачу лишь со второй половины 1840-х гг. — в связи с подготовкой *Российского словаря географической терминологии*. В 1847 г. Яков Ханыков, географ, топограф и автор одного из первых обзорных трудов о Хиве[142], инициировал проект, который был призван уточнить термины, описывающие математическую, физическую, экономическую, этнографическую и теоретическую географию России, — при этом особое внимание было уделено локальным топонимам. Несмотря на то, что в ходе работы удалось собрать обширную документацию, проект в 1851 г. был приостановлен[143], а термин *Центральная Азия* остался без четкого определения[144]. Не обращая внимания на новые идеи Гумбольдта (тандем *возвышенности — низины*, или, точнее, его методологическое значение), российские исследователи продолжили использовать выражение *Центральная Азия* в его почти изначальном смысле — не в том, который Гумбольдт предложил в 1843 г., а в значении *Внутренней Азии*, о которой он писал в более ранних работах. Порой они даже обращались к той трактовке *Центральной Азии*, которую в 1823–1826 гг. отстаивал Клапрот.

Остановившись на варианте *Средняя Азия*, русские авторы тем самым сделали выбор в пользу более широкой трактовки границ этого региона. Примером может служить Павел Савельев, который в своем обзорном труде *Средняя Азия. Обозрение географических открытий и путешествий* (1848) призывал молодых исследователей посвятить себя изучению «глубин Азиатского континента»[145].

---

138 Журнал Министерства народного просвещения. Т. 38. Ч. 7. С. 31; Отечественные записки. 1843. Т. 30. Ч. 2 (цит. по: Шпринцин. 1976. С. 285).

139 Вальская. 1971. С. 219.

140 Бартольд. 1977а [1911]. С. 352, 424, 435.

141 Godlewska. 1999. P. 41–46.

142 В 1841 г. Яков Ханыков с братом Николаем и И. И. Ивaниным выпустили компиляцию под названием *Полное описание Хивинского ханства, проверенное и окончательно исправленное Никифоровым, Базинером и Данилевским*, а с Владимиром Далем — обзорный труд *Сведения о путях в Хиву*: Вальская. 1971. С. 220–221.

143 Вальская. 1976.

144 Важно упомянуть, что двадцать лет спустя *Центральная Азия* (пусть даже в строго лингвистическом и топонимическом смысле) удостоилась в Европе специального географического словаря, в котором, под влиянием Клапрота, были представлены местные географические термины на ряде дальневосточных языков: Jules Thonnelier. *Dictionnaire géographique de l'Asie centrale*. Paris. 1869. Жюль Тоннелье был хранителем кабинета минералогии в Горной школе и переводчиком путевых заметок Палласа.

145 Савельев. 1848 (цит. по: Вальская 1976. С. 255).

— *Параллели между* Центральной Азией *Клапрота и* Средней Азией *Бичурина и Васильева*

Столь же максималистского взгляда на границы этого региона придерживался русский монах и востоковед Никита Бичурин (также известный под именем Иакинфа). Будучи главой девятой русской духовной миссии в Китае, он с 1808 по 1821 г. находился в Пекине[146]. Вернувшись на родину, он до 1851 г. опубликовал серию трудов, в том числе *Записки о Монголии* (1826)[147], *Описание Тибета в настоящем состоянии* (перевод с китайского на русский, 1828)[148], *Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии* (1829), *Статистическое описание Китайской империи* (1842), в которых опирался на научные наработки миссионеров иезуитов (они, в свою очередь, основывались на китайских источниках), но не предложил критического анализа самих китайских авторов[149].

В обзорном труде под названием *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена* (1851) Бичурин собрал переводы китайских авторов от II в. до н. э. до X в. н. э.[150]. Бичурин использовал термин *Средняя Азия* в настолько широком смысле, что он почти совпал с определением, предложенным Клапротом — его современником и научным оппонентом.

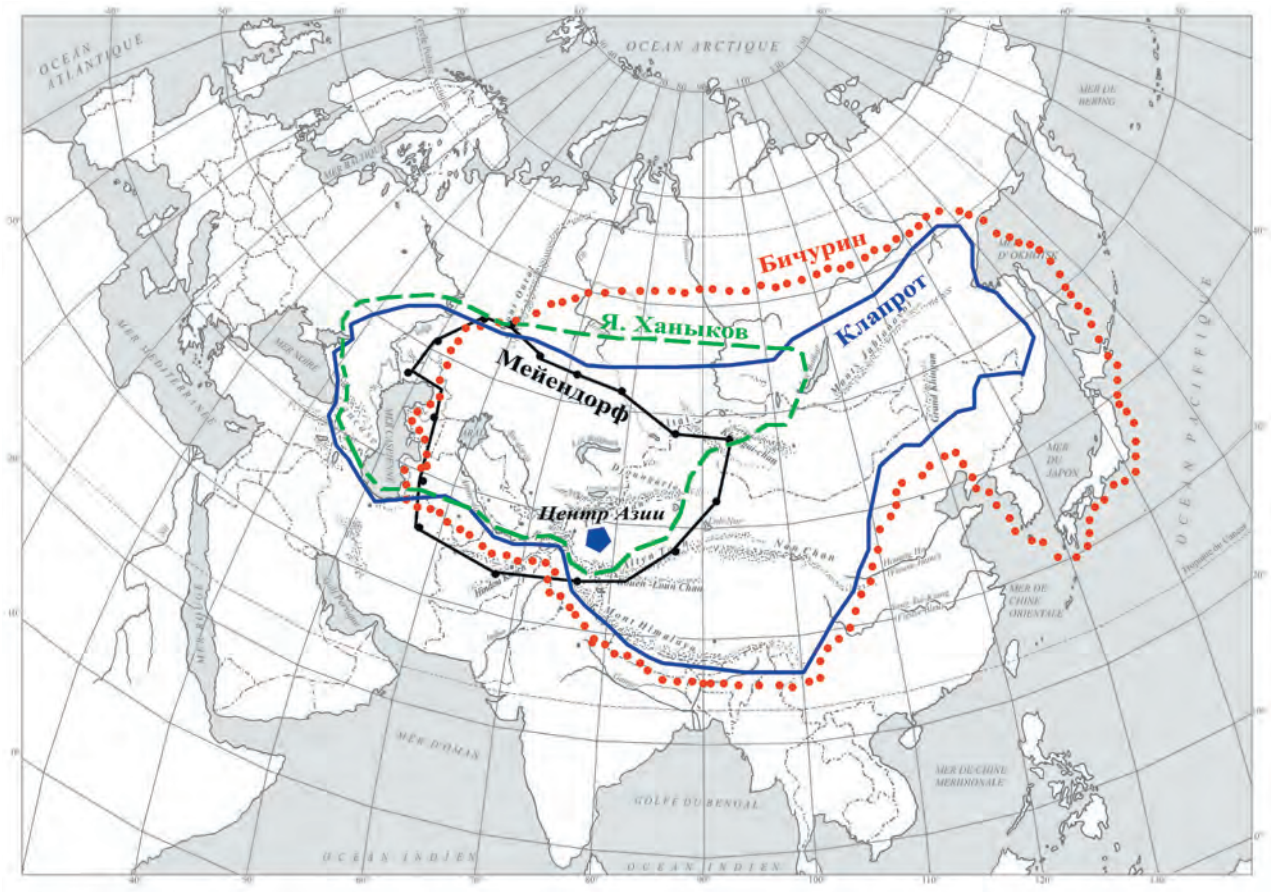
Как писал Бичурин, пределы *Средней Азии* с запада ограничены Уралом, а на юго-востоке — горными цепями, протянувшимися от Корейского залива до Памира. В его представлении, этот регион включал северо-запад Китая, Корею, Японию, Маньчжурию, Монголию, южную часть Сибири южнее 63-й широты (к югу от Тунгуски), восточный Туркестан, входящий в состав Китая, независимые государства, которые позже войдут в российский Туркестан, а также Тибет[151]. В географической номенклатуре Бичурина также сохранилась более компактная территориальная общность — Туркестан (который простирался от Хами до Каспийского моря[152]).

Если сравнить определения *Средней Азии*, предложенные двумя китаистами, мы увидим, что Бичурин, в отличие от Клапрота, не включал в него Кавказ и земли, лежащие к северо-западу от Каспийского моря, но зато присоединял к ней значительную часть Дальнего Востока (северо-запад Китая, Корею, Японию, Маньчжурию и Монголию). Как и Клапрот, Бичурин опирался на китайские источники, и потому не совсем ясно, с чем связано такое различие их концепций.

При этом мы точно можем сказать, что Бичурин, продолжавший традицию русских путешественников и востоковедов рубежа XVIII–XIX вв. (Муравьева, Мейендорфа, Рычкова, Татищева), и его западный коллега Юлиус Клапрот, который очень тепло относился к России, включали в *Среднюю Азию* и *Туранскую низменность*. В 1810–1840-х гг. представления о границах этого региона в Европе и России не слишком отличались друг от друга (ил. 6). Та же интерпретация — гигантская *Средняя Азия*, протянувшаяся от Кавказа через Туран до Японии, — появилась и в США, например в школьном учебнике Чарльза Энтона (Charles Anthon) (1850), который был верен классической традиции[153].

В 1850–1860-х гг. ту же трактовку продвигали русские историки Николай Ханыков[154], Владимир Вельяминов-Зернов[155] и Василий Григорьев[156]. Свидетельством тому «Карта северо-западной части Средней Азии (между 3° и 55° широты и 60° и 95° долготы)», составленная Яковом Ханыковым в 1850–1853 гг., — ее заголовок дословно воспроизводит название карты Панснера 1816 г. Эта карта была исходно предназначена для того, чтобы проиллюстрировать его статью «Список мест в северо-западной части Средней Азии», которая предназначалась для

146 Бичурин. 1950–1953. Т. I. 1950. С. VII–VIII.
147 В 1832 г. этот труд был переведен на французский, а затем на немецкий языки: Бичурин. 1950–1953. Т. I. 1950. P. XVI.
148 В 1829–1830 и в 1831 гг. вышли два издания по-французски (в переводе Ю. Клапрота): Бичурин. 1950–1953. Т. I. 1950. P. XVI.
149 См. критику Мирзы Казембека: Бичурин. 1950–1953. Т. I. 1950. P. XXXVII. Список публикаций Бичурина: Ibid. Т. III. 1953. С. 87–92.
150 Ibid. Т. I. 1950. С. IX.
151 Ibid. Т. I. 1950. С. XXV, LVI, 9–12, 33, 55, 220, 222–223, 375-376; Ibid. Т. II. 1950. С. 152.
152 Ibid. Т. I. 1950. С. 57, 222–223, 227.
153 Anthon. 1850. P. 608.
154 Ханыков. 1843. С. V, 7, 75.
155 Вельяминов-Зернов. 1852–1855.
156 Григорьев. 1872.



Ил. 6. *Схематическое представление Средней / Центральной Азии согласно «русской манере» 1820–1850 гг. (Георгий Мейендорф, Юлиус Клапрот, Иакинф Бичурин и Яков Ханыков).*

второго тома *Карманной книжки для любителей землеведения*. По версии Ханыкова, этот регион должен был включать следующие пункты: на западе — Кирсанов, Царицын (Волгоград), Кизляр, Ардебиль, «недалеко от Султании»; на востоке — Барнаул, Красноярский острог, озеро Алаколь; на севере — Кирсанов, Оренбург, Кузнецк; на юге — Кашан, Герат, Кабул и Кашмир. Карта в итоге была издана в книге в сопровождении «Списка мест в северо-западной части Средней Азии с указанием их астрономических координат», который также был составлен Ханыковым с помощью Ю. В. Толстого (в него были включены 456 важных географических пунктов Средней Азии)[157].

В окончательной версии карта состоит из четырех частей:

1. Аральское море и Хивинское ханство;
2. Каспийское море;
3. озеро Иссык-Куль;
4. север Персии[158].

Все эти территории, по мысли Ханыкова, составляли географическое единство, которое он в своих письмах называл *Тураном*. Единственным

157 Ханыков. 1850; Семенов-Тян-Шанский. 1896. С. 89–90; Маслова. 1955. Т. I. С. 9–10.

158 Три первые карты были составлены Я. Ханыковым, а четвертая — Н. Ханыковым. Работу братьев облегчил доступ к секретным документам. Русская администрация всегда рассматривала карты приграничных зон как конфиденциальные, пусть их содержание и было секретом Полишинеля. Например, цензура запретила публикацию карты, которая должна была сопровождать статью Я. Ханыкова «Объяснительная записка к карте Арала и Хивинского ханства» в *Записках русского географического общества* (т. 5. 1851). Однако Ханыков в конце 1851 г. выпустил ее самостоятельным изданием (и в том же году еще и опубликовал по-французски): Вальская. 1971. С. 225. См.: «Carte de la mer d'Aral et du Khanat de Khiva, dressée par Jacques de Khanikoff...». Paris: imp. De Thierry frères, 1851 (BNF, CPL, Ge C 1316; кроме того, под шифром DL. 203-1851 там хранится другое издание). См. также: Khanikoff. 1861.

картографическим прецедентом подобной трактовки, похоже, была неизданная карта *Турана*, созданная его братом Николаем Ханыковым и хранившаяся в секретном архиве Азиатского департамента[159].

Гумбольдт, который хорошо знал эту работу Якова Ханыкова, видел в ней общую карту *Северной Азии* — по его словам, бассейн Аральского моря представляет собой «настоящую *terra incognita*»[160].

Несмотря на разницу в подходах, русские исследователи хорошо знали сочинения Гумбольдта и почерпнули из них многие принципы, дополнявшие тогдашние представления.

Китаист Василий Васильев, ученик и преемник Бичурина, воспроизвел тот же глобальный и уже ставший привычным взгляд на *Среднюю Азию* в своей книге *Истории и древностях восточной части Средней Азии с X по XIII век* — крупнейшем историческом синтезе того времени, в котором он пошел по стопам учителя[161]. В 1852 г., возможно, под влиянием работ Гумбольдта, термин *Центральная Азия* появился в другом исследовании Васильева под названием *Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях*. Там это выражение не только обозначало *Высокую Азию*, как ее определял Гумбольдт, но и предвосхитило идеи Фердинанда фон Рихтгофена (Ferdinand von Richthofen), высказанные им 25 лет спустя. Как писал Васильев, *Центральная Азия* представляет собой «страну спертых вод, окруженн[ую] со всех сторон системами рек и озер, доходящими до океанов»[162].

В Европе русский взгляд на Азию был вначале принят в штыки — он казался слишком зависимым от традиции и «несовместимым» с последними картографическими новациями. Географы, завороженные жесткой гумбольдтовской схемой, в которой *возвышенности* противопоставлялись *низинам,* а термин *Центральная Азия* означал лишь *высокие плато* и исключал *Туранскую низменность,* единодушно отвергли модель, предложенную в России. Если в 1843 г. различия в интерпретации еще были едва заметны, позже более традиционный и гибкий взгляд, принятый в России, стал неприемлем для европейцев. Ближе к 1860 г. терминологические расхождения привели к открытой полемике — ей не помешало то, что Россия в то время больше не воспринималась как угроза для Европы и стремилась сблизиться с Западом[163].

Кроме того, мы знаем, что в тот период русским и европейцам было сложно договориться по поводу картографической терминологии. В 1858 г. русские авторы приостановили работы над созданием общей карты *Средней Азии*, которые были начаты в 1849 г. на основе русских картографических данных (прежде всего, карт Якова Ханыкова), при участии Фрирона — директора Веймарского географического института (Geographisches Institut zu Weimar)[164]. У провала был ряд причин: русские ссылались на картографические ошибки, допущенные в Веймаре, затягивание проекта, смену лиц, которые за него отвечали, и разнообразные неточности[165], в то время как западные сотрудники сетовали на ксенофобию и нетерпимость русских[166]. Наконец, в России самым надежным источником считали карту Ханыкова, тогда как в Европе наибольшим доверием в том, что касалось Джунгарии и Туркестана (*Трансоксианы*), пользовалась карта Киперта (Kiepert), опубликованная в Берлине в 1852 г. на основе российских данных[167].

— *Николай Ханыков и начало открытой полемики*

На защиту русского взгляда на *Среднюю Азию* встал Николай Ханыков. Он ссылался на карту

159 Вальская. 1971. С. 222–224. Позже Я. Н. Ханыков и А. П. Болотов начали работу над другой картой северо-запада этого региона, однако так и не завершили начатое.

160 См. письмо Гумбольдта Ханыкову от 16 декабря 1851 г. в *Вестнике Русского географического общества* (1852. Ч. IV. Отд. VII. С. 17–18). Цит. по: Вальская. 1971. С. 226.

161 Шпринцин. 1976. С. 285.

162 Васильев. 1852. С. 117–132 (цит. по: Бартольд. 1977в. С. 622–623; 818).

163 Malia. 2003 [1999]. P. 189–193.

164 Семенов-Тян-Шанский. 1896. С. 88–89.

165 Первая версия этой карты, подготовленная Кипертом в 1850 г., была изучена Яковом Ханыковым, который пришел к выводу, что избранный масштаб слишком мал, детали (особенно в обозначении политических границ) недостаточно точны и что там много топографических ошибок. Скорректированная версия 1855 г. тоже не была принята русскими: Вальская. 1971. С. 228–229.

166 Семенов-Тян-Шанский. 1896. С. 88–89. Тем не менее позже германо-русское сотрудничество в картографической сфере возобновилось. О влиянии русских работ на немецкую картографию см.: Sidikov. 2003. P. 90–91.

167 Saint-Martin. 1858. P. 254–255. См. также его карту Азии (1877): Alai. 2005. P. 158, pl. 111.

Джеймса Реннелла (James Rennell), британского географа предыдущего поколения, который еще использовал термин *Тартария*. Его карта, охватывавшая «страны, расположенные между истоком Инда и Каспийским морем» («Map of the countries situated between the head of the Indus and the Caspian sea»)[168], была опубликована в 1788 г. Она охватывала пространство от Индии до Самарканда и Кашгара и «была призвана показать взаиморасположение пунктов, находящихся вблизи общих границ Персии, Индии и Тартарии»[169].

Опираясь на давний авторитет Реннелла (созданное им описание Индии в течение долгого времени было востребовано в Европе), Николай Ханыков привязал свою трактовку пределов *Центральной Азии* к карте, составленной англичанином, и одной из глав его труда под названием «Account of the map of the countries lying between the head of the Indian rivers and the Caspian sea» («Описание карты стран, расположенных между истоками индийских рек и Каспийским морем»)[170]. Однако, ссылаясь на Реннелла, Ханыков, судя по всему, не учитывал индо-центристскую позицию английского картографа: тот не только по-новому описал Индию, соединив названия британских колоний с административными единицами, созданными при могольском падишахе Акбаре, но и картографировал соседние государства, которые потенциально могли заинтересовать британцев. Ханыков также не учел того, что северо-запад Индии, который был плохо известен британскому картографу (Реннелл опирался на Форстера [Forster], а тот базировался на данных д'Анвиля [d'Anville] и иезуитов[171]), был включен в его описание, чтобы придать целостность региону, который предстояло колонизировать[172].

Ханыков возвел концепт *Центральной Азии*, который приписывали Гумбольдту, к путешествиям Мэрчисона (Murchison), Эренберга (Ehrenberg), Розе (Rose) и самого Гумбольдта, а также к обманчивому понятию геометрического центра Азии — ведь «для того, чтобы говорить о центральном регионе, т.е. о территории, на которой находится центральная точка и окружающие ее местности, необходимо сначала определить границы этого ареала»[173].

В марте 1858 г. Ханыков отправился в Хорасан (Афганистан стал недостижим после того, как в январе 1857 г. Дуст Мухаммад заключил союз с британцами)[174]. В 1860 г. на основе полученных сведений российский географ сделал вывод о существовании единого региона, протянувшегося:

> «между огромной территорией, откуда одни реки стекают в Ледовитый океан, а другие — в Тихий или Индийский [... и ...] внутренним регионом, состоящим из изолированных бассейнов»[175].

Он предложил с помощью:

> «прямых линий соединить источники небольших речек, стекающих в Персидский залив, с истоками Евфрата, Куры, Волги, Оби, Лены, Амура, Желтой реки, Брахмапутры, Ганга и Инда [...и благодаря этому...] очертить границы региона "средиземноморских" (в смысле лежащих в глубине континента) бассейнов, которые не сообщаются ни друг с другом, ни с одним из океанов, омывающих берега Азии. [...] Было бы разумнее, — пишет Ханыков по-французски, — обо-

168 Rennell. 1788. Дата выхода карты Реннелла, указанная Ханыковым, не соответствует первому изданию его труда; значит, речь идет о втором издании, появившемся в 1792 г.: Khanikoff. 1861. P. 9.

169 Rennell. 1800a. P. 114.

170 Khanikoff. 1861. P. 9.

171 В 1862 г. Дж. Т. Уокер (Walker) начал подготовку своей карты «Map of Central Asia and Turkestan» (Карта Центральной Азии и Туркестана) (в итоге она вышла в 1866 г.), которой он дал рабочее название «Asia between the parallells of 20° and 60°» (Азия между 20-й и 60-й параллелями); в частности, он отмечал, что «наши познания в географии этих земель часто опираются на карты, составленные в 1711 г. (*sic*) французскими иезуитами, состоявшими на службе китайского императора»: Walker. 1873. P. I.

172 См. подробный обзор географической деятельности Реннелла: Edney. 1997. P. 9–15, 17–18, 22–23. В 1831 г. Артур Коннолли и Чарльз Тревельян в заглавии своего секретного доклада почти дословно воспроизвели название сочинения Реннелла *Papers on the Trade of Afghanistan and the Country between the Indus and the Caspian* (Заметки о торговле между Афганистаном и страной, лежащей между Индом и Каспийским морем). Составленный в 1838 г. доклад Александра Бернса *Report on the Countries between India and Russia* (О странах между Индией и Россией) был призван помочь в реализации той же цели — подчинить эти страны британскому влиянию (в 1839 г. Э. Поттинджер уже прямо заговорил о необходимости их завоевания), однако не предложил классификации регионов, расположенных на этой территории: Lee. 1996. P. 145–146, 168, 188. О созданной Реннеллом карте Индостана (*Hindoostan*), на которой регионы, лежащие далеко от британских центров (как Тибет или китайский Туркестан), изображены с меньшей детализацией, см.: Black. 2003. P. 84–85.

173 Khanikoff. 1861. P. 205–206.

174 Гнучева. 1940. С. 216–217; Gillard. 1977. P. 106–107.

175 Доклад в Российской академии наук, 9 апреля 1860 г.: Khanikoff. 1861. P. 206.

> значить термином "*Центральная Азия*" (*Asie centrale*) весь регион, расположенный в этих границах (там находятся озера Ван, Урмия, Каспийское море, Аральское озеро и т. д.)»[176].

Придавая своей *Центральной Азии* почти те же границы, что у *Внутренней Азии* Гумбольдта, *Центральной Азии* Клапрота и *Средней Азии* Бичурина, Ханыков решил объединить *низменности* и *Центральную Азию* (*высокие плато*) в рамках одного региона; он отказался использовать название *Туран*, словно выражение *Центральная Азия*, в его представлении, было наполнено позитивным смыслом, а *Туран* и *низменности* — негативным.

Этот, на первый взгляд, странный выбор был предопределен тремя ключевыми событиями: русским завоеванием туркестанских ханств в ходе «Большой игры» (*Great Game*), мощным влиянием географического детерминизма и зарождением в Германии политической географии (кроме того, нельзя забывать о дискуссиях по поводу русского «туранизма», которые обострили отношения между Европой и Россией по многим вопросам, далеко выходящим за пределы терминологических споров о *Средней / Центральной Азии*).

Немецкая географическая школа: «Центр-Периферия» Фердинанда фон Рихтгофена

В свете географического детерминизма, т. е. представления о зависимости человеческой истории от окружающей среды, термин *Центральная Азия*, который использовался при осмыслении истории Человека и Природы, был призван подчеркнуть оппозицию между регионами, лежащими в «центре» и на «периферии». «Геоцентрические» или «геофилософские» теории со всеми их многочисленными противоречиями были сформулированы в конце в XIX — начале XX в. немецкими географами — Карлом Риттером (Carl Ritter), Фердинандом фон Рихтгофеном, Фридрихом Ратцелем (Friedrich Ratzel); во Франции их разделял Поль Видаль де ля Блаш (Paul Vidal de La Blache) и его окружение; в США — школа Уильяма М. Дэвиса (William M. Davis), прежде всего, Элсуорт Хантингтон (Ellsworth Huntington); в Великобритании — Хэлфорд Маккиндер (Halford Mackinder) и Джон Скотт Келти (John Scott Keltie). Стремясь выстроить строго «научную» картину мира, основанную на эмпирических данных, эти верные наследники Просвещения, завороженные рациональной классификацией «вещей», довели до совершенства принципы, использовавшиеся в естественной истории, и, уделяя особое внимание визуальным методам представления информации, построили свои таксономические системы на использовании графиков, таблиц и карт.

Карл Риттер сформулировал первые законы, определяющие то, как история человеческих обществ зависит от структуры конкретных территорий[177]. Однако он плохо знал Азию — как в практическом плане (он никогда не бывал дальше Константинополя), так и в плане знакомства с восточными источниками, которые он не мог читать в оригинале (что не мешало ему солидаризироваться с теориями, помещявшими на Востоке прародину человечества). Так, сведения о Ладакхе, Кашгаре, Ярканде и Коканде он черпал из немецкого перевода записок о путешествии, которое индийский купец Мир Изатулла совершил в 1812–1813 гг. по просьбе Уильяма Муркрофта (William Moorcroft) — исследователя и ветеринара, состоявшего при английской армии в Индии. Информацию о Бухаре и ее окрестностях он получил благодаря путешествиям, которые в 1830-х гг. совершил Александр Бернс (Alexander Burnes)[178].

Новый взгляд на *Центральную Азию*, предложенный Фердинандом фон Рихтгофеном, который находился под сильным влиянием теорий Риттера и Гумбольдта[179], опирался на более солидный свод сведений.

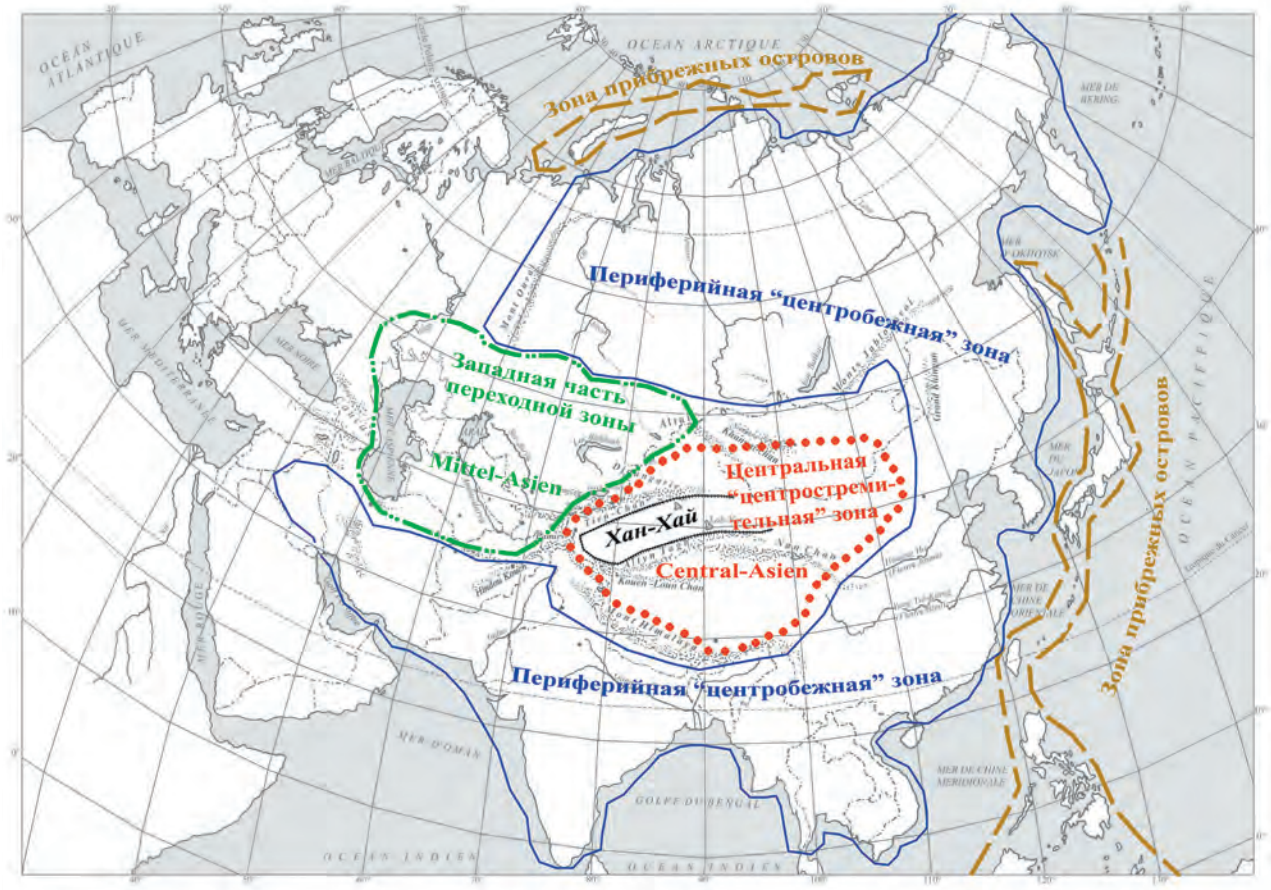
В отличие от русской школы, где в тот период не происходило никаких радикальных сдвигов,

176 Khanikoff. 1861. P. 206.

177 Ritter. 1817–1859; тома II–IV посвящены *Высокой Азии*.

178 Szuppe. 1996. P. 93–94, 105–106, 111.

179 Рихтгофен внимательно читал работы Густава Розе (Gustav Rose), который сопровождал Гумбольдта в ходе его путешествия в Россию: Waugh. 2007. P. 2.



Ил. 7. *Схематическое представление составляющих Средней / Центральной Азии согласно схеме Фердинанда Рихтгофена.*

теория Рихтгофена решительно дистанцировалась от работ ученых предыдущего поколения[180]. Опираясь на Клапрота, Риттера и Гумбольдта[181], Рихтгофен в труде под названием *China* (Китай) (I, 1877) предложил исторический очерк топонимов этого региона и показал, насколько данный вопрос запутан. По его словам, *Центральная Азия* «уже множество раз перемещалась по карте Азии». Он подверг критике взгляд российских ученых, которые, руководствуясь политическими соображениями, сильно сместили этот регион к западу.

Чтобы вернуться к более «научным» интерпретациям, которые лучше учитывали бы существование крупных низменностей и закрытых бассейнов, Рихтгофен предложил разделить *Внутреннюю Азию* на множество зон на основе строго геологических параметров, таких как геологический генезис, характер стратификации почв, наличие залежей соли и гидрографический режим (ил. 7).

Под сильным влиянием идей Буха (Buch), который благодаря исследованию геологических следов, доступных вплоть до горных вершин, открыл исчезнувшие океаны, Рихтгофен выделил следующие подрегионы:

1. центральная зона, которая с гидрографической точки зрения является закрытой и «центростремительной»: там вода не стекает, а испаряется, и все продукты геологического разрушения в результате воздействия стихий и эрозии остаются на поверхности самого бассейна;
2. переходная зона;
3. периферийная «центробежная» зона с выходом к океану, куда сползают обломки плато и гор;

180 Martin. 2005. P. 252.
181 Richthofen. 1877. P. 3.

4. зона прибрежных островов, которые образовались в результате постепенного погружения суши в океан.

В этой системе название *Центральная Азия* было резервировано за «однородным участком континента, состоящим из древних бассейнов, откуда воды не стекают в океан»[182], или, по формулировке одного из будущих адептов этой теории Элизе Реклю (Élisée Reclus), — за «высохшей впадиной Хан-Хая и всем регионом тибетских плато, откуда нет стока вод»[183]; или, по словам Ивана Мушкетова (который сделал очень точный перевод Рихтгофена), — за пространством, лежащим между Тибетом на юге, Алтаем на севере, Памиром на западе и Хинганом на востоке (т. е. между 75,30° и 114,30° восточной долготы)[184]. В целом, *Центральная Азия* Рихтгофена (т. е. территория высохшего моря под названием *Хан-Хай*) представляла собой гумбольдтовскую *Центральную Азию* вместе с частью *Гималаев*.

Западную часть переходной зоны у него образуют Арало-Каспийская низменность и бассейны Амударьи и Сырдарьи. Это степная зона, которая по большей части непригодна для сельского хозяйства. Рихтгофен полагал, что данная территория, тогда находившаяся под русским владычеством и, в его представлении, расположенная на периферии *Центральной Азии* (*Centralasien, Central-Asien*), может сохранить название *Средняя Азия* (по-немецки — *Mittelasien, Mittel-Asien*)[185].

Шарль-Эжен де Уйфальви (Charles-Eugène de Ujfalvy), французский антрополог и историк венгерского происхождения, который в 1876–1877 гг. возглавлял первую французскую миссию в русском Туркестане[186], стал одним из главных адептов немецких геологических теорий. Пытаясь их приложить к *Турану*, который он называл *Центральной Азией*, Уйфальви подчеркивал, что эта зона в этнографическом плане явно является переходной: там, словно в калейдоскопе, сменилось множество автохтонных народов, которые вытесняли друг друга, не успевая создать великих цивилизаций[187].

Понятие «Шелковый путь», также изобретенное Рихтгофеном[188], придало переходной территории чуть более позитивные ассоциации — *no man's land* теперь стали воспринимать как открытое пространство активных торговых контактов (правда, недавние исследования показывают, что этот путь служил активной торговой артерией лишь в воображении ученых[189]).

Предложения Рихтгофена, опиравшиеся исключительно на географические параметры, были встречены другими исследователями как «подлинно научное определение *Центральной Азии*»[190] и как революция, положившая конец терминологическим спорам.

Центральная Азия **в энциклопедиях: различные компоновки**

Фундаментальное убеждение Гумбольдта, Риттера и особенно Рихтгофена в том, что у каждого континента есть собственная судьба и свой цвет[191], отражено во множестве энциклопедических изданий, в частности, в *Nouvelle géographie universelle* (Новая всеобщая география) Элизе Реклю (Elisée Reclus)[192], *Grand dictionnaire universel du XIXe siècle* (Большой универсальный словарь XIX века) Пьера Ларусса (Pierre Larousse)[193] и *La Grande Encyclopédie. Inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts par une Société de savants et de gens de lettres* (Большая энциклопедия. Толковый

182 Ibid. P. 7–8.
183 Reclus. 1881. P. 15.
184 Richthofen. 1877. P. 6–7; Мушкетов. 1886. С. 6.
185 Sidikov. 2003. P. 47.
186 Горшенина. 1999; Gorshenina. 2003. P. 271–278; Gorshenina. 2004. P. 53–55, 59, 64, 87–88, 117.
187 Ujfalvy. 1874. P. 438, 441.
188 Waugh. 2007.
189 La Vaissière. 2012; De Montety. 2016.
190 Ujfalvy. 1874. P. 438.
191 У возникшей в XIX в. идеи о том, что Европа ассоциируется с белым, Азия — с желтым, Америка — с красным, а Африка — с черным (Lewis, Wigen. 1997. P. 30), не было исторических прецедентов. В предшествующие периоды цвета, которыми картографы обозначали континенты, варьировались от карты к карте, и не существовало никакой единой системы раскраски: Cecere. 2003. P. 16.
192 Reclus. 1881. P. 2–3.
193 Larousse. 1982 [1866–1879]. T. I. P. 747.

словарь наук, словесности и искусства, составленном Обществом ученых и литераторов) Андре Бертело (André Berthelot)[194].

Среди пяти регионов Азии, которые выделял Ларусс, и семнадцати, которые описал Бертело[195], фигурировал «центральный регион», или «большой центральный массив», трапециевидной формы. Он объединял плато и долины, расположенные «между горами Болор (т. е. в целом Памиром. — *Прим. автора*) на западе, Тянь-Шанем и Алтаем на севере, Гималаями на юге (Бертело считал Гималаи отдельным регионом. — *Прим. автора*) и Алашанем на востоке; к западу от этой территории располагалась Малая Бухария»[196] (нынешний Тибет + Памир + Синьцзян + Джунгария + пустыня Гоби + западные рубежи обеих Монголий + Ордос. — *Прим. автора*).

Все эти авторы рассматривали *Туран* как отдельный регион — обширную степную равнину, расположенную между Арало-Каспийской низменностью на западе, Тарбагатаем, Тянь-Шанем (Небесными горами) и Памиром (Крышей мира) на востоке и Иранским плато на юге; при этом на севере от Сибири и от Европы *Туран*, как считалось, не отделен никакими барьерами.

Противоречия, присущие этим определениям, не слишком волновали исследователей, которые продолжали грезить классификациями. Подобное увлечение совершенными типологиями пространственных сущностей (в котором было больше позитивистского сциентизма, чем подлинной науки) породило ряд совершенно не схожих друг с другом описаний *Центральной Азии.* Они опирались на множество разнородных и часто несовместимых критериев, которые, тем не менее, было легко преподнести в виде схематичных карт, где ясно прочерченные горные цепи служили опорной сетью для дальнейшей работы воображения.

Так, согласно этим теориям, по своим климатическим характеристикам *Туран* и *большой центральный массив* образуют единое пространство, *внутреннюю зону*, для которой характерен континентальный климат[197].

Разделение на четыре растительных пояса[198] не имело прямого отношения к этим воображаемым географическим классификациям. Тем не менее ученые XIX в. выделили в Азии шесть флористических областей — в их число входила *Центральная Азия,* которая, «за исключением высоких долин крупных рек Китая и Индокитая, представляет собой закрытый бассейн без океанского стока... [разделенный] на четыре флористических пояса: арало-каспийский (он также включал Ставропольские и Сибирские степи. — *Прим. автора*), монгольский, тибетский и тянь-шаньский (в него входили Джунгария, Восточный Туркестан и Памир. — *Прим. автора*)»[199].

Азия также была разделена на восемь зоологических подрегионов[200], один из которых — *азиатско-средиземноморский*, или *степной*, — простирался от Центрального плато Азии через Каспийское море и Сирийскую пустыню вплоть до Сахары в Африке[201].

«Рациональная классификация рас и народов Азии» (La classification rationnelle des races et des peuples d'Asie) насчитывала 22 этнические группы; среди «народов *Центральной Азии*» фигурировали тюрки (туранцы, тюрко-татары), монголы и тибетцы, населявшие восточный и западный Туркестан, Южную Сибирь, Монголию, Джунгарию, восток России, Арало-Каспийскую низменность, Малую Азию, Афганистан, Тибет, Гималаи и Индию; а иранцы были указаны среди народов *Передней Азии* (Персия, афганский Туркестан и юг русского Туркестана)[202].

Увлечение схемами на основе легко фиксируемых критериев привело к тому, что Азия с точки зрения экономики и политики также

194 Berthelot. [1886–1902]. P. 96, 100.

195 В списке из 17 орографических регионов Азии 6 принадлежат к *Передней Азии*, протянувшейся от Ирана через Армению, Анатолию, Месопотамию, Сирию и Палестину к Аравийскому полуострову; 5 других относятся к *Дальнему Востоку*; еще 2 находятся в *Индии*; *вне* этих зон остались: 1) *Гималаи*; 2) *Большой центральный массив*; 3) *Большая северная равнина*, или *Сибирь*; 4) *Туран* (Berthelot. [1886–1902]. P. 96).

196 Larousse. 1982 [1866–1879]. T. I. P. 747.

197 Berthelot. [1886–1902]. P. 109.

198 Ibid. P. 110.

199 Deniker. [1886–1902]a. P. 112.

200 Три из них входили в палеарктическую, а четыре — в восточную область.

201 Trouessart. [1886–1902]. P. 114, 116.

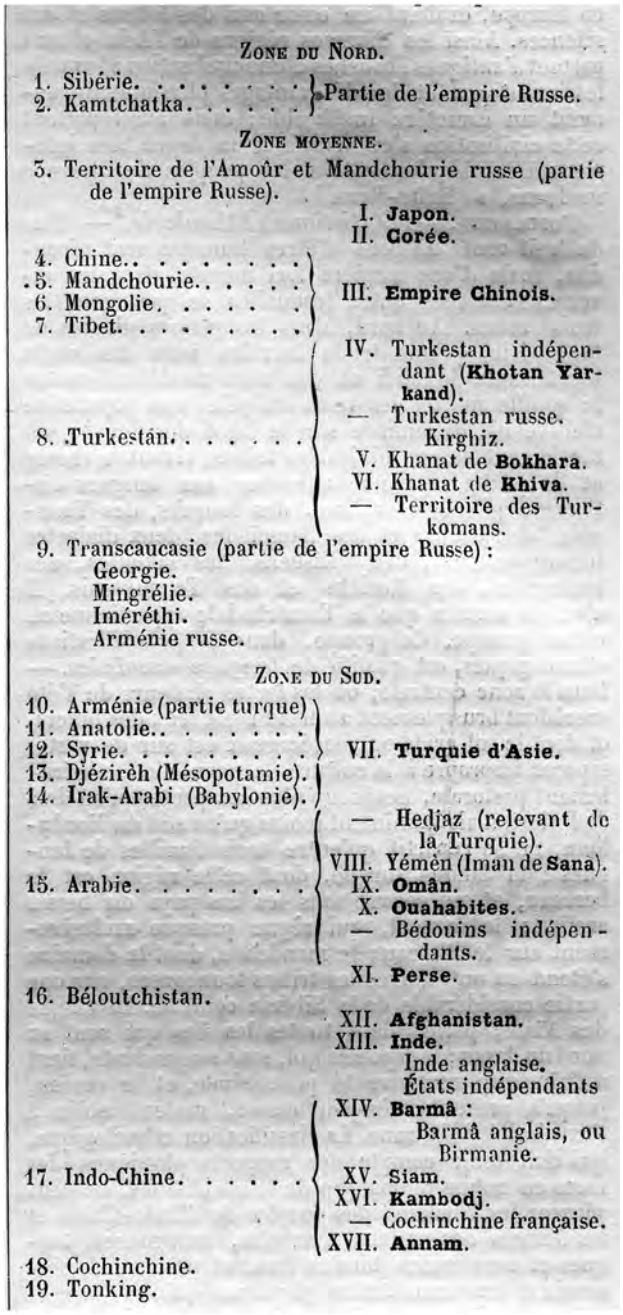
202 Deniker. [1886–1902]b. P. 119, 120; Deniker. [1886–1902]c.

была разделена на пять зон: *Северную* (Сибирь) и *Центральную Азию* (*Туран*) (русская зона влияния); *Восточную* и *Центральную Азию* (под китайским владычеством), *Южную Азию* (Индия с Западным Индокитаем) (британская и французские зоны); *Западную* (*Переднюю*) *Азию* и *Восточную Азию* (Китай с Восточным Индокитаем и Японией)[203]. Эта классификация из *Большой энциклопедии* ясно демонстрирует, что *Центральная Азия* включала всю *русскую Центральную Азию* и *китайскую Центральную Азию*; таким образом, этот термин охватывал *Центральное плато* вместе с *Туранской низменностью*[204].

Картина, нарисованная в *Nouveau dictionnaire de Géographie Universelle* (Новый всемирный географический словарь) француза Луи Вивьена де Сен-Мартена (Louis Vivien de Saint-Martin), выглядит совершенно иначе (ил. 8). Предложив учитывать не только крупные географические ареалы, «которые не подвержены резким сдвигам и изменениям», но и исторические, этнологические (19 — арабскими цифрами) и политические (17 — римскими цифрами) регионы, он разделил всю Азию на *Северную зону* (Российская империя), *Южную зону* и *Среднюю зону*[205].

При этом этнографические описания Вивьена де Сен-Мартена демонстрируют, что *зона Средней Азии* включала «Арало-Каспийский бассейн, Центральное плато, Тибет, бассейн Амура, Корею, Китай, Индокитай и Японский архипелаг»[206]. Француз ставил знак равенства между *Центральной Азией* и *Тураном*; эта территория, простиравшаяся между 28° и 55° северной широты и 50° и 132° восточной долготы, «с юга граничила с Ираном, Индией и Кохинхиной, с востока — с новыми русскими владениями на Амуре, с севера — с Сибирью, а с запада — с Каспийским морем»[207]. Тем самым Вивьен де Сен-Мартен разошелся с другими географами, которые помещали *Туран* в Арало-Каспийской низменности.

Де Сен-Мартен полагал, что *Центральная Азия* состоит из череды вписанных друг в друга регионов: *средней зоны* [от Закавказья до Японии],



Ил. 8. *Составляющие части Азии, предложенные Луи Вивьеном де Сен-Мартеном (Louis Vivien de Saint-Martin). In Vivien de Saint-Martin. 1879. P. 229.*

не столь протяженной *зоны Средней Азии* [без Закавказья], еще более компактной *Центральной Азии* (синоним *Турана*, без Маньчжурии], в кото-

203 Berthelot. [1886–1902]. P. 128, 130.
204 Ibid. P. 130.
205 Saint-Martin. 1879. P. 229.
206 Ibid. P. 230.
207 Ibid. P. 235.

рой располагалось *Азиатское*, или *Центральное*, *плато*, и *Арало-Каспийский бассейн*. *Высокая Азия* была населена кочевыми тюрками и монголами, которые представляли угрозу для цивилизаций, расположенных в оазисах вокруг Каспийского и Средиземного морей. Афганистан был отнесен к *Южной зоне*.

Однако в своих эрудитских исследованиях, посвященных карте *Центральной Азии* и Индии, которая опиралась на китайские источники, Вивьен де Сен-Мартен был вынужден учитывать данные региональных карт, которые предлагали принципиально иное членение этой части мира — по государственным границам. Восточную часть соответствующего ареала он описывал на основе карты Клапрота (1833), составленной по китайским и иезуитским источникам; *Трансоксиану* — на базе карты Киперта (Kiepert) (1852), нарисованной в Берлине с помощью российских данных; Гималаи и Индию — по карте Реннелла (1788), Джорджа Макартни (George Macartney) (1792–1794), Эрроусмита (Arrowsmith) (1822), Вуда (Wood) (1837), Тассена (Tassin) (1841), Уокера (Walker) (1851) и Александра Каннингема (Alexander Cunningham) (1854)[208].

В 1850 г. Чарльз Энтон (Charles Anthon), еще до Вивьена де Сен-Мартена, разделил Азию на несколько наплывающих друг на друга полос. В соответствии с его теорией, Азия «естественным образом» подразделяется на *Южную Азию* (азиатская часть Турции, Аравия, Персия, Индия, Тибет и острова), *Центральную Азию* (*Central Asia*), в которую входил Кавказ, *Азиатскую Тартарию* (Монголия, Корея и Япония) и *Северную Азию* (азиатская часть России)[209].

От *Erdkunde* Карла Риттера к политической географии и геополитике

В последней трети XIX в. *Anthropogeographie* (1882) и *Politische Geographie* (1897) Фридриха Ратцеля привели к пересмотру *Erdkunde* Карла Риттера и *Politische Geographie* Эрнста Каппа (Ernst Kapp) (1845)[210]. Новые сочинения в духе того времени предложили «пространственную технологию для государственной власти [...] в которой политика и наука не исключали бы друг друга»[211].

В рамках подобной оптики территории рассматриваются как «природные объекты»: каждый участок земли обладает определенной политической значимостью, которая определяется «тремя политико-географическими факторами: “географическим расположением, протяженностью и границами”»[212]. Таким образом, судьба каждой из территорий зависит от ее географического положения, а «политическое положение — от природных данных»[213]. *Пространство / протяженность* [*Raum*] и *географическое положение* [*Lage*] рассматриваются как два угла треугольника, вершину которого занимает *чувство пространства* [*Raumsinn*] — элемент строго биологической природы (в этом плане сравнимый со зрением и слухом), который придает народам большую или меньшую способность к экспансии[214]. Это означает, что политика, проводимая государством, целиком предопределена геополитикой, иными словами, вектором, якобы продиктованным неизменными географическими факторами. В этом плане зафиксированная картой форма государства рассматривается как изначально заданный географический объект[215].

208 Ibid. P. 254–256.

209 Anthon. 1850. P. 608.

210 Raffestin. 1980. P. 8–12; Raffestin, Lopreno, Pasteur. 1995. P. 17.

211 Korimann. 1987. P. 12. Не стоит забывать о том, что в 1882 г. Ратцель стал одним из основателей *Kolonialverein* [Колониального комитета]: Lopreno. 1999–2000. P. 29.

212 Lopreno. 1999–2000. P. 27.

213 Ratzel. 1987 [1897]. P. 131.

214 Gottmann. 1952. P. 41–43.

215 Эти идеи, как и концепт «жизненного пространства» (*Lebensraum*), восходят к романтизму Фридриха Гегеля (Friedrich Hegel), романтически-консервативному движению *völkisch* (этот термин одновременно отсылает к «популизму» и «национально-народным» идеям), эволюционистской философии Герберта Спенсера (Herbert Spenser), монистическому натурализму Эрнста Геккеля (Ernest Haeckel), отцам-основателям социального дарвинизма, таким как Мориц Вагнер (Moritz Wagner), а также расистским теориям Артура де Гобино (Arthur de Gobineau). При этом Ратцеля нельзя назвать органицистом: Bassin. 1993. P. 481–482, 490–491; Lopreno. 1999–2000. P. 28–30. Его теории, которые оказали большое влияние в самой Германии, Англии, Италии и России, не так затронули Францию, где его построения были встречены довольно критически.

Представляя исторические случайности как нечто предопределенное природой, органицистские теории предлагают декодировать изначально заданные формы территориальных «тел» и систематически прибегают к риторике обоснования. Государство воспринимается как живой организм, укорененный в благоприятном или враждебном пространстве, а его границы рассматриваются как своего рода клеточная ткань, чьи очертания определяются почвой, климатом и «народным духом»[216]. Это означает, что отношения между соседними государствами могут быть лишь конкурентными и принимают форму ожесточенной борьбы за выживание. Центральное положение государства — пример Срединной империи (Китая) в этом случае наиболее показателен — предстает как одно из условий, необходимых для его будущего превращения в страну-континент, как США. Важно, что центральное положение подразумевает не только нахождение в геометрическом центре какой-либо территории, но и обладание необходимыми геополитическими преимуществами. С точки зрения Ратцеля, важно не то, что Константинополь (Стамбул) находится в геометрическом центре Турции, а то, что он располагается на пересечении трех морских бассейнов. Именно это позволяло Османской империи распространять свое влияние вширь и обеспечивало ее могущество. В этом свете становится ясно, почему в России так настаивали на том, что ее часть Туркестана в геополитическом плане совпадает с центром Азии, и почему те же российские географы помещали геометрический центр Азии в Туву, в 25 км от Кызыла[217]. В отличие от западных географов, которые считали, что центр находится где-то в Высокой *Азии* (см. ниже), русские ученые всегда искали его в пределах своей империи.

Практический прицел политической географии стал особенно очевиден по мере того, как она трансформировалась в геополитику. В частности, швед-германофил Рудольф Кьеллен (Rudolf Kjellén) в книге *Staten som Lifsform* (1916) и Карл Хаусхофер (Karl Haushofer), убежденный националист, профессор и генерал, игравший важную роль в жизни Рейха, рассматривали геополитику как самостоятельную науку, призванную решать конкретные прикладные задачи[218]. По их мнению, наглядные картографические схемы и универсальные принципы геометрии позволяют в рамках геополитических теорий анализировать географические характеристики любой страны так, словно бы она была живым организмом — в зависимости от ее положения, площади и формы. Представляя мир в максимально упрощенной, всем понятной и сразу же считываемой геометрической форме, геополитика стремилась извлечь максимум из существующих возможностей и обещала приблизить желанное будущее, претворяя в жизнь политические мифы[219].

От триады *Центр — Переходная зона — Периферия* Рихтгофена к *Осевой зоне* и *Срединной земле* Хэлфорда Дж. Маккиндера и теориям Элизе Реклю

На рубеже XIX–XX вв. торжествует политико-стратегический подход, который, отталкиваясь от мелкомасштабных карт, прямо увязывал владение центром мира (*сердцем континента*) и блестящее будущее империи, которой предрешено властвовать на планете. Это объясняет, почему борьба между державами разворачивалась в первую очередь в их азиатских колониях. С начала XX в. в научную лексику и в словарь путешественников входят выражения *cœur du continent*, *Heart of Asia*, *Pulse of Asia*, *Pivot Area*, которые обозначали ключевые зоны, где вершится История[220]. Вопрос о том, где находится центр Азии, приобрел метафизический смысл поисков центра мира, а геополитические концепты *Heartland* («Срединная земля») и *Pivot Area* («Осевая зона») придали ему прикладное значение.

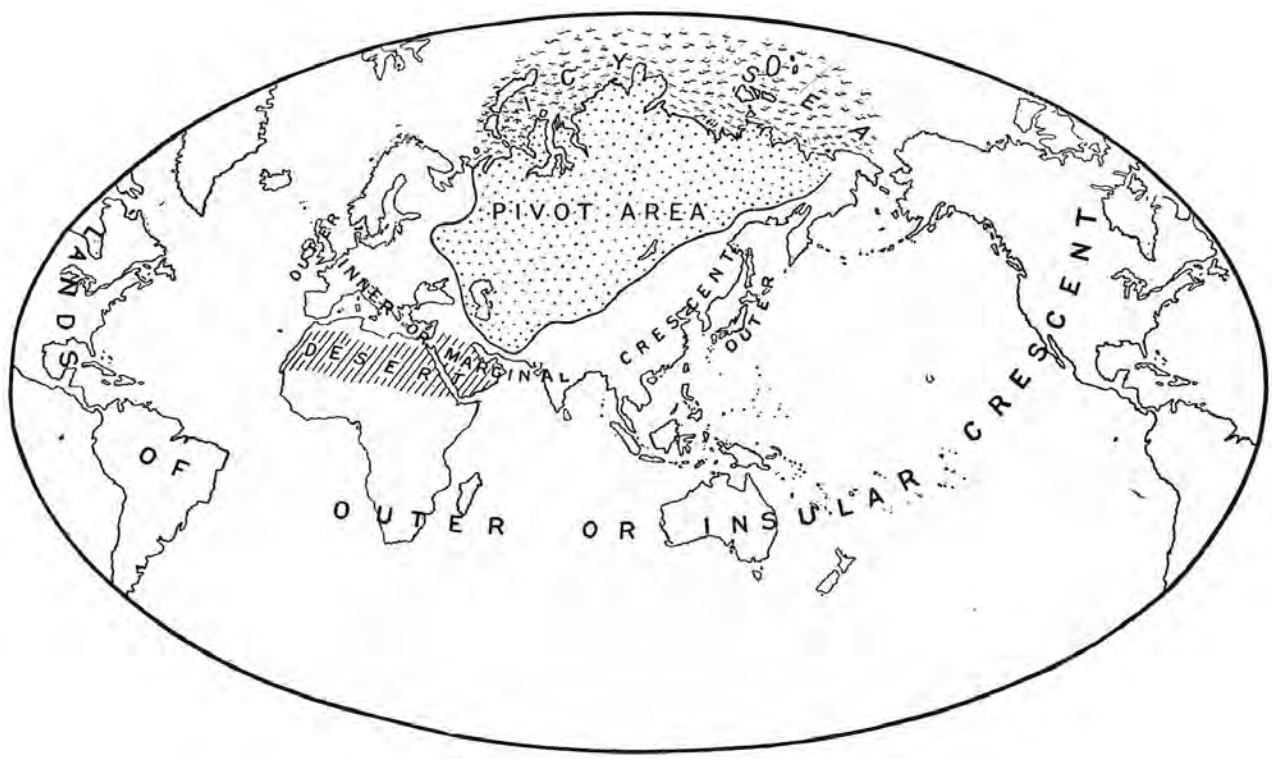
216 О влиянии органицистских метафор на русскую историческую традицию, в первую очередь на Сергея Соловьева, см.: Bassin. 1993; Laruelle. 2002a. P. 342.

217 О тувинском памятнике см.: Sidikov. 2003. P. 52, n. 133.

218 Gottmann. 1952. P. 57–59; Hauner. 1992 [1990]. P. 148, 171–174; Raffestin, Lopreno, Pasteur. 1995. P. 119–120, 125. Геополитику в узком смысле этого слова следует отличать от политической географии и от геофилософии русских исследователей XIX в.: Raffestin, Lopreno, Pasteur. 1995. P. 23, 77, 79–80.

219 Raffestin, Lopreno, Pasteur. 1995. P. 23, 27, 102, 128, 260, 268.

220 Эти ключевые слова фигурируют в названиях путевых заметок множества путешественников: Younghusband. 1896; Skrine, Ross. 1899; Carey. 1901; Shoemaker. 1904; Curtis [1911]; Etherton. 1925; Robertson. 1925.



Ил. 9. *Схема Heartland и Pivot Area в геополитической системе Хэлфорда Маккиндера (Halford J. Mackinder). In Mackinder. 1969 [1904].*

Эта теория, которая оказала большое влияние на геополитические описания мира, была разработана в 1904 г. британским геополитиком Хэлфордом Дж. Маккиндером (Halford J. Mackinder)[221]. В то время — через два года после заключения англо-японского союза и за три года до подписания договора, окончательно разграничившего британскую и российскую зоны влияния в Азии, — Великобритания была охвачена русофобскими настроениями. Хотя Маккиндер множество раз корректировал форму и местоположение «центра мира» (он упрощал свою графическую схему 1904 г. и полностью от нее отказался в 1943-м[222]), один из его изначальных тезисов был усвоен многими современниками.

В его сочинении *Geographical Pivot of History* (Географическая ось истории. 1904), «Осевая зона» (*Pivot Area*), расположенная в обширной части Евразии, лежащей вдали от сферы влияния морских держав, исторически совпадает с очертаниями Монгольской империи и предстает как территория, дарующая Власть над просторами континента (ил. 9). Этот ареал (степи, протянувшиеся вдоль южных границ Сибири) тогда находился в пределах Российской империи. Россия, «осевая страна», состоящая из бассейнов

221 Mackinder. 1969 [1904]. P. 30–44.

222 В своем труде *The Geographical Pivot of History* (Географическая ось истории) (1904) Маккиндер локализует эту зону на территории, где располагалась Монгольская империя, — иначе говоря, в его времена центром имперской власти над континентом считалась Россия. В работе 1919 г. *Democratic Ideals and Reality* (Демократические идеалы и реальность) он, по сравнению с 1904 г., скорректировал очертания «Осевой зоны» (*Pivot Area*), а также ее название. По новой версии, «Хартленд» (*Heartland*), расположенный в центре Мирового острова (*World Island*), включал бассейн Дуная и регионы Балтийского и Черного морей. Наконец, в 1943 г. в *The Round World* (Круглый мир) он отказался от графического представления центра континента, который он переименовал в «Леналенд» (*Lenaland* — часть территории бывшего *Heartland*, только смещенная к западу и ограниченная лесной зоной), поскольку у него не было точных границ. Как он писал, на севере *Lenaland* граничит с Северным Ледовитым океаном, на востоке ограничен лимитами собственной лесной зоны, на юге — горами *Центральной Азии,* а на западе — открыт в сторону Европы. Столь значимые изменения в теориях Маккиндера следовали за сдвигами в позиции британских элит по отношению к *Средней Азии* и России: Gilbert. 1969. P. 10; Raffestin, Lopreno, Pasteur. 1995. P. 111–112; Nicolas, Sériot, Lavroukhin, Vullioud, Wenker. 1998. P. 23–30; O'Hara, Heffernan. 2006. Концепты Маккиндера были потом использованы в геополитических построениях других авторов: в 1972 г. Стюартом Леггом — в транссибирской истории (Legg. 1972), с 1980-х гг. — Збигневом Бжезинским (Brzezinski. 1997; Brzezinski. 2004) и в 1997 г. — Джоном П. ЛеДонном (LeDonne. 1997). См. также критику этой теории в ее приложении к русской истории: Drompp. 1989.

рек, стекающих в Северный Ледовитый океан и в значительной степени покрытая лесами, болотами и степями, окружена «внутренним полумесяцем» государств, контролирующих одновременно континентальные территории и моря (Германия, Австрия, Турция, Индия и Китай), и «внешним полумесяцем» стран, чье могущество опирается лишь на море (Великобритания, Австралия, США, Япония и Канада). Соединение двух первых элементов в мировую империю, в которой встретились бы все величайшие религии (буддизм, индуизм, ислам и иудео-христианство), гарантировало бы господство над миром. По мысли Маккиндера, «будущей мировой империи» потребуется установить контроль над *Heartland of the world* (даже если она не будет владеть этой территорией) или лучше превратить ее в одну из своих колоний. Таким образом, давнее соперничество между Англией и Россией было представлено у Маккиндера в географических терминах. Это объясняет, почему в рамках предложенной схемы пространство *Центральной Азии* стало рассматриваться как ключевой элемент *Heartland*, и почему именно за него и развернулась борьба между Российской империей, восточной «потамической» державой, которую сравнивали с медведем, и Британией, типичной «талассической» империей, которую символизировал кит[223].

Теории Маккиндера напоминают построения его старшего коллеги Элизе Реклю, которого он в 1880–1890-х гг. встречал в лондонском Королевском географическом обществе, но никогда не цитировал. Реклю, который, в свою очередь, нигде не упоминал теории Маккиндера, тоже полагал, что «Осевая зона» (он, конечно, называл ее иначе) обладает исключительными характеристиками. Именно там, по его убеждению, «проходит приблизительная граница между двумя частями Старого света, которые принято обозначать как Запад и Восток»[224] (при этом он понимал, что значение этих терминов менялось с веками). Используя органицистскую и сциенцистскую риторику, Реклю в 1894 г. в написанной по-английски статье «East and West» (Восток и Запад)[225] утверждал: «Как у всякой поверхности есть диагональ, а у всякого тела — ось, так и массив континента рассечен средней линией, по которой сталкиваются территории с совершенно разными почвами, климатом и историей»[226]. По его мнению, в этом особом месте «проходит водораздел человеческой истории»[227].

Реклю был убежден, что Африка не является «частью нашего общего мира», в который при этом входит все средиземноморское побережье и все острова Индийского и Тихого океанов вплоть до Америки — «они принадлежат к тому же кругу, что и *Further Asia*». В этом гигантском пространстве Старого света граница, вопреки природной «очевидности», проходит вовсе не:

> «по линии водораздела, отделяющей восточные склоны, развернутые в сторону Индии и китайских морей, от склонов, по которым воды через Средиземное море и другие европейские моря устремляются в Атлантический океан, поскольку эта граница, протянувшаяся от Тавра к Кавказу, сама по себе искусственна. Она рассекает земли, где живут народы, возделывающие одни и те же почвы, подверженные влиянию одного климата, движимые общими историческими течениями и состоящие из элементов одного этнического происхождения»[228].

По мысли Реклю, «весь бассейн двух рек-близнецов, Тигра и Евфрата, а также основные вершины Ирана» являются частью Запада, поскольку «их история тесно связана с историей Средиземноморья [...] а их отношения с Восточным миром всегда были менее активны и гораздо чаще прерывались». Потому «подлинную границу [*the true frontier*] между западным и восточным мирами следует отодвинуть»:

> «Разделительная линия лежит дальше к востоку — она проходит не по контурам азиатского континента, а по

223 Классификация, противопоставлявшая «потамически-восточный» и «талассически-классический» миры, восходит к Эрнсту Каппу (Kapp. 1845), построениям адмирала Альфреда Т. Мэхэна (Mahan. 1890) и анамалистской символике Карла Шмитта (Schmitt. 1950): Raffestin, Lopreno, Pasteur. 1995. P. 19, 103–108. В русскоязычном мире следует вспомнить о теории Ипполита Завалишина (1862), который противопоставлял два типа держав: континентальную русскую и морскую британскую: Bassin. 1999. P. 267.

224 Reclus. 1894. P. 476.

225 Ibid. См. также подробный разбор этой статьи: Pelletier. 2006.

226 Reclus. 1894. P. 476–477.

227 Ibid.

228 Ibid.

территориальному пространству [*a space of territory*], которое отличается высоким рельефом почв и сравнительно небольшим числом жителей. Между густо населенной Месопотамией, где некогда воздвигли Вавилонскую башню, и гангскими долинами Индии, где на квадратный километр приходится две и более тысячи жителей, простирается срединная зона, вытянувшаяся от Оманского залива до Арктического океана, где плотность населения составляет один или два человека на квадратный километр. Это почти что пустое пространство начинается сразу же к западу от бассейна Инда и от его горных пределов, расположенных в пустынных землях южного Белуджистана с их немногочисленными оазисами. Между Индией и Афганистаном она тянется к северу и северо-востоку вдоль скалистых отрогов Сулейман-Дага и других цепей [...]. К северо-западу от Индостана складки земной поверхности, становясь все глубже и многочисленней, рассекают пространство огромными стенами [...]. Дальше линию, отделяющую Гиндукуш от Тянь-Шаня ("Небесных гор"), продолжает бескрайнее пространство труднодоступных плато, которые называют "Крышей мира", а за ними граница между Востоком и Западом во многих местах отходит от срединной линии по очертаниям обширных, почти безводных равнин. Наконец, к северу, в великой сибирской впадине эта граница продолжается по соленым берегам озера Балхаш, бесплодным землям Семипалатинска и Голодной степи, протянувшейся между Обью и Енисеем, вдоль слабо населенной полосы, теряющейся в мерзлой земле тундры. Исследования Гмелина и других натуралистов показали, что подлинная граница между Европой и Азией проходит именно там, по пустынным низинам, а не по зеленым склонам Уральских гор»[229].

Это безлюдное пространство, где «сходятся основные горные хребты Евразии», представляет собой гигантский засов, оставляющий лишь «несколько чрезвычайно узких и труднодоступных» коридоров, по которым могут сообщаться «народы, живущие на противоположных склонах, и единственную смычку между восточными и западными сторонами хребтов»[230].

Таким образом, Реклю приходит к тому же выводу, что и Маккиндер: его *срединная зона* тоже имеет огромное стратегическое значение.

В его негативном взгляде на срединную зону (с ее пустотой и опасностями, которые могут прервать любую коммуникацию между Востоком и Западом и потенциально ведут к появлению абсолютно несходных друг с другом типов цивилизаций) явно слышны отзвуки концепта *Heartland*: тот, кто сумеет получить власть над этим безлюдным пространством, сможет обезопасить пути сообщения и определять судьбы обеих половин Старого света.

Кроме того, Реклю заимствовал у Николая Данилевского и Владимира Ламанского концепцию *Срединного мира* — она подразумевала, что для того, чтобы объединить разделенные части света, необходимо установить контроль над конкретной точкой пространства:

«Именно в этом регионе, — пишет Реклю, — находится ключ от (возможного не сейчас, но в будущем) окончания конфликта между двумя мирами. [...] Барьеры из гор и пустынь, которые на северо-западе Индии служат естественной границей между Востоком и Западом, все еще трудно преодолимы [...]. Перевалы открыты лишь для избранных — тех, у кого есть средства, или кому благоволит политическая власть; там до сих пор нет полноценных дорог, по которым можно было бы наладить движение в обе стороны. Прежде чем подобные пути обеспечат свободу нациям, необходимо раз и навсегда добиться политического равновесия (решить величайший и самый острый вопрос современности) у подножия высочайших гор Индостана, которые во все времена вздымались между двумя мирами. За господство над этими землями активнее всего соперничают Англия и Россия; именно им — желательно, мирным путем — предстоит сделать так, чтобы горы *Центральной Азии* перестали служить препятствием для путешественников»[231].

Первые этапы в истории концепта *Центральной Азии*

Появление в описаниях путешествий понятия *Центральная Азия* и его стремительное освоение востоковедами на рубеже XVIII и XIX вв. свидетельствуют о том, что это пространство стало осмысляться в рамках новой географической па-

229 Ibid.
230 Ibid. P. 485.
231 Ibid. P. 487.

радигмы. Распространение новой терминологии было связано с тем, что ученым требовалось найти топоним, который обозначал бы эту территорию в ее целостности и при этом на понятном всем языке указал бы на ее отличительные черты.

Хотя исследователи, ставя под сомнение астрономическую систему Птолемея, продолжали преклоняться перед его всемирно признанной эрудицией, появление, наряду с завещанными им географическими понятиями, новых топонимов — как *Центральная Азия* и *Средняя Азия* — в целом свидетельствовало о закате птолемеевой географии. Некоторые из важнейших элементов, которые со времен Античности помещали на карту, оказались вымыслом — например, не подтвердилось существование единой горной цепи, проходящей через всю Азию. Считалось, что она начинается с Тавра в Малой Азии, затем пересекает Армению, сворачивает на юго-восток, чтобы обогнуть южную оконечность Каспийского моря, и смыкается с индийским Кавказом, отделяющим Индию от Бактрии, а также с цепью под названием Имаус и Эмодус, пролегающей между Индией и Скифией... В 1800 г. британец Реннелл перечертил географию Азии и заявил, что раньше «[...] действительно верил в существование этой горной цепи, почти что в том виде, как ее описал Птолемей». Однако в 1783–1784 гг. данные, полученные в ходе экспедиции Форстера, и открытие, что азиатские горы по высоте совершенно различны, развеяли его иллюзии[232]. Это был лишь первый пример того, как книжное знание столкнулось с реальными фактами, поскольку путешествия в этот регион только начинались, а в большей части Джунгарии, в бассейне Тарима и на Памире никто из европейцев еще не бывал.

В то же время постепенное исчезновение слишком смутного концепта *Тартарии* в Европе совпало с этнографической рефлексией, спровоцированной формированием национальных государств; поскольку империи, начав экспансию, вступили в конкуренцию друг с другом, понятие пограничной линии превратилось в незаменимый элемент их политики. *Тартария*, пределы которой оставались слишком размыты, уступила место *Центральной Азии* — ее рубежи, как казалось первоначально, было бы проще разметить, дабы отделить зоны влияния великих держав.

С самого начала история термина *Центральная Азия* была тесно связана с геополитической повесткой дня. При этом исходно, на рубеже XVIII–XIX вв., авторы, использовавшие это понятие, вовсе не подразумевали, что данный географический ареал сыграл особую роль в истории человечества. Представление о том, что степные империи, сменявшие друг друга с 1000 по 1500 г., оказали решающее влияние на судьбы мира, стало укореняться лишь позже. Между появлением термина *Центральная Азия* и осознанием того факта, что этот регион имеет центральное (а то и определяющее) значение для истории цивилизации, прошли многие десятилетия[233].

В течение долгого времени исследователи продолжали руководствоваться строго геометрической логикой: *Центральная Азия*, лежащая на полпути между Севером и Югом, воспринималась как переходная территория, а не как подлинный центр.

Важный сдвиг в восприятии этого региона произошел после того, как с 1840-х гг. в географических описаниях восторжествовал географический детерминизм. Немецкие географы — в первую очередь Гумбольдт, а позже Рихтгофен — стремились подчинить эпистемологию «строго научным» критериям. Отныне *Центральную Азию* стали описывать через призму таких концептов, как *возвышенности — низины* или *центр — периферия — переходная зона*, которые опирались на такие «неопровержимые факты», как геологическое прошлое региона, структура почв, направление водостока, особенности климата или растительности и т. д.

Хотя европейские географы применяли такие термины, как *Туран* или *Туркестан*, в целом автохтонные представления о географии этого региона не играли никакой роли в их построениях.

Терминологические споры, которые очень быстро поднялись вокруг понятия центральности, привели к недопониманию между европейскими и русскими географами. Вскоре оно

232 Rennell. 1800b. P. 252–255.

233 Подобное представление о значении центра восходит к началу XX в. (Mackinder. 1904 или William Montgomery McGovern. 1939): di Cosmo. 1999. P. 2.

переросло в открытую полемику, в ходе которой Ханыков, Мушкетов, Берг, а также другие исследователи при помощи геологических аргументов стремились включить низины *русского Туркестана* в состав *Центральной Азии*.

В контексте геополитического противостояния крупных держав, в первую очередь — России и Великобритании (его схематично обозначали как «Большую игру» [*Great game*]) — центральное положение *Центральной Азии* приобрело ключевое значение в политической географии, а затем в геополитических описаниях этого региона. Политико-стратегические теории, разработанные Реклю и Маккиндером, превратили это пространство в *Осевую зону*, которой требуется овладеть, чтобы установить мировое господство.

Прошло еще много лет, прежде чем на смену теориям Гумбольдта, Рихтгофена и Мушкетова-Берга, строившимся на структуре и поднятии горных цепей или на характеристиках крупных низин и закрытых бассейнов, пришли «мегатектонические» концепты.

Понятие дрейфа континентов, впервые предложенное в 1920 г. в книге немецкого геофизика Альфреда Вегенера (Alfred Wegener) *La genèse des continents et des océans* (Происхождение континентов и океанов)[234], было после 1922 г. применено и к Азии. В докладе *La tectonique de l'Asie* (Тектоника Азии) швейцарский геолог Эмиль Арган (Émile Argand) впервые сформулировал теорию о том, что Индия некогда столкнулась с Азией, что привело к поднятию гор и тибетских плато[235].

В 1970 г. была сформулирована концепция тектоники плит, которая продемонстрировала правоту Вегенера и Аргана. Спустя тридцать лет для расшифровки азиатского паззла была предложена теория о том, что к «байкальскому» ядру последовательно присоединялись южные микроконтиненты, создававшие и покрывавшие собой океаны. Урал был океаном, который сомкнулся и исчез 300 млн. лет назад; 200 млн. лет назад иранская плита столкнулась с туранской[236], что привело к исчезновению океана, пролегавшего между ними. В рамках таких «кинетических» теорий *Арало-Каспийская низменность* предстает как плиоценовый (т. е. возникший около 4 млн. лет назад) реликт Сарматского моря, которое, в свою очередь, осталось от океана Тетис, исчезнувшего по мере того, как блок Африка — Индия сдвигался на север, наплывая на блок Евразии.

В этом контексте термин *Туранская впадина*, как и противопоставление *низин* и *высоких плато*, утратили для геологов актуальность.

Напротив, представление о центральном положении *Центральной Азии* остается неизменным элементом любых, хоть сколько-нибудь политизированных описаний этого региона.

234 Wegener. 1920.

235 Argand. 1924.

236 Эпитеты *иранский* и *туранский* сохранились в названиях геологических объектов — плит.

ГЛАВА 3

Понятие «Центра» в русском национальном сознании: проекция *Центральной Азии* Рихтгофена на русский Туркестан

Центральная Азия в интерпретации Ивана Мушкетова

Хотя западные исследователи прямо не говорили о том, что принятая в Европе топография *Центральной Азии* чрезвычайно условна, спорна и субъективна, они предпочитали использовать термин *Центральная Азия* в узком смысле *большого центрального плато*, который Рихтгофен выработал на базе гео-гидро-орографических критериев, и не включали в него *Туранскую низменность* (единственными исключениями были Сен-Мартен и Чарльз Энтон).

В отличие от европейский ученых, россияне почти единодушно и все с большим усердием отстаивали другую трактовку *Центральной Азии* как территории, которая включала в себя *Туран*.

Подобные различия в топографической номенклатуре стали заметны уже с 1850–60-х гг. — и это было весьма удивительно, поскольку в XIX в. русское востоковедение развивалось под сильным влиянием немецкой *Orientalistik*. Она почиталась как одна из вершин европейской эрудиции, а политические отношения между Германией и Россией (до падения Бисмарка в 1890 г.) складывались самым благоприятным образом. Русские ученые, среди которых было много обрусевших немцев (часто прибалтийских корней), не только были столь же увлечены *Центральной Азией*, что и их немецкие коллеги, но и разделяли многие их идеи.

Петр Семенов-Тян-Шанский, который с 1850 г. занимал должность председателя физико-географической секции Императорского русского географического общества, подчеркивал, что цель этого учреждения состоит не только в продвижении географических исследований, но и в развитии *Erdkunde* («землеведения») — новой науки, созданной Александром фон Гумбольдтом и Карлом Риттером. Этот подход оказал огромное влияние на российскую науку, которая не могла не увлечься «глобальной» теорией земли, охватывавшей «ее поверхность, глубины и их репрезентации». Она предполагала взаимодействие многих отраслей знания: географии, геологии, минералогии, топографии, климатологии, статистики и других аспектов мега-науки о земле, включая этнографию и разведку полезных ископаемых (последняя приобрела особое значение из-за того, что у индустриализирующихся обществ быстро росла потребность в минеральных ресурсах)[237].

Основные труды «классиков» немецкой географической школы были переведены на русский — правда, задержка, с которой они выходили, часто обессмысливала усилия, потраченные на перевод. Так, первые тома *Erdkunde Asiens* (1832–1833) Карла Риттера были изданы его учеником Петром Семеновым-Тян-Шанским под названием *Землеведение Азии* с 1856 по 1859 г., а пятый том вышел лишь в 1895 г. трудами востоковеда Василия Григорьева[238]. *Центральная Азия* Гумбольдта стала доступна русским читателям (с комментариями Дмитрия Анучина и Владимира Обручева[239]) только в 1915-м г. — через 70 с лишним лет после выхода самой книги. Русские переводы Рихтгофена и даже Реклю[240] тоже вышли с большим опозданием.

237 Семенов-Тян-Шанский. 1896. С. XVII–XXI; Сухова. 1990; Lopreno. 1999–2000. P. 11–12; Schimmelpenninck van der Oye van der Oye. 2001. P. 28.

238 Семенов-Тян-Шанский. 1896. С. 91; Обручев. 1948. С. 235; Вальская. 1971. С. 228; Hauner. 1992 [1990]. P. 167.

239 Гумбольдт. 1915 (цит. по: Шпринцин. 1976. С. 283); Бартольд. 1977а [1911]. С. 352, 355.

240 Реклю. 1906–1909.

За время, прошедшее до публикации этих трудов на русском языке, многие из их теоретических положений успели устареть. Благодаря приросту географических данных о тех или иных территориях работа по переводу сопровождалась их актуализацией; приложения и комментарии, созданные на основе новых сведений, часто по объему и порой по значению превышали оригинальные сочинения. Подобная специфика трансфера немецких знаний о *Центральной Азии* не осталась незамеченной современниками. Так, к моменту перевода *Центральная Азия* Гумбольдта успела настолько устареть, что, как отмечал Василий Бартольд, этот текст способен лишь «вызвать тени давно ушедшего прошлого». Он высказал аналогичное мнение о переводе Риттера, где многочисленные дополнения, основанные на новых данных, часто вступали в противоречие с основным текстом. Да и общая структура русской версии больше не соответствовала первоначальному замыслу автора, поскольку при переводе особое внимание было уделено фрагментам, интересным русским читателям, где рассказывалось о Южной Сибири, Северном Китае, Туране, Афганистане, Хорасане и Персии. Кроме того, комментарии, которыми были снабжены эти главы, оказались намного более подробными, чем в других частях книги.

Несмотря на задержки и проблемы, возникшие с переводом и восприятием этих текстов, работы Гумбольдта, Риттера и Рихтгофена дали «основу, метод и направление исследователям Средней Азии»[241]. Эта оценка, высказанная князем Владимиром Масальским, который был одновременно географом и путешественником, отражает настроение русских читателей конца XIX — начала XX в.

Тем не менее интерес к немецкой школе и колоссальное уважение, которым она пользовалась, не помешали россиянам, сохранив немецкие аналитические категории, сместить *Центральную Азию*, о которой говорили Гумбольдт с Рихтгофеном, в сторону *Турана*.

Сформулированное Гумбольдтом противопоставление *низин* и *возвышенностей* было отвергнуто русскими исследователями. По их убеждению, время, когда в духе Гумбольдта или в 1865 г. — Мейера[242], можно было называть киргизские степи *страной-кратером*, давно ушли в прошлое.

Путешественник и географ Иван Мушкетов, подобно другим исследователям, вслед за Гумбольдтом утверждал, что на 5 градусов по обе стороны от 44,5 параллели (т. е. между 39,5 и 49,5 параллелями) тянется *трансазиатская полоса*[243]. Если Гумбольдт не указывал ее пределов с востока и запада, Мушкетов полагал, что на западе она доходит до западных рубежей территории, которую Гумбольдт называл *Внутренней Азией*, т. е. до Каспийского моря[244]. Превратно истолковав мысль Гумбольдта, Мушкетов объединил его *Центральную Азию*, *трансазиатскую полосу* и *Внутреннюю Азию* в один регион и «создал» *Центральную Азию* гораздо более внушительных размеров.

Теория Рихтгофена о закрытом центральном пространстве, откуда нет стока вод, также была скорректирована. Как объяснял Мушкетов, переходная зона Рихтгофена, которая с течением времени присоединяется либо к открытой периферийной зоне, либо к закрытой центральной зоне, по своей структуре неоднородна, и параметры, характерные для разных ее частей, меняются от одной геологической эпохи к другой. Если Южные, Юго-Восточные и Юго-Западные регионы действительно располагают выходом на периферию, поскольку открыты в сторону океана, северные и западные реки (как Амударья, Сырдарья и Или) устремляются лишь к озерам и внутренним морям, которые с океаном не сообщаются[245]. Эти территории соответствуют критериям «закрытого пространства, без выхода к океану». Подобные представления были распространены у русских авторов: так, цитируя слово в слово принципы, предложенные Рихтгофеном, Масальский описывал Туркестан как закрытый регион, откуда воды не стекают ни к каким открытым морям и где поверхность в основном состоит из лёсса[246].

241 Масальский. 1913. С. 7, 9.
242 Мейер. 1865 (гл. «Географическое описание Киргизской степи»). С. 13.
243 Humboldt. 1843. T. I. P. XXVII, XXVIII.
244 Мушкетов. 1886. С. 3–4.
245 Ibid. С. 7–10.
246 Масальский. 1913. С. 2–3, 9. См. также, что об этом писал Семенов (1900. С. 140–141, 169).

Потому российская школа включала *Арало-Каспийскую низменность* (= *Туран* = *Туркестанский бассейн* = *Туранский бассейн*) в *Центральную зону Азии*, в то время как Рихтгофен ее оттуда исключил из-за хронологического разрыва между периодом геологического образования *Хань-Хая* и складыванием западной части региона, которое произошло значительно позже.

Аргументы, связанные с хронологическим разрывом, были отвергнуты Мушкетовым, который в 1886 г. в обзорном труде «Туркестан» показал, что два высохших моря, Туран и Хань-Хай, т. е. Туркестанский и Таримский бассейны, восходят к одной и той же эпохе (Триасу). По его утверждению, «третичное море одновременно покрывало Хань-Хай и Туркестан», и «исчезновение его, равно как и обособление этих областей, по всей вероятности, также происходило одновременно» в триасовый, а затем в меловой период[247]. Мушкетов, похоже, не стал принимать в расчет наблюдения Эдуарда Зюсса (Eduard Suess) (по крайней мере, ссылок на него нет), который еще в 1885 г. поставил под сомнение происхождение Хань-Хая. В своем детальном описании *Центральной Азии*, составленном на основе новых сведений, Зюсс рассматривал Хань-Хай не как реликт высохшего моря, а как остаток древней системы озер, расположенных внутри континента[248].

Не учитывая новых данных, Мушкетов разделил азиатский континент на три части:

1. *Островной пояс*;
2. *Периферическую* или *Окраинную Азию*;
3. *Внутреннюю* или *Среднюю Азию*.

Термин *Центральная Азия* он зарезервировал за территориями, которые именно этим термином определялись Рихтгофеном.

Эта схема в 1914 г. была заимствована профессором физической географии Санкт-Петербургского университета Александром Воейковым — по его словам:

> «название Центральная Азия следует закрепить за землями, расположенными между Алтаем на севере и Гималаями на юге, Памиром на западе и самим Китаем [...] на востоке»[249].

Во втором издании своего труда Мушкетов уточнил, что обозначение *Внутренняя Азия*:

> «более правильно, нежели Средняя, так как последнее невольно заставляет предполагать, что область эта находится в середине материка, чего на самом деле нет; с другой стороны, название Средняя Азия сделалось так популярно, что изменить его мне кажется невозможно; во всяком случае, я употреблю его, как синоним Внутренней Азии»[250].

Таким образом, *Внутренняя*, или *Средняя*, *Азия* Мушкетова включала все пространство, откуда нет стока вод в сторону открытых морей, и которое по своим свойствам напоминает высохшие плато Хань-Хая. Иными словами, она объединяла *Туркестан* и *Арало-Каспийскую низменность*, *Центральную Азию* Рихтгофена (вместе с частью Тибета), которую он предпочитал называть *Хань-Хаем*, Иран и часть *Малой Азии*[251].

В подобной схеме *Туркестан* оказывался синонимом *Турана* и *Туркестанского бассейна*, который простирается от Мугоджарских гор и Устьюрта на западе до Памира, Тянь-Шаня и Джунгарии на востоке, от Копет-Дага на территории Хорасана на юге и до Тарбогатая и водораздела Иртыша и Аральского моря на севере[252]. Западная часть этого региона соответствовала *русскому* и *афганскому Туркестану*.

247 Мушкетов. 1886. С. 9–10, 19; Мушкетов. 1936. С. 4.

248 Suess. 1894; Suess. 1885–1909. T. I. 1885 (Обручев был с ним солидарен: Обручев. 1915. С. 338–354). Во втором издании книги Мушкетова в 1915 г. издатели добавили данные Эдуарда Зюсса (Suess. 1915. P. 463–465) и описали всю историю этого вопроса, показав, что в триасовый период *Центральная Азия* не была покрыта морем. Они также подчеркнули, что аргумент Мушкетова о сходстве между морями, существовавшими в триасовый период в Хань-Хае и Туркестане, не следует принимать во внимание: Мушкетов. 1915. С. 6–8, 11 (дополнения были составлены Л. Бергом).

249 Woeikof. 1914. P. 1.

250 Мушкетов. 1915. С. 13, сн. 1.

251 Мушкетов. 1886. С. 10–13.

252 Во втором издании книги Мушкетова издатель (Л. Берг) уточнил, что *Арало-Иртышский водораздел* на самом деле не существует, поскольку между Аралом и Иртышем расположено множество внутренних бассейнов, которые изолированы друг от друга: Мушкетов. 1915. С. 19.

Географ Н. А. Маев, как и многие русские авторы, считал себя верным наследником немецких ученых и, пересматривая их теории, в 1872 г. продлил *Среднюю Азию* вплоть до Дона и Карпат. По его словам:

> «В географическом отношении Туркестанский край составляет часть обширной среднематериковой низменности, которую знаменитый географ Карл Риттер назвал *Туранскою*, но которую вернее назвать *Среднеазиатскою*»[253].

Критика русских теорий на Западе

В духе XIX в., когда наука в каждой из стран соизмерялась с национальным чувством, расхождения по этим вопросам спровоцировали полемику, которая не утихала многие десятилетия.

Отстаивая правоту Рихтгофена, Элизе Реклю, никогда не бывавший восточнее Смирны, писал:

> «Русские ошибочно называют *Центральной Азией* часть континента, которая примыкает к Европе и лежит в той же Арало-Каспийской низменности, что и территория России, орошаемая Волгой и ее притоками»[254].

Хотя Реклю разделял теорию о том, что пространство, заключающее изолированные бассейны, «откуда нет стока вод в море», по площади больше, чем «высохшая впадина Хань-Хая» [высохшее *центрально-азиатское* море], он не считал возможным ставить в один ряд «низменности, расположенные на западе и в центре Азии», поскольку они «совершенно не похожи друг на друга — на одной преобладают плоские равнины, другую со всех сторон окружают мощные горы»[255]. Здесь Реклю скорее опирался на концепт *возвышенностей — низин* Гумбольдта, чем на *пространство без стока вод* Рихтгофена.

Мнение Реклю разделяли некоторые немецкие специалисты. В 1905–1908 гг. австрийский биолог и зоолог Эрих Цугмайер (Erich Zugmayer) неоднократно подчеркивал, что русский Туркестан бессмысленно включать в *Среднюю Азию* (по его убеждению, сам этот концепт возник благодаря данным, полученным в ходе путешествий Габриэля Бонвало [Gabriel Bonvalot], Свена Хедина [Sven Hedin] и Николая Пржевальского). По мнению Цугмайера, Туркестан не может считаться частью *Средней Азии* по той же причине, что Зулуленд[256] абсурдно приписывать к Центральной Африке, а Португалию — к Центральной Европе. Достаточно внимательно присмотреться к картам, чтобы убедиться, что русский Туркестан лежит в стороне от *Inner Asien*. У Цугмайера термины *Внутренняя Азия* и *Центральная Азия* использовались как синонимы[257].

Легко убедиться, что расхождения в терминах были чрезвычайно тонки, далеко не для всех понятны, многим терминам часто произвольно приписывали то один, то другой смысл, и они оказывались непереводимы на другие языки. Например, во Франции все дискуссии шли вокруг одного-единственного выражения — *Asie centrale*.

Подобные тонкости были доступны лишь крайне узкому кругу эрудитов, в то время как широкая публика использовала терминологию, продиктованную актуальной политической повесткой. Так, Реклю, атакуя русские теории, не знал или делал вид, будто не знает, что выражение *Центральная Азия* использовалось в том же значении и франкоязычными авторами, например швейцарским путешественником и коллекционером Анри Мозером (Henri Moser) (автором книги *À travers l'Asie centrale. La Steppe Kirghise – Le Turkestan russe – Boukhara – Khiva – Le Pays des Turcomans et la Perse* [Через Центральную Азию. Киргизская степь — русский Туркестан — Бухара — Хива —

253 Маев. 1872. С. 9–10.

254 Reclus. 1881. P. 15. Деление мира (без учета Африки и Америки) на крупные регионы было предложено Реклю в его главном труде под названием *Новая всеобщая география* (1876–1894). Он выделил следующие ареалы: Южная Европа (T. I. 1876); Франция (T. II. 1877); Центральная Европа (T. III. 1878); Северо-Западная Европа (T. IV. 1879); Скандинавская и русская части Европы (T. V. 1880); Русская Азия (T. VI. 1881); Восточная Азия (T. VII. 1882); Индия и Индокитай (T. VIII. 1883); Передняя Азия (T. IX. 1884).

255 Reclus. 1881. P. 16.

256 Бывшая британская колония, расположенная на территории нынешней Южной Африки, к югу от Мозамбика и Свазиленда.

257 Zugmayer. 1905. P. 355; Zugmayer. 1908. P. 15 (цит. по: Sidikov. 2003. P. 50). О дискуссиях по поводу обозначения *Средней Азии* в немецкоязычном мире и всех применявшихся там терминологических вариантах: *Centralasien (Zentralasien), Central-Asien, (Zentral-Asien), Russisch-Centralasien (Russisch-Zentralasien), Mittelasien (Russisch-Mittelasien), Mittel-Asien* — см.: Sidikov. 2003. P. 44–52.

Земли туркоманов и Персия][258]) или французским антропологом Жюльеном Жирар де Риалем (Julien Girard de Rialle), секретарем Антропологического общества, который в 1874 г. составил *Instructions anthropologiques pour l'Asie centrale* (Антропологические заметки о Центральной Азии), где она была разделена на пять регионов (от Оренбурга до долины Сырдарьи, Сырдарья, Зеравшан с Самаркандом и Бухарой, Верхний Окс и Афганистан)[259].

Жирар де Риаль предпочел термин *Центральная Азия* вполне осознанно: в *Mémoire sur l'Asie centrale, son histoire, ses populations* (Записках о Центральной Азии, ее истории и населении. 1875) он писал, что регион, который он называет:

> «*Центральной Азией,* часто целиком именуют Туркестаном. Однако это выражение слишком неточно и смутно, чтобы мы могли на нем остановиться. Потому мы считаем необходимым определить географические пределы того ареала, о котором ведем речь. В западном направлении мы считаем, что он доходит до восточного побережья Каспийского моря; на севере простирается до долины Эмбы, бассейна Яксарта, или Сырдарьи, от ее впадения в Аральское море до водораздела ее самых отдаленных притоков и вод горных ручьев, которые устремляются к озеру Балхаш или сливаются в реки, пересекающие великие киргизские степи; на востоке мы берем за границу пределы княжества, которое Якуб-Бег недавно создал в восточном Туркестане (бывшем китайском Туркестане), т. е. пустыни и земли, которые отделяют его от Китая; наконец, на юге мы остановимся перед Каракорумской цепью, горами Гиндукуша и их таинственными долинами, хребтами Кохи-Баба и Сефид-Кох, а также горами, отделяющими Герат и Хорасан от Мерва и большой Харезмийской пустыни. В западном направлении это пространство простирается до места впадения Атрека в Каспийское море. Таков регион, который мы называем *Центральной Азией* и который в действительности является таковой — поскольку на самом деле он населен не только тюрками, а потому не следует, как это часто делают, именовать его *Туркестаном*»[260].

Чтобы максимально конкретизировать свою мысль, Жирар де Риаль, отталкиваясь от распределения вод и от орографии (в основном вдоль вертикальной оси этого региона), выделил в *Центральной Азии* несколько отличных друг от друга частей:

> «Восток и Запад сильно отличаются друг от друга; если провести с севера на юг линию, которая в целом протянется вдоль 67 градуса долготы, то *Центральная Азия* окажется разделена на две очень несхожих половины: слева протянутся песчанистые степи, солончаки, озера с солоноватой водой, где сходятся низовья двух крупных рек, Окса и Яксарта, превращающие их берега в плодороднейшие оазисы, а также протекают две небольшие реки, Мерв (или Мургаб) и Зеравшан (он питает водой Самарканд и Бухару), — у этих двух рек больше не хватает ни вод, ни силы для того, чтобы дать отпор наступающим степным пескам и влиться в Окс, к бассейну которого они принадлежат. Справа простираются высокие горы, обширные плато, горные озера, реки и ледники — это земля глубоких и темных долин, городов, окруженных садами и обильными посадками. Между двумя половинами, на которые естественным образом делится *Центральная Азия*, нет почти что ничего общего»[261].

Обзор оглавлений *Bulletin de la Société de Géographie de Paris* (Бюллетень Парижского географического общества) (1822–1843, 1844–1861, 1861–1899) показывает, что выражение *Центральная Азия* встречается там довольно регулярно, но без всякой конкретизации ее географических рубежей; аналогичным образом в *Revue des deux mondes* (Журнал двух миров) оно фигурирует как в заголовке статьи, посвященной «Экспансии России в Центральной Азии» (Progrès de la Russie en Asie centrale. 1841), так и в исследовании об «Английских завоеваниях и поражениях в Центральной Азии» (Conquête et désastre des Anglais dans l'Asie centrale. 1842).

В Великобритании термин *Центральная Азия* появляется на подписи к карте, составленной исследователем и картографом Уокером (Walker), который использовал его лишь для обо-

258 Moser. 1886.
259 Girard de Rialle. 1874.
260 Girard de Rialle. 1875. P. 1–2.
261 Ibid. P. 2–3.

значения пространства, простирающегося между 46 и 58 градусами восточной долготы[262].

В целом при разговоре об этом регионе публика всегда отдавала предпочтение терминологии, укорененной в политических реалиях: Джон Таллис (John Tallis) в *Tallis's Illustrated Atlas* (Иллюстрированный атлас. 1851) включил серию карт, гравированных Джоном Рэпкином (John Rapkin), где вся *Центральная Азия* в самом широком значении была обозначена с помощью таких терминов, как *Кабул, Пенджаб и Белуджистан*; *Тибет, Монголия и Маньчжурия*; *Россия в Азии*; *Китай и Бирма*.

Однако за терминологической чехардой скрывался более важный вопрос — хотя этот регион был тогда еще плохо изучен, его центральное расположение все чаще стало рассматриваться как важнейший политический фактор.

Россия между Востоком и Западом: преимущество или недостаток (приложение концепта центральности к русской истории и экспансионистской политике)

Для русских авторов в ту эпоху было чрезвычайно важно, чтобы термин *Центральная Азия* был закреплен за туркестанскими ханствами, которые находились на пороге трансформации в русский Туркестан. В отличие от *Туранской низменности*, само выражение *Центральная Азия* подчеркивало центральный, срединный характер этого региона и тем символически демонстрировало его потенциальное значение — причем сразу в нескольких системах координат.

Представление о себе как о центре (что само по себе считалось почетным), которому отдали должное все общества, фигурировало в описаниях Азии / Востока еще в эпоху домодерна: мусульманские картографы помещали в центр мира *Дар аль-Ислам*, а на картах, созданных индусами, в центре располагались их родные земли; взгляд на Китай как на центр мира был отражен не только на картах, но и в его наименованиях: самое известное из них — *Срединная империя* (в этом названии к представлению о Китае как о географическом центре прибавляется идея политической и культурной «центральности» Поднебесной[263]).

Одним из важных аспектов мифологии центра всегда была его сакрализация. Почти у любого народа в любой из периодов истории можно встретить убеждение в том, что святое место должно находиться в центре: вавилоняне полагали, что Ниппур расположен в центре Земли, греки говорили, что святилище Аполлона в Дельфах находится в центре Греции, а средневековые авторы называли Иерусалим пупом Земли. Все великие цивилизации считали себя центром Вселенной, который с помощью единственного сакрального языка поддерживает устойчивость мироздания.

Однако в XIX в. концепт центральности приобрел невиданное ранее значение: в поисках выгодных коалиций, потенциальных врагов или оптимальных колониальных прожектов политики стали активно прилагать его к карте мира (например, в то время часто говорили о центральном положении немцев в Западной Европе, славян — в Европе как таковой, а китайцев — в Азии; так что Германию, Россию и Китай можно было назвать тремя «Срединными империями»). Тот же подход, в рамках которого прилагательному «центральный» *априори* придавали позитивное значение, был заметен и в отношениях России с ее южными колониями.

После того как Петр I решил ввести Россию в число европейских держав, часть русской интеллектуальной элиты, чрезвычайно озабоченная тем, чтобы доказать «европейскость» своей родины, увлеклась размышлениями о том, чем Россия отличается от Запада. Начиная с эпохи Просвещения, она стремилась продемонстрировать, что разделяет те же культурные ценности, что Европа. Несмотря на то, что прозападная российская элита была польщена позитивными оценками своего отечества, впервые высказанными Готфридом Вильгельмом Лейбницем (Gottfried Wilhelm Leibniz), а потом, около 1775 г., ясно сформулированными Вольтером (Voltaire)[264] и его последователями (отчасти Монтескье [Montesquieu], Дидро [Diderot], братьями Гримм [Grimm] и Бентамом [Bentham]), она чувство-

262 Walker. 1873. P. VI.

263 Yee. 1994. P. 172–173; Lewis, Wigen. 1997. P. 69; Hostetler. 2001. P. 27.

264 См. «пророссийские» сочинения Вольтера: «История Карла XII, короля Швеции» (1731); «Анекдоты о царе Петре Великом» (1748); «История Российской империи при Петре Великом» (1759–1763).

вала себя отвергнутой. Тот факт, что ей все же не удалось стать своей в европейском «братстве народов», стал особенно очевиден после 1789 г. и арестов либеральных публицистов Александра Радищева и Николая Новикова. «Завещание Петра I», сфабрикованное французскими дипломатами при содействии политиков из Украины, Венгрии и Польши (его финальная версия была составлена Михалем Сокольницким [Michael Sokolnicki] и Шарлем-Луи Лезюром [Charles-Louis Lesur] в 1797 г.), омрачило репутацию России в Европе — прежде всего предсказаниями о том, что ей якобы «суждено» покорить большую часть Европы и Османскую империю[265].

После Французской революции и Наполеоновских войн фрустрации, спровоцированные неудовлетворенным стремлением встать в один ряд с другими европейскими державами (притом что Россия тогда ясно осознала свою военную мощь), начали трансформироваться под влиянием немецкого романтизма. В «автохтоннистской» парадигме немецкий *Volk* или русский *народ* стали рассматриваться как моральная сила, способная преобразить будущее. Признав, что Россия лежит в стороне от Европы, русские элиты начали переоценку географического положения своей страны. В эпоху Екатерины II и Александра I политики сумели извлечь пользу из периферийной позиции России, завоевав Финляндию, Польшу и принадлежавшее туркам северное побережье Черного моря. При этом они не встретили никакой негативной реакции со стороны Европы, которая, наоборот, была настроена к русскому империализму скорее благосклонно[266]. У подобного отношения были исторические прецеденты: когда Иван Грозный в 1547 г. принял титул царя (производный от имени Цезаря), что подразумевало исторические притязания на державу, объединившую Киев, Византию, Рим и степные ханства (в 1552 г. Иван Грозный взял Казань, а в 1556-м — Астрахань), Европа не обратила на это внимания. Благодаря своему отдаленному расположению, автократическому характеру власти и православному вероисповеданию Россия до XVIII в. оставалась единственной из внеевропейских империй, которая не попала под гегемонию Европы и потому была вольна действовать, как ей заблагорассудится. Пользуясь этой ситуацией, она смогла за достаточно короткий период реализовать масштабную экспансионистскую программу.

Когда на рубеже XVIII–XIX вв. Западная Европа осознала, что русские завоевания могут представлять для нее угрозу, экспансионистские планы Санкт-Петербурга перестали восприниматься столь благосклонно, как раньше. Поскольку правила игры диктовала Европа, русские политики и интеллектуалы столкнулись с последствиями своего периферийного положения, которые были осложнены все более негативным восприятием их страны среди европейцев. Это хорошо видно по тому, что в «Соображениях об образе правления в Польше» (1771) писал Жан-Жак Руссо (Jean-Jacques Rousseau), который идеализировал Польшу и критиковал империю Екатерины II[267]. Критика стала намного жестче в записках маркиза де Кюстина (de Custine), который в 1839 г., побывав в России, охарактеризовал ее как страну «полицейскую» и «варварскую»[268]. Изоляционистская и консервативная политика Николая I в итоге привела к разрыву между Россией и Европой.

Некоторые русские интеллектуалы, правда, были готовы принять подобную изоляцию. В начале XIX в. постепенно сформировалась философская интерпретация национальной истории (в 1830–1840-х гг. она приобрела отчетливые очертания в кругах славянофилов[269]), которая, настаивая на «особом пути и исключительной нравственности» России, представляла ее как особый мир, не относящийся ни к Европе, ни к Азии. Некоторые авторы стали трактовать евро-

265 Blanc. 1968; Subtelny. 1974; Resis. 1985.

266 А. Н. Куропаткин отмечал, что в XVIII в. русская территория выросла на 65 000 квадратных миль (ок. 104 600 квадратных километров) и что лишь эти «новые» земли, на которые приросла европейская часть России, по площади больше, чем Германия, Австро-Венгрия и Франция вместе взятые: Куропаткин. 1910. Т. 3. С. 69. Здесь интересно взглянуть на «Новую пограничную карту Российской империи от Балтийского моря до Каспийского» К. И. Онермана, которая была опубликована в Санкт-Петербурге в 1795 г. Она представляет линии русских границ по состоянию на 1773, 1774, 1785, 1791 и 1793 гг.: Постников. 1996. С. 86. См. также: Strahlenberg. 1757 [1730]. V. I. P. 10; Kappeler. 1994 [1992]. P. 37; Malia. 2003 [1999]. P. 44–45, 98–107, 113; Khodarkovsky. 2002. P. 40; Poe. 2003. P. 46–57.

267 Wolff. 1994. P. 195–283.

268 Custine. 1843. О восприятии «русской угрозы» в Европе XIX в. см.: Kohn. 1963. P. 94–108.

269 Kohn. 1963. P. 121–122; Bassin. 1999. P. 41–46; Schimmelpenninck van der Oye. 2002. P. 256.

пеизацию своей страны как поверхностное явление, скрывающее подлинную национальную идентичность. Если раньше маргинальное положение России в Европе рассматривалось как изъян, теперь на него (вновь) стали смотреть как на преимущество.

Географическое положение России — у врат Европы и на расстоянии вытянутой руки от Азии — и ее исторический опыт существования между Востоком и Западом под гнетом «монгольского ига», которые раньше воспринимались как источник бед, были переосмыслены как пространство возможностей и мессианское призвание. С тех пор стали говорить, что роль России состоит в том, чтобы определить судьбу обеих частей света и спасти их — как с помощью морских путей и железных дорог, так и благодаря просвещению. С конца XVII до середины XIX в. экспансионистские устремления России были обращены на северо-восток и юго-восток — в Прибалтику, на Балканы и другие территории Османской империи (в ходе русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1792 гг., русско-персидской войны 1826 г., а потом Крымской войны). Несмотря на то, что Россия продолжала вести войны на Кавказе и в Болгарии, политика *Drang nach Westen* в конце концов уступила место *Drang nach Osten* — завоеванию юго-восточных окраин (оно пришло на смену покорению Сибири, которое как раз тогда было завершено после трехвековых усилий).

Российская экспансия на восток интенсифицировалась после основания Оренбурга, который сыграл роль «степного Санкт-Петербурга» и своеобразного «окна в Азию»[270]. После того как в 1744 г. была создана Оренбургская губерния, империя вышла на обширное пространство к югу от Уральских гор, номинальный суверенитет над которым принадлежал то ей, то Китаю (это были земли Большой, Средней и Малой орд, где жили народы, говорившие на тюркских языках), а к югу перед ней открылись Кокандское, Бухарское и Хивинское ханства. Эти полиэтничные и в основном двуязычные (тюрко-персидские) государства управлялись консервативными мусульманскими династиями узбекского происхождения, которые опирались на разветвленный административный аппарат и сложную систему налогообложения. За ханствами лежали небольшие памирские и кашгарские княжества (где говорили на тюркских языках и на фарси), а за ними — владения Британии и Китая. Туркмены, которые номинально находились под частичным суверенитетом Хивы, Бухары и Ирана, в то время были фактически независимы.

Достигнув пределов *независимой Тартарии*, русские элиты, представлявшие свою страну как центр, расположенный между Азией и Европой, решили, что следующим важным шагом будет завоевание «сердца Азии», казавшегося им залогом будущего преуспевания царской империи.

Ростислав Фадеев, Николай Данилевский и Владимир Ламанский: *Третий континент* и рождение *Евразии*

Мысль о центральном положении России, которая уже звучала у первых поколений славянофилов, приобрела отчетливые очертания около 1869–1870 гг. в ходе дискуссий о восточном вопросе — под пером такого воинствующего славянофила, как генерал Ростислав Фадеев, и панслависта Николая Данилевского, которые ратовали за внешнюю политику империалистического толка[271].

По их убеждению, Евразийский континент состоит из трех частей: «романо-германской» Европы, Азии в собственном смысле слова (или нерусской Азии) и *Срединного мира*[272], который и есть *Евразия-Россия* (ил. 10). Эти пространства, расположенные на востоке Европы и севере Азии, отличаются от других частей континента не только в географическом, но и в культурном плане. Россия принадлежит к греко-славянскому, или православному миру, который, с точки зрения славянофилов, был лучшим из всех и противопоставлялся католико-протестантской Европе

270 Оренбург был фактически основан дважды. Город, заложенный в 1735–1737 гг., в 1742 г. перенесли восточнее: Brill Olcott. 1995. P. 32–33; Khodarkovsky. 2002. P. 156–163.

271 Фадеев. 1870; Данилевский. 1895. См.: Kohn. 1963; Kohn. 1955; Hunczak. 1974. P. 82–105; Bassin. 1991. P. 9; Bassin. 1993. P. 487–490; Laruelle. 2002a. P. 152.

272 В русском языке прилагательное «средний», производное от существительного «середина», имеет два значения: 1) промежуточный по ценности; 2) центральный. При этом его почти полный эквивалент «срединный» означает только «центральный». Потому, как подчеркивал Семенов-Тян-Шанский (1896. С. 513), Китай по-русски именовали именно *Срединной империей*.

Ил. 10. *Схематическое представление Евразии-России или Срединного мира и прилежащих к ней / нему территорий согласно идеям Ростислава Фадеева, Николая Данилевского и Владимира Ламанского (1860–1870).*

и «нехристианской» Азии. Азия, включавшая Китай, Японию, Индокитай, Индию, Иран и другие страны, была разделена на три культурных пояса: китайский (или конфуцианско-буддистский), индийский (или буддистско-брахманистский) и иранский (или исламо-маздеистский). Утверждая, что российское пространство находится в центре Евразии, эти мыслители тем самым возносили его на вершину символической иерархии, в которой большее или меньше значение различных территорий определялось изначально заданными воображаемыми конструкциями.

Подобное трехчастное деление представляло собой шаг вперед и в то же время радикальный отказ от двухчастной системы, предложенной геологом Августом Викенелем (Auguste Viquesnel). Викенель в 1868 г. опубликовал путевой журнал, в котором, следуя европейским схемам, представлявшим Россию в негативном ключе, попытался доказать, что Московия радикально отличается от Европы по своим природным характеристикам (гидрографии, климату, методам землепользования и составу населения). По его убеждению, Старый свет разделен на две непохожие части: многоликая и гористая Европа, с ее свободами и региональным разнообразием, резко отличается от монотонной степной России, где царствуют единообразие и деспотизм[273]. Все то, что Викенель рассматривал в негативном ключе и ставил России в упрек, русские мыслители славянофильского направления переинтерпретировали в позитивном духе.

Так, Владимир Ламанский, географ, этнолог, специалист по славянским языкам и прекрасный знаток архивов Венеции, который возглавлял кафедру славянской филологии в Санкт-Петербургском университете и отделение этнографии в Императорском географическом обществе, стал развивать подобные идеи в духе

273 Viquesnel. 1868. P. 207–303 (цит. по: Лярюэлль. 2004. P. 262).

географического детерминизма[274]. Поддержав тезис о существовании *Евразии-России*, Ламанский резко выступил против взглядов западных географов и геологов, прежде всего Александра фон Гумбольдта (который первым использовал термин *Евразия*[275]), Оскара Пешеля (Oskar Peshel)[276] и Эдуарда Зюсса (Eduard Suess) (который в 1885 г. заимствовал понятие *Евразии* у исследователей старшего поколения, но вошел в историю науки как его создатель[277]). Эти исследователи выступали за «объединение Европы и Азии в рамках единого континентального пространства», поскольку, по тогдашним представлениям, обе территории принадлежат одному «щиту», или «платформе» (поскольку Европа — лишь полуостров на окраине Азии)[278]. Однако, в отличие от Ламанского, они в своих интеллектуальных построениях не рассматривали *Евр-Азию-Россию* (но не *Евразию-Россию*) как «природную данность», сравнимую с континентом, и не думали признавать, что ее особая государственная и национальная идентичность может быть предопределена ее географическим положением.

В то время как в представлении исследователей, писавших на немецком языке, два континента составляли общее евро-азиатское пространство, в России господствовало представление о себе как о *середине*, обеспечивавшей единство третьего континента — *Евразии-России.*

Как считалось, благодаря такому географическому положению Россия наделена особыми характеристиками: континентальность и отсутствие полуостровного духа, непрерывность бескрайних пространств и отрицание сепаратизма, массивность картографического силуэта и присутствие на ее территории всех экстремальных климатов, кроме тропического. В совокупности именно эти характеристики и придают ей статус третьего континента.

В теории Фадеева — Данилевского — Ламанского тот факт, что Россия зажата между двумя враждебными к ней мирами и лежит в стороне от Европы, к которой русская проевропейская элита хотела бы ее приписать, окончательно превращается из недостатка в достоинство. В этой системе координат Россия оказывается вовсе не на окраине Восточной Европы, не у врат Азии, а в самом сердце Евразии, которую она собой воплощает; потому славянофилы были убеждены, что судьба всего мира находится в ее руках. На смену крайне критическим оценкам Чаадаева, писавшего в *Философических письмах*, что Россия не принадлежит «ни к Западу, ни к Востоку»[279], пришел новый дискурс.

Этот дискурс, посвященный *Срединному миру* и *Евразии-России*, изначально был призван подорвать миф о превосходстве Европы и представлял собой одну из первых попыток доказать самобытность русской цивилизации. Однако тезисы русских философов строились на той же европоцентричной риторике, только вывернутой наизнанку. Описания географического положения России были поставлены на службу национальному чувству и требовались для того, чтобы легитимировать российское господство над всем континентом. С одной стороны, новый дискурс отрицал претензии Запада на то, что он воплощает сам принцип Цивилизации, и, более того, маргинализовал его, представляя Европу (по той же модели периферии) как полуостровное продолжение Азии[280]. С другой стороны, смена представлений о том, где находится центр континента, превратила удаленность России от центра Запада (которая раньше воспринималась как огромный изъян и предлог для того, чтобы выставить Россию из Европы) из недостатка в преимущество.

Объявив периферию центром, русские интеллектуалы символически обеспечили России право разыграть карту мессианства. Она позволила славянофилам (прежде всего, панславистам), вдохновлявшимися идеалистическими

274 Ламанский. 1892. С. 3.

275 Humboldt. 1843. T. I. P. 54.

276 Lewis, Wigen. 1997. P. 29.

277 Suess. 1885–1909. T. I. P. 188; Савицкий. [после 1924]. С. 299; Nicolas, Sériot, Lavroukhin, Vullioud, Wenker. 1998. P. 68; Sériot. 1998. P. 380.

278 Эту точку зрения разделяли Карл Христиан Фридрих Краузе (Krause. 1819), Роберт Дорр (Dorr. 1873) и Ф. Дж. Хан: Bassin. 1991. P. 10, n. 41.

279 Koyré. 1950. P. 21.

280 Данилевский. 1895. С. 58–61. В этом вопросе позиция Данилевского близка к теориям многих современных исследователей. Они показывают, что картографическая операция, превратившая Европу, которая по сути представляет собой полуостров, в целый континент, стала возможной лишь в силу идеологического европоцентризма: Lewis, Wigen. 1997. P. 195.

теориями Руссо (Rousseau) и Гердера (Herder), соединить веру, мир, любовь и разум в общую политическую конструкцию. Хотя в тот момент взгляд славянофилов на Россию все еще формулировался в привычных для того времени духовных и экономических, а не в геополитических категориях, они взялись за конструирование дискурса, посвященного роли России в мире. Лишь со временем из этого дискурса — у панславистов, а затем у неославистов и особенно у евразийцев (которые разработали теорию о том, что *Евразия-Россия* представляет собой «третий континент») — возникла собственно геополитическая доктрина.

В этих построениях Азия упоминалась лишь для того, чтобы упрочить положение России по отношению к Европе.

Подобный дуализм, замаскированный в троичной схеме, ясно заметен в геополитических построениях Дмитрия Менделеева — создателя знаменитой таблицы химических элементов. Разделяя славянофильскую теорию о полиэтничном Срединном мире и двуполярном устройстве Евразии, он подчеркивал провиденциальную миссию России, состоявшую в том, чтобы:

> «сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравновешивания между передовым, но кичливым и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорною, даже отсталою и приниженною, но все же твердою государственно-социальною сплоченностью»[281].

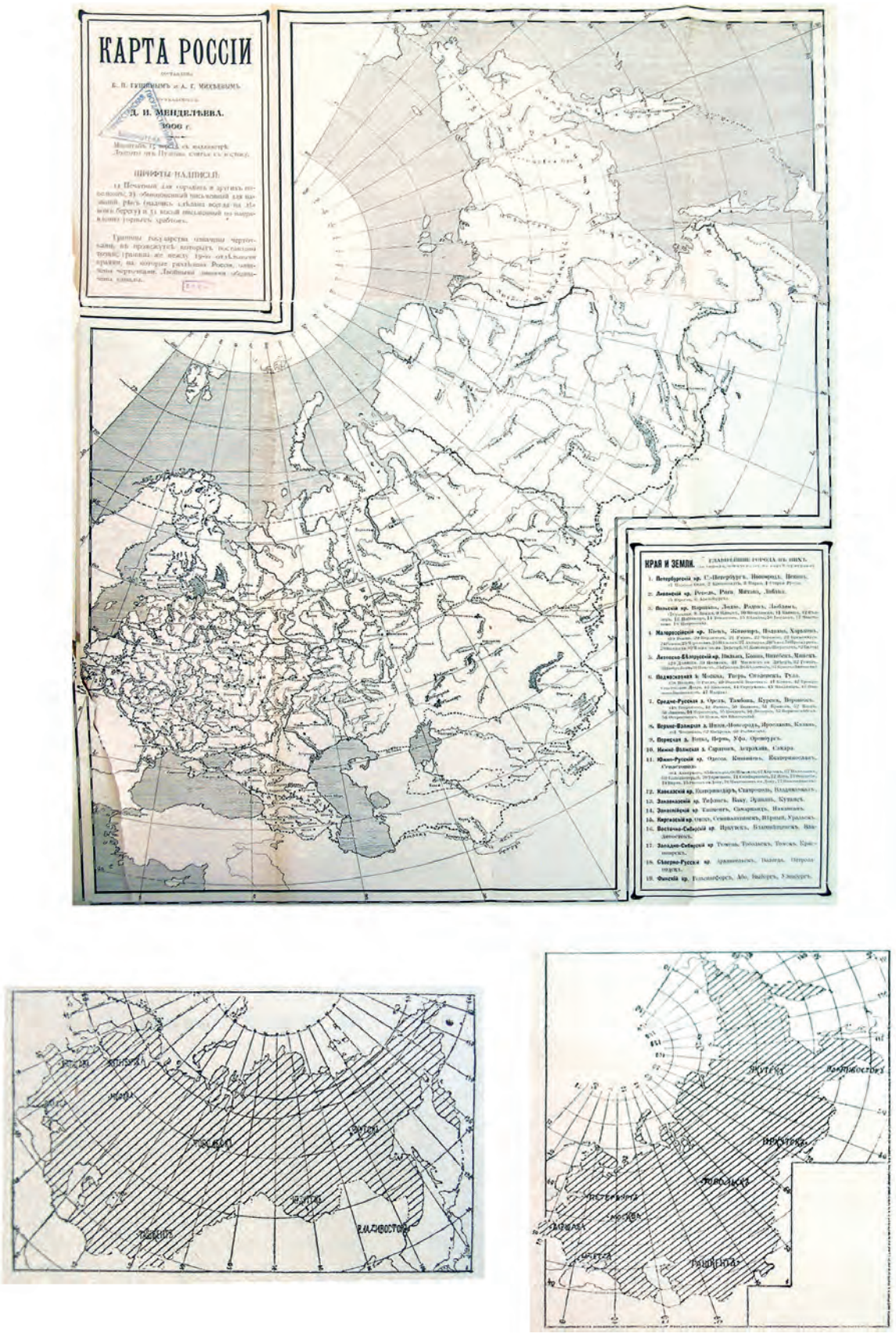
Чтобы помочь в реализации этой задачи, он предался геополитическим спекуляциям, превратив «онтологический вопрос» в «науку». В 1906 г. на основе данных переписи 1897 г. и законов физики Менделеев попытался отыскать «природный» центр России: он разделил карту империи по границам губерний, чтобы найти на бумаге гравитационный центр, соответствовавший экономическому центру и потенциально преобразуемый в центр политический. После долгих вычислений он поместил его на юго-восток, немного на север от Омска. По мнению Менделеева, чтобы «обеспечить развитие страны», туда следовало перенести административный и политический центр империи[282], отказавшись от северного (как у Санкт-Петербурга) расположения российских столиц. Вместе с тем Менделеев сохранил доминирование европейской части империи. В предложенном им «способ[е] картографического изображения всей России» «Европа сливалась бы с Азией и выступало бы ныне первенствующее значение европейской России»[283], а Сибирь, с точки зрения людских ресурсов, представала бы как полуостров (ил. 11).

Концепт *Срединного мира* в приложении к Азии

Концепт *Евразии-России* как третьего континента, возникший в ответ на презрение со стороны Запада, получил неожиданное продолжение в Азии. Представляя *Евразию-Россию* как «естественную» и «органическую» структуру, адепты этого понятия тем самым легитимировали существующие границы, преподнося их как «естественные и очевидные пределы империи».

Поскольку сам концепт *Срединного мира* был создан в ходе размышлений об отношениях между романо-германским и греко-славянским мирами, Ламанский начал с того, что очертил его западные рубежи: от Баренцева моря к российской границе с Норвегией и Швецией, а дальше по линии «от Данцига на Балтийском побережье к Триесту на юге Адриатики»[284]. Подобное членение пространства, которое виртуально урезало территорию Европы XIX в. (заметим, что эта схема идеально накладывается на карту коммунистического блока, созданного в Восточной Европе в XX в.), в предложенном геоцентрическом дискурсе представало как неизбежный результат природных факторов. Евразийские плато, поднимающиеся от берегов Охотского моря, заканчивается на севере лишь на берегах Финского залива, а на юге — на Адриатике, в районе Венеции (подобные оценки звучали уже

281 Менделеев. 1912. С. 33, 146.
282 Ibid. С. 4, 6, 125–142.
283 Ibid. С. 145–146.
284 Ламанский. 1892. С. 24.



Ил. 11. *Традиционное картографическое представление Российской империи и новая проекция, предложенная Дмитрием Менделеевым. In Mendeleev. 1912 (в конце книги).*

у Карла Маркса в 1853 г.[285]). Такие географические «факты» должны были объяснить, почему северо-восточные границы России «естественным образом» проходят по побережью Арктики, а затем Японского моря.

Однако когда встала задача прочертить южные границы *Срединного мира*, натуралистская оптика славянофилов и панславистов оказалась уже не настолько пригодной. Они были увлечены всеми проектами, которые предусматривали аннексии в юго-восточном направлении, и пытались совместить принцип физико-географического единства территорий, входивших в Российскую империю, с политическими соображениями, которые опирались на культурные факторы. Не имея возможности апеллировать к серьезным данным из сферы географии и этнографии[286], эти авторы обратились к политическим аргументам. Потому они утверждали, что *Средняя Азия* «естественным образом» входит в *Средний* (или *Срединный*) *мир*, словно они составляли неразделимое целое. Это означало, что тогдашние границы, так же как и завоевание *Средней Азии* и ее массовая русификация, полностью легитимны[287].

С точки зрения Ламанского, в этом «едином пространстве», куда русское военное присутствие принесло «свет цивилизации», не существует никаких географических, этнографических или историко-культурных различий между южной, северной, восточной и западной периферией, поскольку везде одинаково мощно чувствуется «цивилизаторское присутствие России». В отличие от южных народов, живущих за пределами империи, те народы Азии, которые оказались под русским господством, усвоили идентичность завоевателя (т. е. постепенно в экономическом, административном и, наконец, социальном и культурно-религиозном плане интегрировались в имперский мир и кооптировали туда свои элиты). Тем самым они оказались отделены от соседей, поскольку, «возвращаясь к цивилизации» (т. е. русифицируясь), народы сохраняют лишь отдельные элементы своих прежних культур[288].

Подобные «цивилизаторские» идеи, связанные с русским мессианизмом и сопоставимые с аналогичными представлениями, бытовавшими на Западе, отстаивали славянофилы, панслависты, консерваторы и националисты, как Сергей Уваров, министр народного просвещения с 1833 по 1849 г.; профессор русской истории Михаил Погодин, преподававший в Московском университете; географ и статистик Константин Арсеньев; историк Василий Григорьев, занимавшийся азиатскими древностями; а также географ Петр Семенов-Тян-Шанский. Те же теории исповедовали и левые радикалы, например Александр Герцен, который на страницах лондонского журнала «Колокол», используя популярные тогда клише, писал, что Россия призвана «принести в Центральную Азию свет цивилизации»[289].

Помимо преображения колонизированных народов, подобные идеи подразумевали и трансформацию пейзажа покоренных территорий, которая была призвана подчеркнуть их отличие от соседних земель и акцентировать сходство с метрополией. В рамках такой стратегии первый

285 В статье, опубликованной в *New York Daily Tribune* 12 апреля 1853 г., Карл Маркс в духе русофобских идей того времени предупреждал о «русской угрозе» и добавлял, что «западные рубежи Российской империи четко не определены и не совпадают с естественными границами... они еще изменятся, и мы увидим, как они протянутся от Данцига или Штеттина до Триеста» (цит. по: Kohn. 1963. P. 96–97). Это пространство, которое Дэвид Митрани позже назвал *Middle Zone* (см. его исследование *Evolution of the Middle Zone*, вышедшее в *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* в 1950 г.), было представлено Марксом как непреодолимый барьер между Западом и Востоком, отделявший славян, турок и Православную церковь от европейских держав и Римско-католической церкви (при этом разделительная линия, идущая от Адриатики до Балтики, сместилась с восточного маршрута от Санкт-Петербурга до Фиуме к западному, протянувшемуся от Любека до Венеции): Gottmann. 1952. P. 142.

286 Вот почему Данилевский и Ламанский рассматривали Туркестан как особый мир, отличающийся от России: Ламанский. 1892. С. 17; Bassin. 1991. P. 15.

287 Потому в предисловии к атласу *Азиатская Россия* 1914 г. (Т. I. С. VIII) сказано, что «земли нашей азиатской России — это неотъемлемая и неотделимая часть нашего государства и в то же время наша единственная колония».

288 Ламанский. 1892. С. 4, 8, 16–17, 43–45. В этом смысле чрезвычайно важен разрыв, который утвердился на уровне законодательства: отменяя традиционное право, российские власти прививали локальным обществам правовую систему, основанную на других юридических ценностях, как, скажем, «гражданственность», которая подразумевала верность по отношению к имперской власти (о разрушении казахской системы права см.: Martin. 2004; Sartori. 2010; Sartori. 2011). Советская власть — с помощью религиозной политики, введения кириллицы и новой системы образования — сумела полностью отделить жителей советской Средней Азии от их соседей и воспитала в них чувство превосходства над народами, жившими вне границ СССР (здесь были воспроизведены те же отношения господства, что раньше существовали между русскими и среднеазиатами).

289 Bassin. 1999. P. 54–55, 203.

туркестанский генерал-губернатор Константин фон Кауфман инициировал многочисленные проекты по ирригации и озеленению «европейских» городов Туркестана.

С точки зрения славянофилов, рубежи *Срединного мира* совпадали с границами Российской империи, а потому было вполне «естественно», чтобы *Средняя Азия* была включена в ее состав. В результате вместо «завоевания» стали использовать термин «колонизация».

Смещение *Сердца Азии*

Теория о третьем континенте предполагала не только создание системы, состоявшей из двух концентрических кругов (*Срединного мира* и *Средней Азии*, которые считались неразделимо связанными), но и то, что к обеим его составляющим применяли понятие центральности. Славянофилы и панслависты создали концепт *Евразии-России*, основанный на представлении о центре континента. Россия, лежавшая в стороне от Европы и на пол-пути к Азии, у них превратилась в центр Евразии — *Евразию-Россию*, или *Россию-мир*. Эти мыслители применяли тот же метод к российской *Средней Азии*, которая оказывалась в стороне от центра как в схеме Рихтгофена «центр — переходная зона — периферия», так и по отношению к так называемым «классическим» культурам тюркского и иранского Востока.

Чтобы трансформировать российскую *Среднюю Азию* в центр азиатского континента, требовалось произвести две символические операции: расширить на запад пространство, которое Рихтгофен называл *Центральной Азией*, и переместить *центр* Азии на территории русского Туркестана. Первая, как мы показали выше, была реализована в русских размышлениях о *Средней / Центральной Азии*. Вторая, связанная со стремлением продемонстрировать потенциал этого региона, заняла больше времени.

Сам Данилевский, кажется, недооценивал русский Туркестан, который воспринимался им как второсортный Восток — труднодоступный и чрезвычайно бедный по сравнению с такими азиатскими культурами, как Турция, Персия, Индия и Китай. Однако эти страны, попав в тиски европейского экспансионизма, оказались недоступны для русских колониальных претензий. Напротив, колонизация Туркестана Россией на Западе была воспринята как нечто закономерное. В речи, которую Генри Роулинсон (Henry Rawlinson) произнес в 1882 г. в Королевском географическом обществе, прозвучала привычная для того времени мысль о том, что русская миссия на Востоке вполне благородна, однако он подразумевал, что экспансия России не должна выходить за определенные рамки:

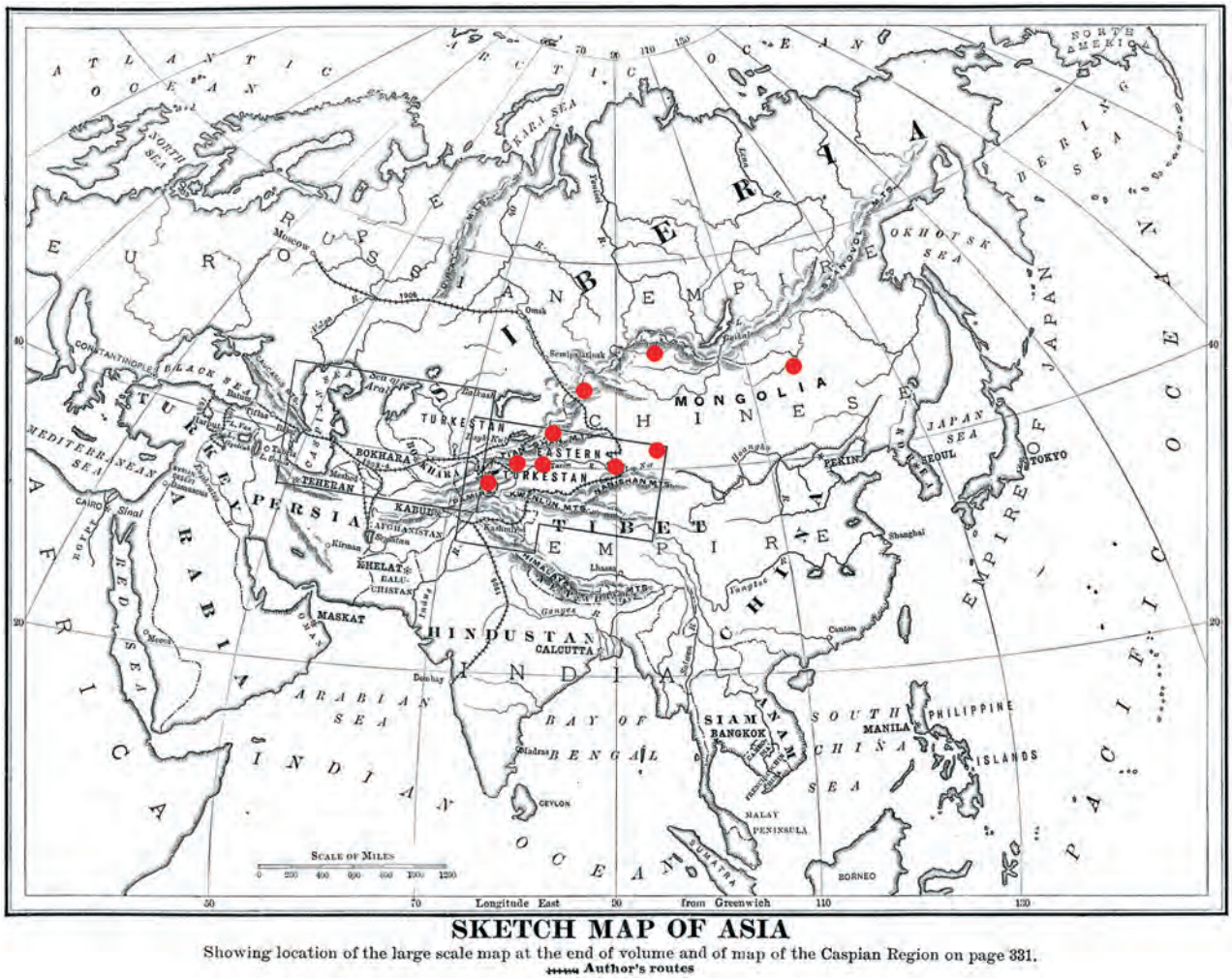
> «То, что Россия распространила свое владычество к востоку от Каспийского моря, принесло всей стране колоссальное благо. Смена киргизского, узбекского или туркменского правления в большей части Средней Азии на русское стала несомненным благодеянием для всего человечества. Отвратительная работорговля со всеми свойственными ей ужасами была упразднена, разбойников призвали к порядку, а магометанский фанатизм и жестокость были в целом ослаблены и поставлены под контроль. Благодаря этому торговые пути стали надежнее, местные искусства и ремесла процвели, а потребности местных жителей стали восприниматься властями с большим вниманием, чем при прежних азиатских правителях»[290].

Возмущаясь тем, что Европа доверила России лишь ничтожную задачу «принести цивилизацию» в Туркестан, Данилевский восклицал:

> «Тысячу лет строиться, обливаясь потом и кровью, и составить государство в восемьдесят миллионов [...] для того, чтобы потчивать европейскою цивилизацией пять или шесть миллионов кокандских, бухарских или хивинских оборванцев, да, пожалуй, еще два-три миллиона монгольских кочевников, — ибо таков настоящий смысл громкой фразы о распространении цивилизации в глубь азиатского материка, — вот то великое назначение, та всемирно-историческая роль, которая предстоит России, как носительнице европейского просвещения. Нечего сказать: завидная роль!»[291]

290 Curzon. 1889. P. 384.

291 Данилевский. 1895. С. 37, 62 (цитата), 63. Об отношении русского общества к Туркестану, которое было довольно скептичным в начале завоевания, полным энтузиазма на заре XX в. и достаточно сдержанным после 1905 г., см.: MacKenzie. 1974; Дмитриев. 1976.



Ил. 12. *Карта Азии Элсуорта Хантингтона (Ellsworth Huntington) с обозначением различных «центров Азии». In Huntington. 1907 (в конце книги).*

Однако вернемся к задачам, которые требовалось решить: «расширить» за счет российской *Средней Азии Центральную Азию* и «перенести» ее центр на «свои» территории. Хотя западные авторы, как американец Эллсворт Хантингтон (Ellsworth Huntington)[292], согласились расширить пределы *Центральной Азии* (*Central Asia*), включив в нее все пространство Персии, Афганистана, Белуджистана, северной Индии, Тибета, Китая и азиатской части России (в соответствии с построениями Вивьена де Сен-Мартена [Vivien de Saint-Martin]), центром Азии продолжали считать *Центральную Азию* Рихтгофена или, в соответствии с более поздней версией, *Высокую Азию* Фернана Гренара (Fernand Grenard) и Поля Пеллио (Paul Pelliot)[293] (ил. 12). Несмотря на незначительные различия в трактовках (центр без особых на то оснований помещали в Турфане, в бассейне Тарима или в бассейне Лоб-Нора[294], на Памире, на плато Гоби[295] или на расстоянии

292 Об этих теориях, которые смотрели на политику с точки зрения радикального климатического детерминизма, см.: Gottmann. 1952. P. 65–67.

293 Huntington. 1907. P. 7; Grenard. 1929. P. 234–379; Pelliot. [после 1924]. P. 1.

294 Huntington. 1907. P. 7, 91.

295 Как писал Реклю, центр *Центральной Азии* находится «на плато Гоби», в то время как «центр тяжести всего континента» лежит «на юго-западном углу трапеции [...] в гористом узле, где сходятся цепи Гималаев и Каракорума»: Reclus. 1881. P. 3–4.

«тысячи миль» от Орумчи[296]), «сердце Азии» обычно локализовали в пространстве, которое определялось как *terra incognita*, или располагалось где-то неподалеку. Речь шла о регионе, который в XIX — начале XX в. лежал в стороне от европейских колоний и потому был относительно свободен и открыт для всех (прежде всего, как потенциальное направление для экспансии). В этом смысле *Высокую Азию* можно сравнить с «открытым морем», т. е. с одной из пяти зон водораздела, которые фигурируют в международном праве: в отличие от внутренних, территориальных вод, прилежащей экономической зоны и исключительной экономической зоны, открытое море никому не принадлежит[297].

Вопреки западной традиции, русские авторы стали систематически помещать *центр Азии* в собственные азиатские владения, которые в то время именовали не иначе, как *Средней Азией*.

Описание русского павильона на Всемирной выставке 1900 г. в Париже, созданное Петром Семеновым [Тян-Шанским] и Владимиром Масальским[298], подчеркивает, что «*центральную часть континента Евразия* занимает земля, известная как *Туран* или *Туркестан*», — она протянулась от реки Урал и Каспийского моря до Алтая и Китая, от Персии и Афганистана до Тобольской и Томской губерний в Сибири. Северная часть этого ареала — *Степная киргизская окраина* — с северо-запада примыкает к степям европейской части России, а на северо-востоке — к сибирским степям. Его южную часть составляет «Туркестан в узком смысле слова», т. е. Туркестанское генерал-губернаторство и два ханства: Бухарское и Хивинское[299]. На карте, приведенной в конце книги, этот регион был назван *среднеазиатской* или *туркестанской периферией*[300] — подобное именование подчеркивало иерархические отношения между центром-метрополией (Санкт-Петербургом) и периферией-колонией (Туркестаном), которая одновременно была представлена как центральная часть азиатского континента.

С этой точки зрения очень показательно название книги генерала Василия Зайцева «Памирская страна — центр Туркестана»[301].

Метрополия и периферия, объединенные в неразделимую связку *Срединного мира* и *Средней Азии*, вступают в символическую игру терминов, подчеркивающих их «центральное» положение. Потому не удивительно, что основная характеристика *Срединного мира*, его *уникальность*, тоже была спроецирована на русский Туркестан. Первый генерал-губернатор Константин фон Кауфман не только подчеркивал экзотичность Туркестана, но и считал, что эта территория уникальна в географическом, культурном и религиозном планах. Вот почему ей следовало предоставить особый статус и специальное финансирование[302]. В рамках теорий Гумбольдта, которые опирались на связку *Туран — низменности*, соотношение между *Срединным миром* и *Средней Азией* было вовсе не очевидно. Русские мыслители, писавшие в эпоху завоевания этого региона, считали название *Туран* неудачным, поскольку оно никак не указывало на легитимность преображения *независимой Тартарии* в *русский Туркестан*. Напротив, понятие *центра*, применимое и к покорителям, и к покоренным, позволяло самым простым и «естественным» образом обосновать необходимость завоевания (и особенно последовавшего за ним притока в Туркестан русского населения). Возможно, это было лишь совпадением, однако одно из первых подробных определений *Средней Азии* на русском языке было предложено в 1847 г. Бичуриным в его книге *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии*, выпущенном по заказу Российской академии наук в начале завоевания Туркестана[303].

296 По мысли Оуэна Латтимора, новый центр мира возникнет в Синьцзяне на пересечении лингвистических (между монгольским, китайским, тибетским, индийским, афганским, тюркским и русским языками), религиозных и политических (между независимыми государствами, странами-сателлитами и колониями) границ, в пространстве, где сходятся модернизация и традиция: Lattimore. 1950. P. 3–4.

297 Guichonnet, Raffestin. 1974. P. 39–40.

298 Часть, посвященная Сибири, была написана П. П. Семеновым, а по Туркестану (со с. 130) — В. И. Масальским: Семенов. 1900.

299 Семенов. 1900. С. 130.

300 См. «Карту окраин Российской империи: Сибирь, Туркестан, Кавказ и Полярная часть Европейской России» в конце книги: Семенов. 1900.

301 Зайцев. 1903.

302 Brower. 2003. P. 2, 22–23.

303 Бичурин. 1950–1953. Т. I. 1950. С. XXVI.

Если искать в русской истории самый близкий пример того, как периферии империи стали приписывать статус центра для того, чтобы облегчить покорение приграничных территорий, стоит взглянуть на завоевание Кавказа. Русский наместник князь Барятинский полагал, что этот регион должен получить статус регионального центра — это обеспечило бы России определенный политический престиж, укрепило бы ее религиозное единство, способствовало бы росту торговли и, что важнее всего, помогло бы продолжить продвижение на юг — в направлении Турции, Персии, Индии, дабы там воспрепятствовать экспансионистским планам Англии[304].

Как это часто случалось в истории, в эпоху завоевания *Средней Азии* выбор географических терминов был призван облегчить решение конкретных задач — в данном случае колониальную аннексию; те же символические соображения позже привели к тому, что в политический и географический словарь был введен неологизм *Желтороссия*. Он был выдуман между 1901 и 1905 гг., когда Россия потерпела поражение в войне с Японией, сибирским писателем и этнографом И. С. Левитовым[305]. По его убеждению, сама формула царского титула предполагает, что существует много России, которые находятся под владычеством дома Романовых. Потому наряду с Белой Русью и Малороссией может существовать и Желтороссия, простирающаяся по ту сторону от Байкала. Тем не менее противоречия, заложенные в этот термин (искусственность множественной идентичности Российской империи и страх перед «желтой» угрозой[306]), помешали ему закрепиться в словаре того времени.

Чтобы продемонстрировать особое значение Туркестана, в ход пускали не только географические и лингвистические, но и исторические аргументы. Большинство русских авторов того времени опиралось на расхожие арийские теории и утверждало, что именно на территории Туркестана располагалась «арийская колыбель» человечества. Поскольку этот вопрос имел непосредственное значение для конструирования национального дискурса, они отвергали гипотезы, помещавшие столь значимые для них истоки «индоевропейской расы» в Восточную Европу, Литву или Индию, и отдавали предпочтение теории о том, что она зародилась либо на северо-востоке Туркестана (между массивами Алатау и Балхаш), либо в верхнем течении Окса. Многие западные (прежде всего, немецкие) ученые солидаризировались с этим мнением (некоторые из них расширяли границы прародины до Кашмира[307]), поскольку в то время считалось доказанным, что, если не считать литовского и санскрита, все языки, которые ближе всего связаны с протоарийским, локализованы в *Средней Азии*.

Жирар де Риаль (Girard de Rialle) писал:

> «В соответствии с самой убедительной теорией, Ария находилась в Бактриане и Согдиане, в долинах Высокого Окса, на западных склонах Памира [...] именно этот регион, вероятнее всего, стал колыбелью арийской расы, ареной ее первых деяний, и именно там исследования в будущем обнаружат антропологические свидетельства зарождения расы, которой было суждено совершить все важнейшие прорывы в истории человечества»[308].

Подобные суждения были благосклонно встречены в России. Русские интеллектуалы приписывали своим туркестанским колониям (в первую очередь Памиру) престижный — и окруженный ореолом сакральности — статус прародины человечества и подчеркивали центральное положение Туркестана как территории, где началась история арийцев. При этом особое символическое значение было закреплено за Памиром: православный философ и зачинатель русского космизма Николай Федоров считал этот регион одним из главных — наряду с Константинополем[309] — центров цивилизации. В конце концов эпитет «Памирский» был даже введен в официальную титулатуру царя.

304 Gillard. 1977. P. 103.

305 Левитов. 1905 (цит. по: Laruelle. 2002a. P. 337, 389–340).

306 Страх перед «желтой угрозой», который появился у анархиста Михаила Бакунина и капитана Головина в 1880-х гг., превратился во всеобщий психоз после 1895 г.: Schimmelpenninck van der Oye. 2001. P. 93–94; Laruelle. 2002a. P. 338. Отзвуки этого страха заметны даже в русской поэзии, в первую очередь у Николая Гумилева и Николая Клюева.

307 Benes. 2004. P. 121.

308 Girard de Rialle. [1881]. P. 7, 103.

309 Hauner. 1992 [1990]. P. 53–54.

Перенося топоним *Средняя / Центральная Азия* на *русский Туркестан* и поместив *сердце Азии* на свою территорию, русские авторы в двух ключевых моментах порвали с идеями Рихтгофена и придали его концепту *Центральной Азии* принципиально иное, позитивное, значение. Они не считались с первоначальным смыслом предложенной им триады «центр — переходная зона — периферия». На взгляд Рихтгофена, пейзажи внутренней и переходной зон были пригодны лишь для кочевников и скотоводов, а устойчивая цивилизация, способствующая моральному и интеллектуальному развитию человека, могла возникнуть только на периферии, где жили земледельцы[310].

Русские мыслители не обращали на такие нюансы внимания: попав под сильное влияние немецких и итальянских политико-географических теорий, они были буквально заворожены концептом центральности и рассматривали континентальное положение своей империи и союз с азиатскими странами как инструмент, позволяющий обеспечить себе доминирование над Европой. При этом представление о том, что *Средней / Центральной Азией* следует называть в первую очередь территории Тибета и Монголии, не находило в России отклика[311].

310 См. краткое изложение этой теории: Мушкетов. 1886. С. 5–6.

311 См., напр., суждения русского географа немецкого происхождения Вильгельма Зиверса: Sidikov. 2003. P. 50.

ГЛАВА 4

Туран: название желанное или презренное?

Двойственная трактовка *Турана*

После того как мы описали эпистемологическую систему, предполагавшую, что, дабы установить господство над Азией, следовало получить контроль над ее центром, нам предстоит понять, почему в эпоху, когда Россия стала расширять свое присутствие в *Средней Азии*, русские политики и интеллектуалы первоначально были не склонны использовать слово *Туран*. Поскольку, как было показано выше, на рубеже XIX–XX вв. господствовал стиль мышления, нацеленный на то, чтобы наделить смыслом все мироздание и всю совокупность явлений, ни одно географическое обозначение не могло быть нейтральным. Потому решение применять или, наоборот, отвергнуть термин *Туран* принималось в условиях, когда имплицитное семантическое наполнение конкретного топонима всегда имело практическое значение (для интерпретаций, которые предлагали географы, или для построений философов и политиков).

В представлениях, восходящих к иранскому эпосу, *Туран* предстает как антитеза *Ирана*. Феридун, легендарный царь из персидской поэмы *Шахнаме*, разделил свое царство, состоявшее из более или менее однородных древнеиранских народов, между тремя сыновьями. Однако впоследствии, в соответствии с некоторыми научными и политическими трактовками, страна, которая была подарена Туру, стала представляться как населенная тюрко-татарскими народами — северными врагами иранцев, возглавляемых «арийским» героем Ираджем (напомню, что, согласно иным интерпретациям, Тур, сын «арийского» царя Феридуна, властвовал над «арийскими» жителями Турана, что не мешало последним враждовать с «арийским» же Ираном).

Со временем связка *Иран — Туран* стала эквивалентом оппозиции «цивилизация — варварство». Первый полюс воплощала иранская цивилизация, которая затмевала все остальные историко-культурные феномены, возникшие в *Средней Азии*, и считалась «лучшей» из всех. По словам Юлиуса Клапрота:

> «Начиная с VII в. до н. э. на этой территории доминировала Персидская империя, и именно ее история будет интересовать нас в дальнейшем. Мы не знаем, что в те отдаленные времена происходило в Индии. Тибетцы оставались свирепыми и независимыми варварами, у которых не было единой власти. Они жили в своих недоступных горах и еще не объединились в единую нацию. Кочевники-тюрки, монголы и тунгусы, а также их западные соседи, германские и гуннские народы, представляли собою орды, не признававшие никакого господства и беспорядочно блуждавшие по огромным незаселенным пространствам»[312].

В ту эпоху *Туран* ассоциировался с «варварами», в то время как Персия — например, у философа и грамматика Иоганна Кристофа Аделунга (Johann Christoph Adelung) в 1806 г. — стала рассматриваться как «цивилизованная» страна, родственная германским народам.

Впоследствии оппозиция *Ирана* и *Турана* превратилась в воплощение извечного противостояния между Добром и Злом. Большинство читателей XIX в. воспринимало эти термины как полярные — так, востоковед князь Эспер Ухтомский, описывая кочевые и оседлые народы, населяющие земли, лежащие за Каспийским морем, писал о «варварском и неизменно агрессивном Туране и просвещенном Иране, который вечно вынужден обороняться»[313].

Несмотря на то, что в символическом плане граница, пролегавшая между *Ираном* и *Тураном*, была прочерчена предельно четко, с этнической, культурной и даже географической точек зрения их было отделить намного сложнее. Выходя за

312 Klaproth. 1824–1826a. V. I. 1826a. P. 1–2.
313 Ухтомский. 1891. С. 63.

пределы дихотомии кочевых и оседлых народов, ученые того времени скорее использовали этническую и лингвистическую оппозицию *арийцев*[314] и *туранцев* и противопоставляли эти две «расы», к которым они приписывали различные народы, населявшие *Центральную Азию*.

На менее абстрактном уровне — где, тем не менее, действовали те же предпосылки — туранцы, воспринимавшиеся как потомки тюрок, татар и тибетцев, ассоциировались с Османской империей, к которой европейцы относились без всякой симпатии из-за того, что турки исповедовали ислам, воспринимавшийся как враг христианства[315]. Название *Туран*, неразрывно связанное с дихотомией Восток — Запад (переходная зона между ними постоянно сдвигалась: от Германии к христианским пределам Эфиопии[316]), всегда вызывало восточные — а значит, в европоцентристской оптике однозначно негативные — ассоциации.

Идентификация русских с туранцами

Всплески русофобии, которые происходили в Европе в 1815, 1831 и 1863 гг., не всегда были связаны с реальной угрозой со стороны России. Однако именно под их влиянием негативная трактовка *Турана* превратилась в опору для конструирования мифа о *туранской России*[317].

Эта теория опиралась на беспорядочный набор псевдонаучных фактов. Она апеллировала к сведениям древних авторов (Геродота, Страбона, Плиния, Тацита), которые позволяли продемонстрировать прямое родство между славянами и кочевниками-сарматами (победителями скифов, бродившими по обе стороны от Имауса), либо между славянами и скифами. На эту мифическую преемственность наслаивались различные теории, описывавшие переселение народов, — в них фигурировали то германские народы, воплощавшие «арийский гений» и вытеснившие по пути более древние славяно-кельтские племена, погрязшие в апатичном бессилии, то варвары-славяне, которые в VI в. вторглись в Центральную Европу из Азии.

В комментариях к опубликованной в 1769 г. карте д'Анвиля (d'Anville) «The Russian Empire in Europe» (Российская империя в Европе) можно прочесть, что «вся земля сарматов и татар — это часть древней Скифии»[318]. Аббат Жан Сильван Байи (Jean Sylvain Bailly) утверждал, что Скифия и Тартария слились воедино: в ответе Вольтеру он в 1779 г. указывал, что атланты, происходившие из обширной Тартарии, постепенно спустились от Шпицбергена к бассейну Оби — Енисея, а затем оттуда под именем скифов:

> «расселились по всему Старому свету, заложив основу китайской, индийской, персидской, египетской и греческой культур и введя первые солярные культы, которые характерны для нордической и гиперборейской религий»[319].

Кроме того, подобные построения опирались на множество несообразностей в лингвистических классификациях. Славянские языки произвольно записывали в арийско-туранскую группу — их считали прямыми наследниками скифского языка (т. е. рассматривали как близких родственников тюркских языков, которые в конце XVIII в. относили к скифо-татарской ветви кавказской группы, как у В. Шульца [V. Schultz] и других немецких лингвистов 1820-х гг.), либо, в соответствии с *Grammaire comparée* (Сравнительная грамматика) Франца Боппа (Franz Bopp) (1833), приписывали к индоевропейской группе[320].

Наконец, не стоит забывать об искусственных построениях, которые делались на основе краниологических спекуляций в духе Андерса

314 Как писала Тушка Бенеш (Tuška Beneš) (Benes. 2004. P. 129), термин *арийский* заменил *индогерманский* у Христиана Лассена (Christian Lassen). Последний заимствовал его из французского перевода «Авесты» Анкетиль-Дюперрона (Anquetil-Duperron) и предложил использовать как общее обозначение всех языков, произошедших от санскрита.

315 Crouzet. 1982. P. 122–124; Malia. 2003 [1999]. P. 60–61.

316 Lewis, Wigen. 1997. P. 49, 50 (карта), 225–226.

317 См. книгу Анри Мартена (Henri Martin) *La Russie et l'Europe* (Россия и Европа) (1866) и сочинение Францишека Г. Духинского (Franciszek H. Ducinski) *Peuples aryās et touraniens agriculteurs et nomades, dans la nécessité de réformes dans l'exposition des peuples aryās-européens et touraniens particulièrement des Slaves et des Moscovites* (Арийские и туранские народы-земледельцы и кочевники...).

318 Anville. 1769 (цит. по: Cecere. 2003. P. 18).

319 Bailly. 1779. P. 456 (цит. по: Laruelle. 2002a. P. 201).

320 Sériot. 2005.

А. Ретциуса (Anders A. Retzius), профессора анатомии из Медицинского института в Стокгольме. По его утверждению, русские — брахицефалы «с татарскими лицами» и с азиатской психологией — сформировались в результате двойного смешения тюрок (гуннов, хазар, венгров, монголов и турок), в разные эпохи мигрировавших со всех концов континента, с финнами. В этой системе русские оказывались «в самом низу иерархии человеческих рас», недалеко от «желтой расы» и порой даже на одном уровне с «неграми» — это аргументировалось тем, что слово «славянин» этимологически восходит к слову раб (*esclave*) (Карл Хаген [Karl Hagen], 1843; Карл Густав Карус [Carl Gustav Carus], 1849; Густав Дитцель [Gustav Dietzel], 1853 и т. д.)[321].

В лучшем случае некоторые западные авторы были готовы признать за Россией тонкий налет европейскости; она не воспринималась как западная страна — в этом европейский взгляд смыкался с тезисами славянофилов.

В ходе полемики, в которой и русофобские, и славянофильские теории апеллировали к арийскому прошлому, многие западные авторы приписывали славян к «низшему» туранскому миру и противопоставляли их арийскому, или германскому, миру, как его понимали в Германии, либо — в соответствии с французской традицией, где были сильны полонофильские и украинофильские чувства, — «туранизировали» не всех славян, а только русских[322].

Те русские интеллектуалы проевропейского направления, которые полагали, что в XVII–XVIII вв. Российская империя, наряду со Швецией, вошла в так называемый нордический мир, видели в этих теориях однозначное указание на то, что Россия не принадлежит к кругу европейских наций и должна быть оттеснена на далекую кочевую периферию. Поскольку она никогда полностью не европеизируется, она не может стать частью Европы, и ее неискоренимое варварство делает непреодолимой ее отсталость. Для «русских европейцев» были особенно унизительны те замечания о двойственной идентичности России, которые подчеркивали скрытую азиатскость их родины и подразумевали, что арийцы тоже бывают «истинные» и «ложные»[323].

Изобретение *Турана* как прародины неарийских народов

Бок о бок с традиционным представлением о Туране со временем появился и «современный» взгляд на этот регион. Стремясь выстроить классификацию народов Азии, европейские ученые 1840–1860-х гг. (среди них — немецкие философы Юлиус Банзен [Julius Bansen] и Фридрих Макс Мюллер [Friedrich Max Müller]) выделили отдельную этнолингвистическую группу, «туранцев» — в нее входили в первую очередь финно-угры и тюрко-монголы, говорившие на агглютинативных языках, отличавшихся от арийских языков и семитских флективных языков. В реальности же в число «туранских языков» были зачислены различные языки Азии, которые тогда еще были плохо известны и с трудом поддавались анализу.

К 1880-м гг. лингвистический концепт *Турана* приобрел однозначно политическое прочтение в трудах венгерского востоковеда Арминия Вамбери (Arminius Vámbéry). В 1868 г. он противопоставил две группы, населяющие *Среднюю Азию*: «туранскую расу», представленную узбеками, и «иранскую расу», к которой принадлежали таджики[324]. Под его пером *Туран*, на который в то время было принято смотреть свысока, превратился в загадочную и благословенную землю, чуть ли не в прародину венгерского народа.

Правда, подобная теория возникла гораздо раньше: Клод Шарль де Пейсоннель (Claude Charles de Peyssonnel) уже в 1765 г. писал о том, что венгерский язык несомненным образом родственен языку татар — по его убеждению, венгры в IX в. вышли из Туркестана и теперь населяют «Дакию и Паннонию под именем турок»; помимо этого, их называют узами и мадьярами[325].

С тех пор по аналогии с европейскими исследованиями, которые были призваны отыскать прародину ариев, начались и поиски общего языкового и культурного ядра индоевро-

321 Laruelle. 2004. P. 248–252.
322 Ibid. P. 244–246.
323 Dalamarre.1869. P. 4 (цит. по: Laruelle. 2004. P. 263).
324 Vámbéry. 1868 (цит. по: Sidikov. 2003. P. 55).
325 Peyssonnel. 1765. P. XXXIX, 8, 124, 128.

пейских народов, финнов, корейцев, японцев и тюрок. А такое стремление обрести престижных предков вело в *Туран* — территорию со все более смутными лингвистическими и географическими границами[326]. В результате Россия оказалась окружена по имперским окраинам и раздроблена изнутри так называемыми «туранскими» народами, которые претендовали на то, что являются автохтонами и продолжают жить на землях, где некогда располагалась их прародина; подобные представления ставили под сомнение государственное единство России. По словам Василия Флоринского, основателя Томского университета, создавалось впечатление, что у России не осталось «ни одного клочка земли», который можно было бы «назвать [ее] колыбелью»[327].

Этот сложный, смутный и изменчивый дискурс подхватили далеко не все европейские ученые, однако он ясно указывает на русофобскую природу туранизма. Как пишет историк и политолог Марлен Ларюэль, подобный подход позволял как исключить Россию из *Турана* (к которому принадлежали финно-угорский и тюрко-монгольский миры), а значит, подвергнуть сомнению ее географическое, историческое и национальное единство, так и включить Россию в *Туран*, тем самым продемонстрировав ее не-европейскость, а следовательно, не-арийскость[328]. Эта двойная опасность, которая была отягощена поражением в Крымской войне 1853–1856 гг. и унизительным Берлинским договором 1878 г., на мой взгляд, объясняет подозрения, которые у некоторых русских мыслителей (в основном философов и политиков) вызывала связка *Туран — низины*, предложенная Гумбольдтом, помещавшим *Центральную Азию* к востоку от этого региона[329].

Заимствование западных дискурсов в России

В ответ на этот негативный дискурс русские интеллектуалы второй половины XIX в. вслед за некоторыми немецкими авторами стали придавать термину *Туран* позитивные ассоциации. Как показала Марлен Ларюэль[330], здесь сработал механизм, который нередко встречается в русской истории: когда западный дискурс о русских ими зеркально «переворачивается» и частично апроприируется.

«Поворот к Азии», за который ратовали славянофилы, привел к тому, что в России тоже заговорили об арийцах и туранцах (например, в 1845 г. эту тему поднял философ-славянофил Алексей Хомяков). Константин Леонтьев первым прямо сформулировал тюркофильскую позицию, которая у него была основана на византинизме (по его убеждению, для русского и турецкого народов характерна общая картина мира), и начал воспевать *славяно-туранскую* цивилизацию[331]. Как писал философ Георгий Федотов, «овладевая степью, Русь начинает ее любить; она находит здесь новую родину. Волга, татарская река, становится ее “матушкой”, “кормилицей”»[332]. В политическом плане новые ориентиры стали заметны после поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. В 1856 г. князь Александр Горчаков, который как раз в том году был назначен на пост министра иностранных дел, в первом же меморандуме предложил развернуться от Европы к Азии, чтобы там обойти британцев[333]. Новый подход был благосклонно встречен царем — в 1858 г. Александр II писал князю Александру Барятинскому: «Я предвижу, что именно там [в Азии] будет определяться будущее»[334].

«Русский туранизм» обрел ясные очертания лишь в 1870–1890-х гг., когда такие интеллектуа-

326 Телеки (Teleki), соотечественник Вамбери, предложил именовать *Тураном* территорию, лежащую между Каспийским морем, иранским плато, горами, где находятся истоки Сырдарьи и Иртыша, и Акмолинским плато. Его работа не получила продолжения, и позже Минорский счел подобную трактовку *Турана* «абсолютно бессмысленной», поскольку она полностью совпадает с *Туркестаном*: Minorskij. 1934. P. 927.

327 Флоринский. 1894. T. I. C. IV (цит. по: Laruelle. 2002a. P. 210).

328 Laruelle. 2002a. P. 212; Laruelle. 2004. P. 244.

329 В статье «Азия» из *Энциклопедического словаря* Брокгауза и Ефрона туранские народы просто не фигурируют: Азия. 1890. С. 221.

330 Laruelle. 2002a. P. 195–250, 323–325. Этот сюжет воспроизведен в: Laruelle. 2004. См. также: Bassin. 1994. P. 113–114.

331 Леонтьев. 1996а. С. 355–356, 372; Леонтьев, 1996б. С. 430. О той же позиции в противоположном политическом лагере см.: Герцен. 1958. С. 39, 44, 57. См. также: Lewis, Wigen. 1997. P. 44; Bassin. 1999. P. 67.

332 Федотов. 1989. С. 214. О Волге в русской поэзии XIX в. см.: Лавренова. 1998. С. 37.

333 Hauner. 1992 [1990]. P. 44.

334 Bassin. 1999. P. 133.

лы, как Данилевский, Ламанский и Достоевский, взялись за переосмысление *Турана*. Обратившись к библейскому мифу о Туре, потомке Иафета, и отказавшись от расовой теории, делившей расы на высшие и низшие, в пользу библейского представления о единстве человеческого рода, они сформулировали ответ, который переформатировал западный дискурс в интересах России. В русской версии арийского мифа, целиком развернутой на Восток, Россия представала как прямая наследница первых индо-персидских арийцев, а также сарматов и скифов, которые тоже были провозглашены арийцами.

Подобный взгляд отстаивал русский востоковед Василий Григорьев: поставив туранский вопрос на повестку дня третьего Конгресса ориенталистов (1876), он упрекнул западных ученых в том, что они придают термину *Туран* этническое значение, в то время как у древних персов он использовался в строго географическом смысле и охватывал пространство, лежащее к северу от Амударьи. Эта территория, где обитали не только тюрки, была некогда населена предками славян, германцев и литовцев, которые затем переселились из *Центральной Азии* в Европу[335].

Подобная мысль звучала уже у Клапрота — он утверждал, что «центр этой части света в далекие времена был заселен предками всех индоевропейских народов», к которым он относил «парфян, бактрийцев, согдийцев, хорезмийцев, гетов и массагетов, аорсов, роксоланов, язигов и многих других». Эти народы, принадлежавшие к «светловолосой расе», по утверждению Клапрота, «говорили на языках, корни которых сохранились в санскрите, персидском, различных германских, славянских и прочих наречиях, принадлежащих к одной семье». «По неизвестной для нас причине» они затем были рассеяны «на юг, на запад и даже на восток и север» — одни вдоль Сырдарьи переселились в Гималаи, другие — через Персию, по Волге и Дону добрались до Европы[336].

Несмотря на то, что истоки «арийскости» русских лежали в Азии, она принесла плоды лишь на севере, где смог расцвести их национальный «гений».

По мнению некоторых русских интеллектуалов, русские тоже принадлежат к «туранцам» — как и те народы Азии, с которыми они столкнулись в ходе продвижения на юг и с которыми стали смешиваться, их русифицируя и христианизируя, т. е., как подразумевалось, арианизируя. В этом контексте национальная пестрота *Срединного мира*, в котором арийцы, прежде всего славяне, соседствовали с туранцами (от венгров до казахов), стала восприниматься как немалое достоинство, и ее начали противопоставлять единообразию «романо-германской» Европы. Подобная теория представляла собой зеркальное отражение европейских представлений о том, что Европа по своим природным данным фантастически богата, в то время как остальной мир беден и однообразен[337].

Неожиданным образом эти построения отчасти пересекались с идеями некоторых немецких мыслителей. Так, историк и географ Вильгельм Томашек (Wilhelm Tomaschek) писал, что до V в. н.э. в *Средней Азии* шла борьба между саками и массагетами, которых он считал арийцами и автохтонами этого региона, и туранцами тюркского или тибетского происхождения[338]. Другой специалист, иранист и индолог Вильгельм Гейгер (Wilhelm Geiger), предположил, что *Тураном* в глубокой древности стали называть все степные народы, кочевавшие между Каспийским морем и Сырдарьей, а также за ней, — все они принадлежали к татарской группе или просто назывались татарами; они происходили от племен, которые в «Авесте» зовутся «тура», и тоже были арийцами[339].

Автохтонистский концепт *Турана* и его преимущества

Тезис о том, что русские являются автохтонами *Турана*, который опирался скорее на географические и исторические, чем на лингвистические

335 Григорьев. 1879–1880. С. XXXIX, LV; Григорьев. 1874; Григорьев. 1871. С. 199 (цит. по: Laruelle. 2002a. P. 288–289).

336 Klaproth. 1924–1926. V. I. 1926a. P. 161–162.

337 Lewis, Wigen. 1997. P. 44–45. См. обзор взглядов постсоветских историков и археологов о «туринизме»: Кляшторный. 2003. С. 9–14.

338 Tomaschek. 1877. P. 60–70 (цит. по: Sidikov. 2003. P. 56). См. более подробный обзор: Sidikov. 2003. P. 55–58. На взгляд Страленберга, массагеты — это предки современных калмыков: Strahlenberg. 1757 [1730]. V. II. P. 173.

339 Geiger. 1882. P. 194, 209 (цит. по: Sidikov. 2003. P. 56).

аргументы, больше не ставил под сомнение их принадлежность к арийцам. Быть *туранцем* значило принадлежать к арийцам, смешанным с другими народами; глубинная идентичность (арийскость) русских призывала их вновь вернуться в *Центральную Азию* и в Сибирь, где якобы находилась их прародина. В 1895 г. генерал-губернатор Туркестана барон Александр Вревский на открытии Туркестанского кружка любителей археологии заявил:

> «В настоящее время судьба привела нас, арийцев, в те места, откуда когда-то вышли наши предки, а потому на нас лежит священная обязанность собрать и сохранить исторические памятники тех мест, где некогда процветала арийская культура, которую ныне мы призваны восстановить»[340].

В этом контексте проще понять, почему в годы своего изгнания в Туркестан князь Николай Константинович Романов, уподобляя себя хорезмийским ханам, проводил параллели между развернутыми тогда ирригационными проектами и былым процветанием Хорезма. Он считал своим долгом возвратить жизнь этим пустынным пространствам, ориентируясь на пример Петра Великого, некогда совершившего аналогичный подвиг, и на Александра Македонского, который пользовался репутацией великого «градостроителя» за то, что в ходе покорения Азии основал там множество городов-колоний[341].

Туранизм превратился в один из элементов русской колониальной идеологии, и завоевание *Центральной Азии* стало рассматриваться как «возвращение на родину» русских-арийцев / туранцев. С того времени этот иранский термин, который был облагорожен арийскими теориями, приукрашен поздним романтизмом «восточников», провозглашавших *ex oriente lux*[342], и освоен художниками, поэтами и композиторами Серебряного века, рассматривавшими восточные мотивы как «типично русские», мог без проблем использоваться для обозначения Туркестана. Более того, он лишь подчеркивал единство *Срединного мира* и *Средней Азии* и помогал включить *Туран* в русское «жизненное пространство» (*Lebensraum*)[343]. Около 1900 г. у Петра Семенова-Тян-Шанского *Туркестан* и *Туран* превратились в полные синонимы *Средней Азии*[344].

На взгляд панслависта Ламанского, вхождение *Средней Азии* в состав Российской империи было обосновано исключительно политическими задачами и «цивилизаторской миссией» России. Помимо доводов географо-натуралистского или культурно-исторического толка, туранизм обращался к исторической аргументации и утверждал, что русские являются прямыми наследниками скифов и монголов.

Политическое целеполагание подобных теорий было очевидно: они подразумевали, что Российская империя имеет право расширить свои границы на юг и восток. Туранское наследие легитимировало не только возвращение на прародину, но и продвижение на восток, по маршруту, некогда проложенному предками.

В новом дискурсе заметен один важный нюанс, который был четко сформулирован в последнем из «Дневников писателя» Федора Достоевского, вышедшем спустя три дня после кончины автора[345]. Прославляя победу Михаила Скобелева при Геок-Тепе, он подчеркивал, что, завоевав мусульманскую Азию, Россия сможет заставить Европу себя уважать как азиатскую державу, поскольку «Азия ... это тоже наш больной корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо!».

Подобные идеи, отмеченные мощным ресентиментом[346], в русской интеллектуальной тра-

340 Вревский. 1896. С. 2.

341 Правилова. 2005.

342 Направление, к которому принадлежали Василий Васильев, Федор Мартенс, Сергей Южаков, Эспер Ухтомский и Сергей Витте (оно было одним из ответвлений славянофильства), ратовало за особые отношения с Китаем. Они требовались для того, чтобы построить империю, восточные границы которой, как некогда у державы Чингисхана, простирались бы по ту сторону Великой китайской стены, как мечтал Николай Трубецкой. По словам Ухтомского, пришла пора отвергнуть наследие Петра Великого и возвратиться к подлинно русскому духу, который, увы, оказался почти забыт в центре империи, но сохранился «за Алтаем и Памиром» (Ухтомский. 1900. Т. II. С. 2).

343 Термин *Lebensraum*, «жизненное пространство», или пространство, предназначенное для определенного вида, был создан в 1860 г. Оскаром Пешелем: Raffestin, Lopreno, Pasteur. 1995. P. 31–33; Lopreno. 1999–2000. P. 26–27.

344 Семенов. 1900. С. 5, 122.

345 Достоевский. 1881. Глава «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?».

346 Angenot. 1996; Bassin. 1999. P. 13.

диции уже звучали, как о том свидетельствуют публикации газеты *Голос* за 1865 г. Однако новизна подобного дискурса состояла в том, что, в соответствии с ним, русские могут в полной мере стать европейцами только в Азии. С этим были согласны интеллектуалы и политики всех направлений — это не может не удивлять, поскольку подобный дискурс был спроецирован не только на *Центральную Азию*, но и на Сибирь с Дальним Востоком.

По отношению к *Центральной Азии* этот тезис был вновь сформулирован в начале 1890-х гг. востоковедом, политиком и промышленником Эспером Ухтомским. Одобряя то, что русские теперь закрепились на Амударье, что позволяет им наконец всецело реализовать свою «арийскость», он писал, что:

> «В отношении Запада вообще русские во многом отстали, медлительнее развивают свои силы, не всегда стоят на высоте векового исторического призвания. Здесь, на Закаспийском востоке, ныне наблюдается обратное явление: гордые мечты соответствуют переживаемой действительности. Англичане, французы, немцы и т. д. удивляются нашей разумной и упорной энергии»[347].

Иностранная (прежде всего, французская) пресса приветствовала готовность России умиротворить и цивилизовать народы *Центральной Азии* (важно, что после ратификации русско-французского оборонительного союза 27 декабря 1893 г. Франция воспринималась весьма благосклонно в русской *Центральной Азии*). Так, Жирар де Риаль превозносил Россию за то, что она, некогда «отбросив варваров в их азиатские степи», теперь «взяла на себя миссию их ассимилировать или привить им западную культуру»[348].

Однако с теорией о том, что именно России было суждено принести «Цивилизацию» в *Центральную Азию*, были согласны не все. В то время как российские прозападные элиты воспевали собственную европейскость, европейский взгляд на «россиянина, который сумел освоить далеко не все уроки нашей европейской цивилизации»[349], оставался в целом критическим. По мнению венгерского востоковеда Арминия Вамбери (Arminius Vámbéry), русский абсолютизм, который скорее напоминает деспотию, чем демократию, тормозит распространение на Востоке подлинных европейских идей, основанных на демократических принципах[350]. Лорд Джордж Натаниэл Керзон (George Nathaniel Curzon) в 1889 г. писал:

> «Завоевание Центральной Азии — это покорение одного восточного народа другим — ему родственным. [...] Цивилизованная Европа не поднимала знамен, чтобы сокрушить варварскую Азию. Это вовсе не крестовый поход XIX в. для утверждения [западных] манер и нравов. Просто варварская Азия, побывав в цивилизованной Европе, возвращается к своим истокам, чтобы затребовать земли, принадлежавшие ее предкам. [...] Система, которая в Европе выглядит отсталой, для Центральной Азии прогрессивна; стагнация тут — это колоссальный прогресс там [...]»[351]

Со стороны «Востока» тюрко-татарская делегация, приехавшая в 1916 г. из России на Конференцию народов в Лозанну, также выступила против представления о русских как европейцах, напомнив о византийских (т. е. внеположных европейской цивилизации) корнях русской религиозной традиции[352].

Сами русские тоже порой выражали сомнения по поводу своей «цивилизаторской миссии» на Востоке. «Восточник» Ухтомский, выступавший за продолжение экспансии, вместе с тем разделял часто звучавшие сомнения по поводу возможного продвижения в сторону Индии, поскольку, по его мнению, русские не готовы властвовать над многочисленными народами, принадлежащими к различным цивилизациям:

> «Мы сами пока не настолько цивилизованы, чтобы объективно относиться к покоряемому востоку. Если идти южнее и южнее из Туркестана, русские не замедлят попасть в такой страшный хаос, что и предвидеть нельзя, как печально кончится наша политика на востоке»[353].

347 Ухтомский. 1891. С. 189.
348 Girard de Rialle. [1881]. P. 181–182.
349 Bérard. 1905. P. 55–56.
350 Vámbéry. 1865. P. 393–394.
351 Curzon. 1889. P. 392–393.
352 Campbell. 2002. P. 314–315.
353 Ухтомский. 1891. С. 6–7.

В этом многоголосии мнений постоянно чувствуется мощный ресентимент, который подпитывал туранизм русских интеллектуалов рубежа XIX–XX вв. и свидетельствовал об их неуверенности по поводу своей идентичности и места России в мире. Они идентифицировали себя с *Тураном* и были готовы принять представление о России-Азии с «раскосыми глазами», которую позже воспел Александр Блок[354]. Правда, этот образ скорее был предназначен для европейских философов. По выражению Адиба Халида (Adeeb Khalid), Россия стала ориентализироваться, чтобы встать вровень с Европой[355].

В России конца XIX в., где философские теории и религиозная мысль попали под влияние восточного мистицизма, а империалистические проекты были частично развернуты в сторону Азии, *Туран*, в глазах части русских интеллектуалов, был полностью реабилитирован (притом что другие интеллектуалы продолжали питать антивосточные чувства, которые подпитывались страхом перед «желтой угрозой»).

354 Русская литература тоже откликалась на призывы развернуть Россию на юго-восток. О России с центром на берегах Волги как об азиатской стране писали такие поэты, как В. Брюсов, Н. Гумилев, В. Хлебников, С. Есенин и др.: Лавренова. 1998. С. 28–30, 33, 57, карты 11а, 13а, 14а, 15а.

355 Khalid. 2000. P. 698–699. См. также: Kappeler. 1994 [1992]. P. 173; Bassin. 1999. P. 37, 41–57; Knight. 2000. P. 80.

ГЛАВА 5

Нестабильная пара: *Средняя Азия — Центральная Азия*

Терминологический хаос

Несмотря на то, что термин *Туран* обрел легитимность, вокруг пары *Средняя Азия — Центральная Азия*, которая возникла в 1843 г., сохранялось обширное поле неопределенности, и значение ее составляющих конкретизировалось лишь к концу XIX в. В научном словаре того времени эти термины долго оставались взаимозаменяемы: их использовали, не особо задумываясь об их геополитическом наполнении, придавали им новые значения в зависимости от политической конъюнктуры, а то и под влиянием давно укоренившихся стереотипов, а спорам вокруг них не было конца.

Русские географы, такие как П. П. Семенов-Тян-Шанский, В. П. Семенов-Тян-Шанский и В. И. Масальский, отдавали предпочтение привычной административной терминологии (Сибирское, Степное и Туркестанское генерал-губернаторства, Бухарский эмират и Хивинское ханство) и названиям, которые использовали арабо-персидские (Туркестан, Туран) или западные (Великая степь) географы. К общему обозначению *Средняя Азия* они прибегали лишь эпизодически[356], а его синоним *Центральная Азия*[357] первоначально и вовсе почти не использовался. Оба термина по своему охвату приблизительно соответствовали *Туркестану*.

В целом, *Центральная Азия* и *Средняя Азия* чаще всего выступали как синонимы.

В своем исследовании о *Книге глаголемой Большой чертеж*, которое вышло в 1878 г., А. И. Макшеев применял термин *Средняя Азия* лишь для обозначения Киргизских степей и русского Туркестана[358]. Подобное словоупотребление предвосхищало советский подход, в соответствии с которым *Средняя Азия* целиком располагалась «на своей территории» — в пределах имперских или позже советских границ.

Напротив, В. И. Масальский помещал *Среднюю Азию* в ту часть Азии, которую в течение 25 лет «подобно Колумбу» исследовал Марко Поло (в частности, он 17 лет прожил в Китае)[359]. Аналогично П. П. Семенов-Тян-Шанский называл Гоби *Великой среднеазиатской пустыней*[360], а генерал А. Е. Снесарев[361] как востоковед и географ в 1906 г. применил термин *Средняя Азия* для обозначения театра «Большой игры» с Англией: «наш Туркестан с Памирами [и, как подразумевалось, с Бухарой и Хивой], Афганистан и Белуджистан, Восточная Персия, Кашгария [Синьцзян] и, наконец, северная часть Индии или собственно Индия» [в других публикациях он добавил к этому списку также Тибет и Монголию][362].

В тот же период термин *Центральная Азия* появился и в переводе *Nouvelle géographie universelle* (Новая всеобщая география) Э. Реклю, сделанном Петром Шмидтом, приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. Там это обозначение относилось не только к пространству, лежавшему на востоке Российской

356 Напр.: Семенов. 1900. С. 5, 114, 122; Семенов-Тян-Шанский. 1915.

357 Масальский. 1913. С. 9.

358 Макшеев. 1878. С. 6.

359 Масальский. 1913. С. 291.

360 Семенов-Тян-Шанский. 1896. С. 571. См. также прямые параллели между *Средней Азией, Центральной Азией* и *Внутренней Азией*: Семенов-Тян-Шанский. 1896. С. 27, 29, 88; Семенов-Тян-Шанский. 1896в. С. 1095. Аналогичное наблюдение было сделано Б. А. Вальской (Вальская. 1971. С. 219) по поводу Якова Ханыкова.

361 См. его биографию: Снесарева. 1986. С. 117–122.

362 Снесарев. 1906. С. 1; Снесарев. 1908. См. также: Hauner. 1992 [1990]. P. 3–4, 72–73, 75.

империи, между Индией и Монголией, но и ко всем территориям, которые некогда входили в империи Чингисхана и Тамерлана (включая и сам Туран)[363]. Платон Чихачев, который в 1849 г. вернулся к идее (якобы восходившей к Петру Великому) завоевания территории, позже ставшей русским Туркестаном, называл ее северной полосой *Центральной Азии* или *Тураном* (эти термины для него были синонимичны)[364].

В ходе московской Географической выставки 1892 г. русские владения именовали строго в соответствии с их политическими или административными обозначениями (*русская Азия*, *русский Туркестан*, *Закаспийская провинция*, *Амударьинский отдел*), а термин *Средняя Азия* был применен лишь однажды — в заглавии лекции Алексея Иваницкого, посвященной «типам населения Средней Азии». При этом «соседние азиатские страны» называли *Центральной Азией* и *Восточной Азией*[365], а Ф. А. Фельдман после закрытия выставки передал Геологическому музею при Московском университете 50-томные *Материалы о Центральной Азии*, изданные Высшей ученой комиссией Главного штаба и посвященные описанию всех (принадлежащих или не принадлежащих России) регионов этого географического ареала[366].

На взгляд Ивана Мушкетова, автора предельно далекого как от политической конъюнктуры, так и от этнографической или этимологической проблематики[367], *Средняя Азия* выступала синонимом *Внутренней Азии*. Она охватывала *Центральную Азию*, как ее очерчивал Рихтгофен, а также *Туркестан* (как совокупность *русского* и *афганского Туркестана*)[368]. Подобная интерпретация, в которой *Средняя Азия* оказывалась шире, чем *Центральная Азия*, уникальна для того времени. Тем не менее взгляд Мушкетова на *Центральную Азию* «в духе Рихтгофена», а также Свена Хедина[369], одного из берлинских учеников Рихтгофена, *grosso modo* разделяли многие русские путешественники: Николай Пржевальский, Петр Певцов, Григорий Потанин, Григорий Грум-Гржимайло, Всеволод Роборовский и Петр Козлов, которые в последней четверти XIX — начале XX в. ехали «открывать» *Нагорную Азию*, т. е. в основном Монголию и северную часть Тибета[370]. Под влиянием Мушкетова востоковед Василий Бартольд в своей книге *История изучения Востока в Европе и в России* (1911) использовал для обозначения этого региона с глубокой древности по начало XIX в. лишь название *Средняя Азия*[371].

В 1880–1890-х гг. географ В. А. Обручев, вслед за своим учителем Мушкетовым, утверждал, что *Внутренняя Азия* — это то же самое, что *Средняя Азия*, и что она включает *Туран* (русский и афганский Туркестан) вместе с *Центральной Азией* Рихтгофена. Сохранив тот же смысл, который этому термину в 1895 г. придавал Рихтгофен, Обручев выделил в составе *Центральной Азии* пять регионов, которые резко отличаются друг от друга по географическим и геологическим характеристикам. При этом он ратовал за то, чтобы в *Центральную Азию* в смысле Рихтгофена также включили и *русский Туркестан*[372].

Подобные устойчивые расхождения свидетельствуют о том, что в то время в русском словоупотреблении различия между *Внутренней Азией, Нагорной Азией, Средней Азией* и *Центральной Азией* не играли особой роли. В русском мире (речь и об интеллектуальной, и о политической элите) их еще достаточно долго[373] применяли как почти полные синонимы.

363 Реклю. 1906–1909. Т. III (1907). С. 9, карта *Центральной Азии*; Реклю. 1906–1909. Т. IV (1907). С. 167. Кроме того, история *Центральной Азии* (Монголии, Памира, Маньчжурии, Тибета и китайского Туркестана) рассказывается в главе «Китай».

364 Чихачев. 1849. С. 25.

365 [Анучин]. 1894. С. 2, 4, 9–11, 45.

366 Ibid. С. 25–26.

367 В частности, Бартольд упрекал Мушкетова в применении строго географически-геологического подхода, который абсолютно не учитывал этимологию и этнографическое наполнение географических названий: Бартольд. 1965а [1934]. С. 519.

368 Мушкетов. 1886. С. 10–13.

369 Hedin. 1900; Hedin. 1903; Hedin. 1904–1907.

370 Семенов Тян-Шанский. 1896. С. 1120.

371 Бартольд. 1977а [1911]. С. 204. По словам Шпринцина, подобный взгляд, возможно, объяснялся тем, что Бартольду поручили подготовку второго издания «Туркестана» (1915) Мушкетова: Шпринцин. 1976. С. 285.

372 Обручев. 1895. См.: Обручев. 1951. С. 27–28, 252–253, 255.

373 См. напр., вышедшую в 1906 г. книгу Николая Богоявленского — бывшего консула России в Китае: Богоявленский. 1906. С. 2–3 и далее.

Однако П. П. Семенов-Тян-Шанский в своей *Истории полувековой деятельности Императорского русского географического общества* стал проводить различие между экспедициями, отправлявшимися в *Среднюю Азию*, т. е. не пересекавшими границ империи, и путешествиями в *Центральную Азию*, лежавшую за пределами российских владений[374]. Потому, побывав в русском Туркестане, он в своем докладе (1888) об этой поездке использовал лишь термин *Средняя Азия*[375].

То же разграничение появляется и в *Энциклопедическом словаре* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Статьи, посвященные *Центральной* и *Средней Азии*, были подписаны «В. М.» — за этими инициалами скрывался Владимир Масальский, который разделял воззрения Петра Семенова-Тян-Шанского. Как всегда, отталкиваясь от трудов Гумбольдта и Рихтгофена, Масальский в своей справке использовал оба термина, включая и ее название («*Центральная Азия* / *Средняя Азия*») и уточнял, что «в настоящее время все внутренние замкнутые бассейны Азиатского материка называются чаще всего *Внутренней Азией*, при сем восточной части этой огромной области, лежащей к Востоку от Памира, придают по-прежнему название *Центральной Азии*, а западной, занимающей Туркестан, часть Арало-Каспийской низменности и Ирана, — *Средней Азии*»[376]. Параллельно тот же *Энциклопедический словарь* выделял в Азии четыре подрегиона: Южную и Юго-Восточную Азию, Западную Азию, Возвышенную Восточную Азию и Северную Азию; при этом термины *Центральная Азия* и *Средняя Азия* не использовались, поскольку считались недостаточно конкретными[377].

Что касается русской колониальной администрации, созданной после завоевания, то она именовала *русский Туркестан* исключительно *Средней Азией*[378].

Политизированное прочтение Рихтгофена

В этом плотном тумане, где одни термины вызывали геологические и географические, а другие — исторические ассоциации, генерал Михаил Анненков, который руководил строительством Закаспийской железной дороги, перевел дискуссию на новые рельсы. Внимательно изучив сочинение Рихтгофена, он обнаружил прямое соответствие между *Центральной Азией* и пространством, где якобы никогда не существовало развитых цивилизаций, поскольку:

> «Эта земля почти всегда была ареной противостояния между кочевниками, которые ее населяли; если там порой и появлялись отдельные ростки цивилизации, они неизбежно тотчас вытаптывались»[379].

Он задается следующим вопросом: действительно ли русские колонии находятся в скудной *Центральной Азии* Рихтгофена — это важно, чтобы решить, «следует ли вообще колонизировать Центральную Азию?»[380]

Вопрос о рентабельности Туркестана был поставлен отнюдь не случайно: после его покорения в Санкт-Петербурге долго говорили, что среднеазиатские колонии приносят лишь дополнительные расходы. Однако довольно быстро стало ясно, что у Туркестана есть большой экономический потенциал: подражая европейским колониальным державам, Россия тоже решила поставить свои азиатские приобретения на службу собственной экономике, прежде всего наладив там производство хлопка[381].

Под влиянием сочинений Реклю Анненков предложил политически гибкую модель: в соответствии с русской традицией, он перенес на Туркестанское генерал-губернаторство все утверждения, которые в работах Рихтгофена относились к восточному Туркестану. В итоге, не упоминая о том, что объект анализа изменился

374 Семенов-Тян-Шанский. 1896. С. 27, 264–265, 483, 509, 549, 551, 1055, 1095.
375 Семенов-Тян-Шанский. 1888. С. 289–326.
376 Масальский. 1900; Масальский. 1903.
377 Азия. 1890. С. 217.
378 Гирс. 1884; Кауфман. 1885.
379 Annenkov. 1889. P. 245.
380 Ibid. P. 247.
381 Куропаткин. 1910. Т. III. С. 110–115; Kappeler. 1994 [1992]. P. 175–176; Правилова. 2009. С. 271–301.

(поскольку теперь речь шла о другой территории), он пришел к выводам, которые прямо противоречили тем, что были сделаны немецким географом.

Во-первых, наличие в этом регионе лёссовых почв было расценено как позитивный фактор, позволяющий «выращивать множество пищевых культур»[382]. Во-вторых, недостаток воды, без которой это невозможно, означал, что там требуется создать систему искусственной ирригации — следы на дне высохшего моря свидетельствуют о том, что в древности она там уже существовала[383].

В рамках подобной логики географический термин, которому в начале своей речи Анненков придавал столь большое значение, в изложении колониальных проектов больше не применялся (они были целиком выдержаны в духе тогдашней российской политики, которая в первую очередь делала ставку на русскую иммиграцию в *Центральную Азию*, что Анненков всецело поддерживал). Тот же дискурс, подчеркивавший достоинства новых владений, был применен и к русским колониям на Дальнем Востоке, где, как тогда утверждали, находились лучшие — с точки зрения климата, почв и минеральных ресурсов — земли в мире[384]. Кроме того, Анненков использовал термин *Центральная Азия* (*Asie centrale*) лишь в своих французских публикациях, а в работах, выходивших по-русски, говорил лишь о *Средней Азии*. Таким образом, если Рихтгофен оценивал регион, где было создано Туркестанское генерал-губернаторство, в высшей степени отрицательно, теперь восторжествовал позитивный взгляд, основанный на представлении о центральном положении этих земель.

Анализируя ранние этапы применения терминов *Средняя Азия* и *Центральная Азия*, можно сделать вывод о том, что, несмотря на внутреннее разнообразие, эта часть Азии со стороны представала как единое целое, над которым предстояло установить власть России. Часть его находилась внутри, а часть — вне российских границ, которые постоянно сдвигались, и те территории, что еще не принадлежали империи, были объектом колониальных претензий. Потому, в зависимости от геополитических устремлений *Срединного мира*, этот регион могли называть то *Внутренней Азией*, то *Средней Азией*, то *Центральной Азией* — это не имело большого значения. Что было действительно важно, так это разграничение между *своими землями* и *землями, которые еще предстояло завоевать*. Это видно по топографическому и статистическому описанию киргизских степей, выпущенному в 1865 г. Мейером. Он различал «Зауральскую Киргизскую степь Оренбургского ведомства», которая находится в русском владении, и «страны, известные под общим названием среднеазиатских государств»[385]. Такая терминологическая неопределенность позволяла легко корректировать направления русской колониальной экспансии.

От геологии к геополитике: семантические сдвиги в эпоху завоевания

Несмотря на терминологическую путаницу, которая, на первый взгляд, кажется необъяснимой, можно выявить факторы, от которых зависел выбор в пользу первого или второго терминов.

Очевидно, что их появление нельзя рассматривать как строго лингвистический феномен, связанный с богатством русского языка. Скорее его нужно вписать в историю русской экспансии в Азии, для которой эти термины служили идеологическим обоснованием.

В ходе своего продвижения к сердцу Азии элиты России создали множество теорий (отсутствие границ в «бескрайней степи», туранская природа России, «неизбежная» необходимость дойти на юге до «естественных» границ империи и т. д.[386]), которые были призваны легитимировать их политику и аннексию множества центрально-азиатских территорий. Каждый из этапов завоевания Центральной Азии сопровождался новым обоснованием и созданием в Туркестане новых административных структур.

382 Annenkov. 1889. P. 249; Faits géographiques. 1892.

383 Annenkov. 1889. P. 252.

384 Bassin. 1999. P. 261 (со ссылкой на *Биржевые новости* 1860-х гг.).

385 Мейер. 1865. Гл. «Географическое описание Киргизской степи». С. 10.

386 Более подробно о теориях, которые использовались для обоснования русской экспансии, см.: Gorshenina. 2012. P. 45–74, 166–174. Об этапах завоевания см.: Ibid. P. 37–45.

Они отстраивались без всякого предварительного плана, по ходу территориальной экспансии и при официально заявленном (в 1865 г.) невмешательстве со стороны министра иностранных дел Горчакова.

В соответствии с решением множества правительственных комиссий и в условиях постоянного напряжения между генерал-губернаторами Туркестанского края и главами примыкавших к нему генерал-губернаторств (Западносибирского и Оренбургского, которое потом было переименовано в Степное) в *Средней Азии* с 1865 г. стала создаваться русская административная иерархия.

Первоначально Туркестанская провинция была создана внутри Оренбургского генерал-губернаторства — это требовалось для того, чтобы собрать под одним руководством все территориальные приобретения, сделанные в степях с 1796 по 1864 г. (от оборонительной линии Сырдарьи до земель к югу от реки Чу).

Взятие Ташкента, состоявшееся в июне 1865 г. по личной инициативе генерала Михаила Черняева, подтолкнуло к решению превратить этот город и соседние земли в долине Сырдарьи (включая Ходжент и Чирчик) в самостоятельное ханство под косвенным русским контролем. Этот протекторат, статус которого оставался предельно неопределенным, просуществовал недолго. Специальная комиссия при министерствах иностранных и внутренних дел, а также при военном министерстве решила объединить южные регионы, завоеванные после 1847 г. (когда в устье Сырдарьи был основан форт Раим): Туркестанскую провинцию, выделенную из Оренбургского генерал-губернаторства и включавшую прежде всего казахские земли, лежавшие к югу от Сырдарьи, а также земли Семиречья, в которые входили части Семипалатинского округа, раньше относившиеся к Западносибирскому генерал-губернаторству. Эта структура, которая сохранила название *Туркестанской области*, была разделена на три военных округа и функционировала в соответствии с «Временным положением об управлении» (август 1865 г.), которое передавало почти все властные полномочия в руки военных. На этом фундаменте вскоре было основано новое Туркестанское генерал-губернаторство — оно было учреждено по императорскому указу от 11 апреля 1867 г. в соответствии с рекомендациями Степной комиссии (1865–1867) и специальной комиссии, отвечавшей за администрирование русских владений в *Средней Азии* (это решение было принято, несмотря на протесты оренбургского генерал-губернатора Николая Крыжановского, отстаивавшего идею, что в регионе должно быть всего одно генерал-губернаторство — его собственное[387]).

Туркестанское генерал-губернаторство, находившееся в прямом подчинении у Военного министерства, в 1867 г. было разделено на две области: Сырдарьинскую с центром в Ташкенте и Семиреченскую с центром в Верном (Алма-Ате). Его территория, изначально составлявшая около 15 270 квадратных миль[388], в 1868 г. выросла после присоединения Зеравшанской провинции, которая управлялась из Самарканда и состояла из бывших бухарских земель (исходно ее площадь составляла 200 квадратных миль, но в 1870 г. благодаря присоединению Памирских княжеств она выросла на 266 квадратных миль). Вскоре к ним добавились еще два региона: в 1873 г. — Амударьинский отдел площадью 1920 квадратных миль (раньше он входил в Хивинское ханство), а затем — Кокандское ханство (1770 квадратных миль), которое после окончательного завоевания в 1876 г. было преобразовано в Ферганскую область.

Параллельно Россия начала наступление в направлении Восточного Туркестана, где она добилась права на ведение торговли и открыла консульства в Кульдже, Урге и Чугучаке (Тарбагатае). В 1871 г. она воспользовалась восстанием, которое в 1866 г. было поднято Якуб-беком, чтобы вторгнуться в регион Кульджи (1224 квадратные мили). Хотя в период войны с Турцией (1877–1878) Россия отступила из Восточного Туркестана и в феврале 1881 г., по Санкт-Петербургскому договору, передала Кульджу Китаю, Синьцзян *de facto* стал русским протекторатом — реальная власть там перешла от китайских губернаторов к русским консулам, которые, в соответствии с тем же Санкт-Петербургским трактатом, обосновались в Кульдже, Чугучаке, Турфане, Кашгаре, а в 1896 г. и в Урумчи[389].

387 Гирс. 1884. С. 2; Becker. 1968. P. 20–29; Brill Olcott. 1995. P. 76–78.

388 Оценки в квадратных милях взяты из: Кауфман. 1885. С. 12. 1 миля = 1699,344 метра.

389 Богоявленский. 1906. С. 341–342; Масальский. 1913. С. 310–311.

Все эти приобретения были реализованы при Кауфмане. В отчете, который он составил в 1881 г., за год до смерти, было указано, что с 1867 г. территория его генерал-губернаторства выросла на 5380 квадратных миль, т. е. на 35 %[390].

После того, как генерал Михаил Скобелев в 1881 г. взял Геок-Тепе, а в 1885 г. была взята Кушка, под эгиду России перешла и туркменская периферия — последнее звено в административной конструкции этого региона.

— *Определение границ* Срединного мира

Несмотря на блистательные успехи русской завоевательной политики, строительство *Срединного мира*, который мог потенциально включить всю *Центральную Азию*, было приостановлено из-за давления, связанного с «Большой игрой». Как представители европейской державы или страны, претендующей на статус европейской, русские элиты не смогли уклониться от необходимости провести демаркацию границ с соседями. Их траектория и то, насколько к ним относились серьезно, зависели от геополитического веса каждой из стран-соперниц и варьировались от одного участка к другому.

Проведение границ с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством было представлено западной публике как внутреннее дело империи[391]. Бухара, где правил Музаффар ад-Дин-хан, а затем Амир Абд аль-Ахад, в 1868 г. стала протекторатом России; Хива, где престол занимал Саид Мухаммад Рахим-хан II, получила тот же статус в 1873 г. По условиям торговых договоров, оба протектората перешли под контроль генерал-губернатора Туркестана. Границы, прочерченные при условном соблюдении европейских дипломатических норм, не имели особого значения: например, всей бухарской дипломатией (вплоть до выдачи разрешений на въезд в страну) с 1888 г. ведало Российское императорское политическое агентство[392]. Более того, русские военные власти оставили за собой возможность корректировать границы протектората или свободно перебрасывать через них войска — как это было сделано в 1878 г. с Бухарским ханством в ходе индийской кампании[393]. Наконец, русские купцы получили право свободной торговли в протекторатах, которые в итоге были включены в русскую таможенную зону[394].

Тем не менее российское правительство предпочло предоставить этим странам статус протекторатов, чтобы не слишком дразнить Англию, а также в силу того, что Бухара пользовалась большим авторитетом в мусульманском мире.

Демаркация международных границ проводилась по совсем другим правилам (ил. 13). В Англии пресса и политики были озабочены ростом «русской угрозы» — они были убеждены, что Россия стремится установить свое господство над всей Азией, тем более что после завершения строительства Закаспийской железной дороги она теоретически получала возможность перебрасывать войска в направлении индийских портов. В этих условиях британцы с 1872 по 1895 г. сумели добиться того, чтобы границы Афганистана были наконец зафиксированы. Выступая от имени этой страны, они пресекли стремление России и дальше расширять свою южную зону влияния. После этого российские политические деятели вступили в череду международных переговоров с Великобританией и в меньшей степени с Францией, Германией и Китаем, с которыми обсуждалось господство над *Центральной Азией*.

В ходе этой фазы международных согласований Россия смогла утвердиться в статусе европейской державы и всем показать, что действительно европеизировалась. В начале ее положение было двойственным, поскольку, как свидетельствуют размышления британского офицера Уэста Райджвея (West Ridgeway), существовали большие сомнения по поводу того, сможет ли она соблюдать данные ею обязательства: «Граница, отмеченная столбами, установленными на песке, — это картонная граница. Разве она сможет удержать русских?»[395] Несмотря на это противники вступили в переговоры о будущем *Центральной Азии* в соответствии с правилами, принятыми в европейской дипломатии, и усло-

390 Кауфман. 1885. С. 12.
391 Gorshenina. 2012. P. 145–166.
392 Curzon. 1889. P. 151–152.
393 Загородникова. 2004. С. 137.
394 Kappeler. 1994 [1992]. P. 173.
395 Райджвей. 1888. С. 100–101 (цит. по: Замятин. 2002. С. 50–51).

Ил. 13. *Демаркация международных границ Туркестанского края. По Prescott. 1975. P. 59, 100, 103.*

вились соблюдать договоренности, даже если они вступят в противоречие с их империалистическими устремлениями.

Как с удовлетворением констатировали официальные документы, русско-британские комиссии работали с учетом «условий местностей, а также потребностей и благосостояния местных населений»[396].

Тем не менее конкретные очертания границ зависели от административных, экономических, военных и социальных возможностей обеих держав, которые порой прибегали к демонстрации силы[397], не учитывали географический или этнографический контекст, в котором особо не разбирались, и не считались с ущербом, который они наносили приграничному населению. Несмотря на это они активнейшим образом прибегали к «натуралистскому» дискурсу: обе стороны подчеркивали, что границы были прочерчены «по науке», вдоль «естественных» рубежей (это понятие стало играть огромную роль уже в XVII в.). Мысль о том, что «пространственные границы по своей природе являются политическими», была сформулирована лишь в 1927 г. в книге *Граница*

396 «Соглашение между Россией и Великобританией о разграничении афганских владений, 10 августа / 10 сентября 1885 г.»: Сборник договоров. 1952. С. 266.

397 В ходе демаркации границ между Персией, Афганистаном и Закаспийской областью в ноябре 1884 г. британский отряд был усилен настолько, что стал похож на военную экспедицию — это спровоцировало крайне негативную реакцию со стороны российских членов комиссии: Skrine, Ross. 1899. P. 301; Holdich. 1901. P. 95–96, 99; Boggs. 1940. P. 141–142; Jones. 1945. P. 170–171.

Поля де Жоффра де ля Праделя (Paul de Geouffre de La Pradelle)[398].

Делимитация этих границ проходила по тем же схемам, какие применялись в Европе в XVII–XVIII вв. (дипломатическая переписка — договоры — дипломатическая переписка — комиссии по демаркации — уточнение — установка пограничных столбов — занесение в кадастр), и способствовала уточнению русских выражений *Центральная Азия* и *Средняя Азия*. Подписание международных договоров создавало все новые и новые барьеры на пути русской экспансии, превратив «ничейную» зону, предназначенную для колонизации, в границу, закрепленную политически: после этого Россия стала четко различать колониальные владения от земель, которые лишь потенциально могли бы быть колонизированы.

Покоренные территории стали называть исключительно *Средней Азией,* а пространство, лежащее за пределом империи, — *Центральной Азией*. Как считали в России, данное терминологическое разграничение напоминало, что эти земли относятся к принципиально разным категориям (в первом случае там необходимо правильно организовать колонизацию, во втором — существует лишь перспектива завоевания), а потому к ним требуются принципиально разные геополитические подходы. Русский политический словарь был усвоен и британцами: та же оппозиция имплицитно содержится в заглавии «Wyld's Military Staff Map of Central Asia and Afghanistan» (Военно-штабной карты Средней Азии и Афганистана, выпущенной Уайлдом)[399]. Поскольку термин *Средняя Азия* на самой карте не фигурировал, ясно, что ее заголовок противопоставлял Афганистан и владения России.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что разграничение между *Средней Азией*, которая находилась в пределах империи, и *Центральной Азией*, как стали называть лимитрофные территории, где потенциально могла развернуться колонизация, действительно приобрело актуальность, когда южные пределы Российской империи были окончательно зафиксированы — в соответствии с русско-британскими соглашениями о делимитации границ России, Ирана и Афганистана (1872, 1895) и русско-китайскими договорами 1864–1915 гг.[400].

— *Проекты границ для* Центральной Азии

Если пределы *Средней Азии* точно совпадали с границам Российской империи, то как очертить контуры *Центральной Азии*?[401]

Хотя в русских публикациях (несмотря на тогдашнее увлечение геополитикой) не найти никаких отсылок к идеям Маккиндера, геополитические схемы XIX — начала XX в. позволяют лучше понять соотношение этих двух географических именований. Россия, у которой не было доступа к морским путям, в своих геополитических построениях сумела превратить этот «изъян»[402] в преимущество — для этого ей потребовалось определить себя как государство-континент или континент-океан. По мысли Маккиндера, у России на западе, востоке и юге есть открытые периферийные пространства. Поскольку там отсутствуют препятствия, затрудняющие передвижение по суше (на лошадях, верблюдах или по железной дороге), эти регионы открывают путь в сторону четырех миров, которые располагают выходом к океанам и отличаются друг от друга по географическим характеристикам и по господствующей религии («буддизм, брахманизм, магометанство и христианство»)[403].

В противоположность схеме Рихтгофена, здесь источником преимуществ объявляется близость к *Осевой зоне*: население *Хартленда*, которое первоначально состояло из кочевников, контролирует периферию, обладающую бóльшим влиянием, чем центральные регионы. В этих условиях русский экспансионизм, пришедший на смену древним набегам кочевников (некоторые русские интеллектуалы прямо указывали, что считают своими предшественниками орды ски-

398 Gottmann. 1952. P. 123.

399 «Wyld's Military Staff Map of Central Asia and Afghanistan». London: J. Wild [1879] (BNF. CPL. Ge FF 9828).

400 Гипотеза о том, что термин *Средняя Азия* был выдуман в СССР в 1920-е гг., как это утверждают Джалили и Келлнер (Djalili, Kellner. 2000. P. 126), является ошибочной. Большевики активно внедряли это выражение, но не были его создателями.

401 Более подробно об эволюции немецких геополитических теорий по поводу России см.: Gorshenina. 2012. P. 63–74. О проектах максимальной экспансии Российской империи см.: Gorshenina. 2012. P. 74–93.

402 О негативных последствиях отсутствия у России выхода к морским путям см.: Ratzel. 1987 [1897]. P. 136.

403 Mackinder. 1969 [1904]. P. 38–39.

фов, гуннов и Чингисхана[404]), «естественным образом» повел наступление в сторону периферийных пространств и начал теснить «Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай»[405].

Русский этноцентризм ясно проявляется в одах Державина, которому принадлежат патетические строки «С Чангеса злато соберем, гордыню усмерим Китая»[406]. Ян Потоцкий, поляк, состоявший на русской службе, в своей «Азиатской системе» предлагал почти те же направления для русской экспансии — Турцию, Персию, Индию и Китай[407].

Подобная концепция, в основе которой лежал географический детерминизм, на первый взгляд, казалась в высшей степени соблазнительной — тем более что Россия никогда не отказывалась от продолжения континентальной экспансии[408] и практически никогда не имела заморских колоний[409]. При этом, на взгляд некоторых авторов (например, Де Барта [De Barth], который в XIX в. писал о Кавказе), российским морем является степь, а расстояния, «на которых эти владения лежат от центра России», порой оказываются столь огромными, что «она всегда будет вынуждена воспринимать их как колонии»[410].

Тем не менее, как мне кажется, не стоит забывать, что центробежное движение описывалось не только в терминах *Хартленда* и естественных границ, но и при помощи других концептов (как теория «Третьего Рима»[411]), которые подпитывали русские империалистические проекты. Жажда геополитического престижа и экономические соображения, возможно, и не были основными мотивами экспансии, однако со временем их влияние становилось все больше — они подталкивали к созданию азиатских колоний там, где были природные ресурсы; и чем слабее были эти регионы, тем сильнее оказывалось искушение их колонизировать.

Геополитические трактовки пространства

— *Матрешка геополитики*

В России, которая смотрела на Азию с севера, с перекрестка между Западом и Востоком, представления об этом пространстве во второй половине 1910-х гг. были оформлены в жесткую схему (ил. 14).

Средняя Азия стала рассматриваться как неотъемлемая составляющая и логическое продолжение *Срединного мира*, или *Евразии-России*; при этом выражение *Средняя Азия* превратилось в полный синоним *русского Туркестана*. Однако разночтения в понимании соотношений между *Средней* и *Ценральной Азией* и их пространственных периметров продолжали давать о себе знать.

В первой интерпретации *Средняя Азия* напоминает круг, к которому на юго-востоке примыкает *Центральная Азия*, похожая по форме на запятую — ее основная часть лежит к востоку от рубежей Российской империи, в то время как к юго-западу, вдоль афгано-персидской границы, протянулась узкая полоса, о которой часто попросту забывали; она служила своего рода внешней «прокладкой», которую можно было легко включить в *Срединный мир* и которая защищала его от нерусской (т. е. собственно азиатской) Азии. Во втором значении *Средняя Азия*

404 Эта идея, которую поддерживали Данилевский (1895) и Ламанский (1892), затем была разработана Трубецким (1925), Савицким (1926. С. 82; [после 1930]. С. 125) и Вернадским (1927).

405 Mackinder. 1969 [1904]. P. 40–41.

406 Цит. по: Лавренова. 1998. С. 41.

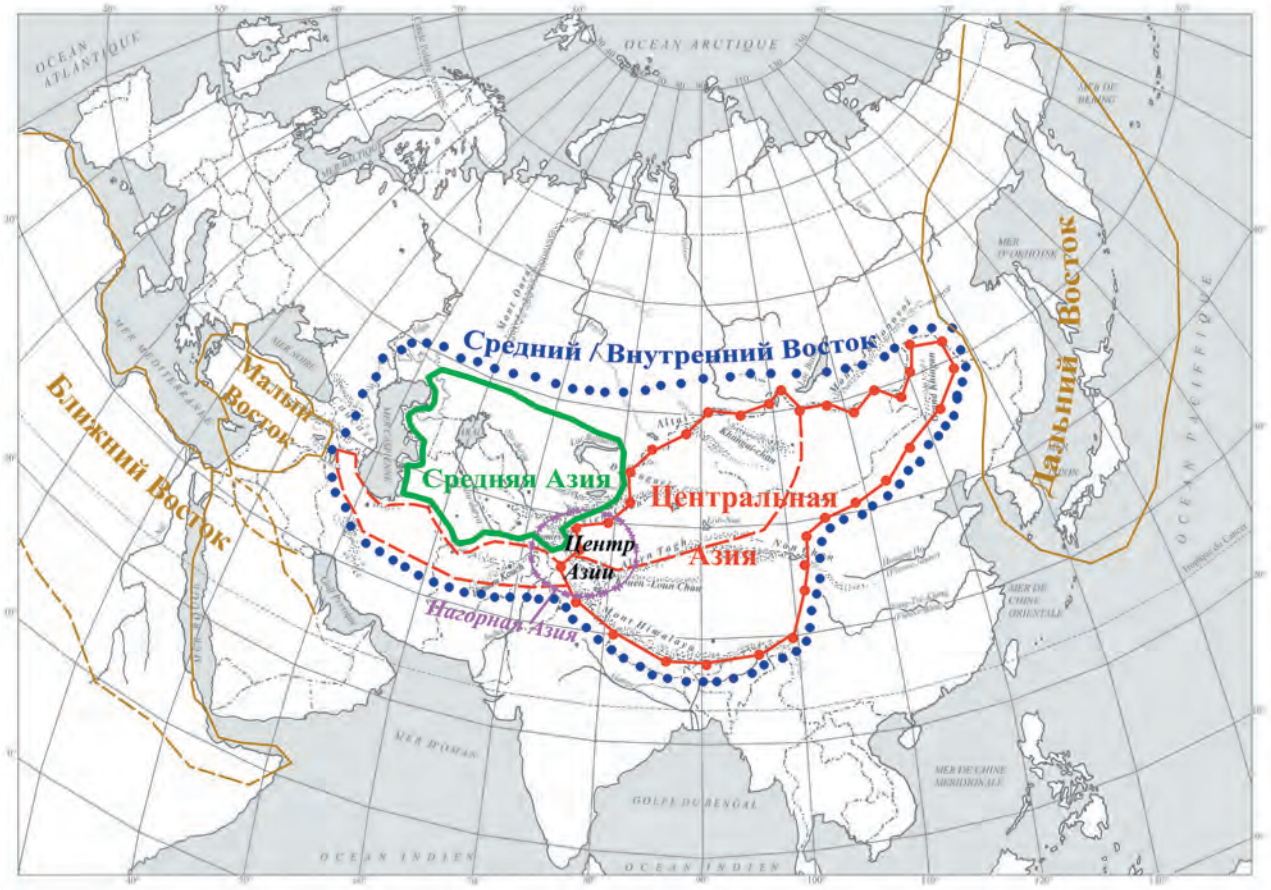
407 Beauvois. 1972; Beauvois. 1980. P. 233.

408 Bassin. 1999. P. 265–273. Чтобы в этом убедиться, стоит взглянуть на «Карту приобретений России в Европе и Центральной Азии с воцарения Петра I до 1884 г.» (см. карту в парижском военном архиве: Service historique de l'Armée de terre, série M, dépôt de la guerre, sous-série 6M [cartes et plans], 49 A 40).

409 Все немногочисленные попытки России установить контроль над отдаленными колониями оказались неудачными. Речь идет о Гавайях, которые в 1815 г. в интересах России попытался колонизировать доктор Георг Шеффер; берегах Новой Гвинеи, которые в 1882 г. призывал захватить путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай, уже присвоивший им свое имя (он также призывал создать русские колонии в Океании); небольшой территории в Абиссинии, на берегу Красного моря, которую в 1888–1889 гг. захватил казацкий атаман Николай Ашинов; поселениях на западном побережье Северной Америки. Единственная заморская колония России, Аляска, была продана в 1867 г.: Семенов Тян-Шанский. 1896. С. 939; Гнучева. 1940. С. 231–232.

410 Edwards, Sainte-Croix, De Baert. 1797 (3-я часть, написанная Де Бартом). P. 52.

411 Poliakov. 1989.



Ил. 14. *Российская схема подразделения Азии.*

(Куропаткин описывал ее как внутреннюю буферную зону Российской империи, без которой она вполне могла бы и обойтись, как и без других периферийных пространств *Хартленда*) вписывается в границы *Центральной Азии* — в этом случае форма *Центральной Азии* напоминает не запятую, а овал.

Эффективность подобной системы с двойной буферной зоной в 1952 г. была отмечена Жаном Готтманом (Jean Gottmann). Он иронично заметил, что, если дополнить Маккиндера Латтимором и «создать две большие осевые зоны, которые являются одновременно мировыми периферияими и окружают русские территории в Европе и Азии», то Россия приобретет ключевое стратегическое положение[412].

Если взглянуть на вторую интерпретацию, мы увидим, что на карте территория, которая останется, если вычесть *Среднюю Азию* из *Центральной Азии* (более крупной единицы, которая включает *Среднюю Азию* в свой состав), соответствует части *Среднего Востока* или *Внутренней Азии — Хартленду* Маккиндера. Эти земли лежали за пределами русских владений, однако русский империализм предъявлял на них «естественные» претензии и считал «логичным» их покорение.

На взгляд Семенова Тян-Шанского, который прекрасно осознавал, что географические познания стоят на службе у колониальной и националистической политики, соотношение этих двух географических названий в эпоху завоевания и последовательного расширения границ империи выглядело предельно просто:

> «Само собой разумеется, что такое изменение наших политических отношений в *Центральной Азии* чрезвычайно способствовало расширению в рассма-

412 Gottmann. 1952. P. 142.

триваемом периоде наших познаний на западной Тяньшаньско-Памирской окраине Нагорной Азии, сделавшейся постепенно нашей Русскою окраиною (т. е. превратившихся в *Среднюю Азию. — Прим. автора*)»[413].

Это ясно понимал и Мушкетов, который использовал чуть иную терминологию, но предсказывал окончательное превращение туркестанского бассейна в *русский Туркестан*[414].

Витте, который всегда смотрел на политику с точки зрения экономики, в мае 1895 г. писал, что «*Центральная Азия* должна быть нашей не в смысле материального завоевания, а чтобы заставить ее служить нашим целям и нашим интересам»[415].

Чтобы выбраться из этой геополитической матрешки, следует напомнить, что *Средняя Азия* и *Центральная Азия* входят в *Средний Восток*, который является намного более крупной единицей и расположен между *Дальним Востоком*, лежащим на берегах Тихого океана, *Ближним Востоком* (от Магриба до Персидского залива) и *Малой Азией*, в которую входят Турция с Сирией.

Подобная географическая схема, вероятно, была создана позже — по крайней мере, на политическом уровне нечто хоть сколько-нибудь похожее появляется только в тексте регламента Министерства иностранных дел в 1914 г. В тот период для курирования восточного направления было создано три департамента. Как следует из публикаций того времени, Второй департамент назывался «Ближневосточным» и должен был курировать Албанию, Болгарию, Грецию, Румынию, Сербию, Турцию, Монтенегро (Черногорию), Абиссинию и Египет. Третий департамент, который, как писали тогда историки, отвечал за *Центральную Азию*, курировал Персию, Туран, Индию и Цейлон (подобную схему мы встретим у Арминия Вамбери, который в работе «Средний Восток» объединил *Центральную Азию* с Индией[416]). Последний из восточных департаментов, Четвертый, занимался *Дальним Востоком*: Монголией, Китаем, Японией и Сиамом.

При этом в философском дискурсе конца XIX в. использовалось выражение *Внутренний Восток*, производное от понятия «внутренней колонизации». Его цель состояла в том, чтобы замаскировать изначально военный характер присоединения новых земель, заменив его представлением о мирной колонизации, в ходе которой население свободно перемещается на новые места, чтобы распахать целинные земли. Идея внутренней колонизации в пределах империи получила поддержку даже у некоторых современных историков. В этом они солидарны с учеными из Государственного колонизационного научно-исследовательского института, который был основан в Москве в 1922 г. Те полагали, что термины «колонизация» и «переселение» могут использоваться как синонимы[417], словно забывая о том, что им неизбежно предшествует фаза завоевания. Понятие внутренней колонизации, переосмысленное в свете постколониальной методологии, также было использовано для анализа отношений между русскими элитами и народом (состоявшим в основном из крестьян) — так к русской истории были применены интеллектуальные подходы, характерные для социального ориентализма (он анализирует отношения господства не между колонизаторами и колонизированными, относящимися к разным народам, а между различными социально-экономическими стратами)[418].

Подобный подход был критически встречен другими исследователями, для которых представляется очевидным, что Россия присвоила земли нерусских соседей. На первом этапе она параллельно исследовала и покоряла незнакомые пространства, а затем предприняла их колонизацию; за этим последовала проходившая под эгидой военных миграция туда русских поселенцев, призванная завершить политическую

413 Семенов-Тян-Шанский. 1896. Ч. 2. Отд. 4. С. 708.

414 Мушкетов. 1886. С. 13–14.

415 Цит. по: Андреев. 2006. С. 74.

416 Lewis, Wigen. 1997. P. 234, n. 81.

417 Hirsch. 2005. P. 87–92. Роже Брюне и Виолетт Рэ (Brunet, Rey. 1996. P. 258) выдвинули тезис, что Сибирь была завоевана не у автохтонных народов, а в каком-то смысле бок о бок с ними, поскольку они были крайне немногочисленны и рассеянны по огромным пространствам. См. также: Курбановский. 2011.

418 Эткинд. 2001; Эткинд. 2002 (в этой работе он разрабатывает подобный подход прежде всего на материале Сибири); Etkind. 2011; Эткинд, Уффельман, Кукулин. 2012.

интеграцию колонизированных народов и закрепить над ними российское господство[419]. Кроме того, представление о внутренней колонизации появилось довольно поздно — современники завоевания Сибири, а затем писатели XVIII–XIX вв. ясно осознавали подлинную природу русского завоевания этих земель[420].

— Западная схема

Подобная геополитическая матрешка с характерным для нее руссоцентризмом вовсе не была чем-то исключительным в ту эпоху, когда в географической мысли торжествовали европоцентристские мега-концепции. В них границы между Востоком и Западом без конца сдвигались по стратегическим соображениям или в угоду различных идентитарных исканий.

На Западе деление мира на культурно-географические ареалы следовало теории Гегеля, который в «Философии истории» (1830–1831) терминологически разграничил *Дальний Восток* (Индия, Китай, Япония) и *Ближний Восток* (Персия, Сирия, Малая Азия, Египет)[421]. Главным фактором, которым он руководствовался при выборе этих эпитетов, служила не географическая дистанция, а культурная близость с Европой — потому Ближний Восток воспринимался как буферная зона между Европой и Азией.

Подобный европоцентристский взгляд прошел сквозь века: параллельно или вместо *Middle East, Medio Oriente*, *Moyen-Orient*, *Orient-Médio* этот регион на Западе именовали *Near East, Proche-Orient, Vicino Oriente*, *Asie antérieure* или *Levant*. Все эти термины до сих пор используются для описания территорий, лежащих на пути, ведущем на Дальний Восток (*Far East, Extrême-Orient*).

В детальном обзоре истории концептов *Middle East-Near East* и *Far East* Мартин У. Льюис (Martin W. Lewis) и Кэрен Э. Виген (Kären E. Wigen), а затем Мохаммад Реза Джалили (Mohammad Reza Djalili) и Тьерри Кельнер (Thierry Kellner) продемонстрировали непоследовательность и политический подтекст этих терминов. По их утверждению, в англо-саксонском мире термин *Middle East*, появившийся в 1902 г. в трудах военного теоретика Альфреда Тайера Мэхэна (Alfred Thayer Mahan), обозначал стратегически важный регион вокруг Персидского залива, отличавшийся от *Near East*, тяготевшего к берегам Средиземного моря. Военное значение этих терминов было подтверждено между двумя мировыми войнами — в 1932 г. в Королевских военно-воздушных силах Великобритании были созданы специальные подразделения для Египта (*Near Eastern*) и Ирака (*Middle Eastern*). Вплоть до сегодняшнего дня в исследованиях по филологии и древней истории, а также на художественных рынках часть территории *Middle East* называют *Near East*, поскольку в ментальных картах европейцев это пространство теснее связано с греческой культурой, в то время как в политическом мире (особенно во франкоязычных странах), за редкими исключениями, предпочитают говорить о *Middle East*[422].

Географические очертания этих пространств были и до сих пор остаются чрезвычайно вариативны. *Far East* в самом широком значении мог охватывать территории, протянувшиеся от Индии до Японии (таково было определение *Extrême-Orient*, сформулированное в 1901 г. Французским институтом Дальнего Востока), в то время как *Middle East* в максималистской трактовке включал не только Турцию, Персию, Египет и Аравийский полуостров, но и Афганистан, Индию, Непал и Тибет (в соответствии с теорией Валентайна Игнатия Чирола [Valentin Ignatus Chirol]), которая была предложена в 1914 г. и почти сразу отвергнута научным сообществом), часть Африки, простирающуюся от Ливии и Судана до Сомали (с конца 1930-х гг. до конца Второй мировой войны); в период после Второй мировой войны и до 1960-х гг. в *Middle East* также включали Афганистан[423]. Несмотря на то, что максимально широкие интерпретации *Middle East* в итоге не утвердились в науке, в рамках подобных теорий казалось

419 См.: Clem. 1992. P. 19. О первых, уже империалистских, этапах расширения территории России см.: Wieczynski. 1974 (особенно о завоевании Сибири); Kappeler. 1994 [1992].

420 Strahlenberg. 1757 [1730]. V. II. P. 238; Катанаев. 1899. С. XVIII.

421 Hegel. 1892–1896; Lewis, Wigen. 1997. P. 63–64.

422 Lewis, Wigen. 1997. P. 65–67; Djalili, Kellner. 2000. P. 118–120 (см. подробную библиографию); Максименко. 2000.

423 Lewis, Wigen. 1997. P. 64–66; Djalili, Kellner. 2000. P. 119.

«логичнее» следовать концептам традиционной мегагеографии. Она объявляла центром Европы Францию, центром Востока — Китай, а название *Middle East* резервировала за пространством, охватывающим Индию, Тибет, бассейн Тарима, Тян-Шань и долину Енисея. Иначе говоря, этот концепт интерпретировался на «русский манер».

ГЛАВА 6

Другие обозначения, унаследованные от эпохи «Большой игры»

Внутреннее устройство *Средней Азии*: разноречивые трактовки европейских энциклопедий

Если взглянуть на этот вопрос в глобальном геополитическом контексте, мы увидим, что во второй половине XIX — начале XX в. географические термины превратились в политические определения: *Северная Азия* стала использоваться как синоним *русских владений*, а *Южной Азией* начали называть сферу влияния Британской империи[424].

Однако среди подобных политизированных оппозиций встречались и очевидные противоречия. В частности, Андре Бертело (André Berthelot) ставил знак равенства между *Южным Туркестаном* и *Трансоксианой*[425], что для того времени было явной ошибкой. Дело в том, что *Трансоксиана*, стилизованный под Античность перевод термина *Мавераннахр*, созданный Эрбело (Herbelot) в XVIII в., буквально означает «земли, лежащие за Оксом», а значит, эта территория соответствовала *Турану* или *русской Азии*. *Южный Туркестан* скорее входил в *Южную Азию*, принадлежавшую к британской сфере влияния, и в узком смысле должен был соответствовать северной половине Афганистана.

Вдобавок в публикациях того времени *Северная Азия*, которая означала то же самое, что *русская Азия*, и охватывала большую территорию, чем Сибирь, порой оказывалась синонимом *Туркестана* (из которого был исключен Кавказ), а в редких случаях — и *Тартарии* (этот термин еще окончательно не вышел из употребления). Тем не менее соответствие между *русской Азией* и *Туркестаном* было лишь опосредованным.

У Пьера Ларусса (Pierre Larousse) *Туркестан*, расположенный между 36 и 56 градусами северной широты и 49 и 78 градусами восточной долготы, включал *Азиатскую часть России* (Акмолинскую, Уральскую, Семипалатинскую, Тургайскую и Закаспийскую губернии, Туркестанское генерал-губернаторство, а иногда и «кавказские губернии»[426]), а также многие независимые на тот момент государства (Бухару, Хиву, Кундуз, Бадахшан, Гиссар, Дарваз и т. д.). «С севера он граничил с Сибирью, на востоке — с Китаем, на юго-востоке — с Кашгарским царством, на юге — с Индией, Афганистаном и Персией, а на западе — с побережьем Каспийского моря и европейской частью России»[427].

У Бертело, который опирался на «Ежегодник Бюро долгот» Левассёра (Levasseur), *русская Азия* включала также и *Трансоксиану,* азиатские части Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний, Сибирь и русский Туркестан, но без независимых туркестанских государств (Хивы, Бухары и части туркменских земель)[428].

Подобные противоречия встречаются и на географических картах. Хотя в «Hammond's Modern Atlas of the World» (Хэммондовский современный атлас мира. 1909. N° 95) малые ханства и эмираты, лежавшие к югу от Российской империи, были обозначены как самостоятельные государства, на большинстве карт — прежде всего в атласе мира Б. Смита «The Century Atlas of the World» (B. Smith, New-York: Century, 1899. N° 100) — территории России и Китая чаще всего прямо смыкались друг с другом[429].

Подобные противоречия в трудах внешних наблюдателей были в первую очередь связаны с подвижностью российских границ, а также

424 Berthelot. [1886–1902]. P. 127.
425 Ibid. P. 92.
426 Larousse. T. I. 1982 [1866–1879]. P. 747.
427 Ibid. T. XV. 1982 [1866–1879]. P. 595, 747.
428 Berthelot. [1886–1902]. P. 127–128.
429 Lewis, Wigen. 1997. P. 278, n. 88.

с чередой административных реорганизаций, которые проводились в южных провинциях Российской империи в соответствии с геополитическими потребностями момента.

С русской стороны выработка новой терминологии шла параллельно с административными реформами, перекраивавшими карту *русской Азии*.

К концу 1890-х гг. *Туркестанское генерал-губернаторство* (которое в 1886 г. было переименовано в *Туркестанский край* и до тех пор почти всегда управлялось на основе четырех временных регламентов, не ратифицированных санкт-петербургскими министерствами[430]) было разделено на пять частей:

- *Сырдарьинскую область* (1867) со столицей в Ташкенте, которая в 1873 г. поглотила *Амударьинский отдел*;
- *Ферганскую область*, созданную в 1876 г. из земель Кокандского ханства, аннексированного Россией 2 марта 1876 г.;
- *Самаркандскую область*, образованную в 1886 г. на базе Зеравшанского округа;
- *Семиречье*, образованное в 1867 г., в 1882-м переданное под контроль созданного в том же году Степного генерал-губернаторства[431], а в 1897 г. возвращенное в состав Туркестанского генерал-губернаторства;
- На туркменской периферии проникновение российских войск началось с печально известной экспедиции Бековича-Черкасского (1714 и 1717 гг.) — ее косвенным результатом стала случившаяся век спустя закладка Ново-Александровского укрепления. Лишь в 1881 г. на основе *Закаспийского военного отдела* была создана *Закаспийская область*[432]. С 1881 по 1890 г. она относилась к ведению Кавказского наместничества, а затем была переподчинена напрямую Военному министерству (1890–1897). Наконец, в 1897 г., по просьбе генерал-губернатора А. Б. Вревского, она была включена в состав Туркестана[433]. Как полагал Керзон (Curzon), административная чехарда вокруг этой провинции была связана с ее географическим положением, пустынями и нестабильностью русла Амударьи, которые затрудняли коммуникации между Туркестанским генерал-губернаторством и туркменскими землями[434].

Напротив, северная часть Великой степи так и не превратилась в самостоятельную административную единицу и осталась в составе Сибирского (Акмолинская и Семипалатинская губернии) и Оренбургского генерал-губернаторств (Уральская и Тургайская губернии). Так продолжалось до 1891 г., когда эти четыре губернии (на первом этапе — три) были включены в огромную территориальную единицу, созданную в 1882 г. при генерал-губернаторе Г. А. Колпаковском. Она получила название *Степного*, или *Киргизского*, края (с 1882 по 1897 г. он также включал *Семиреченскую область*[435]).

В ту же эпоху административной реорганизации подверглись и другие русские колонии в Азии[436].

По ходу административных реформ для географического описания русской *Средней Азии* стали применяться кадастровые методы, типичные для колониальных держав: тщательно фиксируя на картах новые административные структуры и составляя статистические отчеты о том, как на этих территориях распределены жители, языки и религии, русская администрация постепенно выстроила образ Туркестана, отвечавший тогдашнему увлечению перечнями и классификациями в линнеевском духе.

Тем не менее политические и военные элиты, выстроившие столь запутанную структуру среднеазиатских колоний, не были удовлетворены достигнутым. По мнению Кауфмана, военное и гражданское управление оказалось недостаточно эффективным — и все из-за «ошибок в административном делении». Устройство

430 Гирс. 1884. С. 5, 7.
431 Gorshenina. 2012. P. 139–140.
432 Масальский. 1913. С. 313.
433 Дьякин. 1998. С. 848, 857.
434 Curzon. 1889. P. 273–274.
435 Бехматова. 1997. С. 339–340; Geiss. 2003. P. 182.
436 Об административном делении этих территорий см.: Гирс. 1884; Кауфман. 1885; Blanc. 1894. P. 346–370; Geiss. 2003. P. 172–237.

Туркестанского генерал-губернаторства, которое было разделено на пять неравных частей, управлявшихся в соответствии с разными регламентами, было продиктовано лишь обстоятельствами, при которых они были завоеваны. Как полагал Кауфман, Туркестан следовало бы разделить совершенно иначе, с учетом «этнографических, территориальных, бытовых, административных, экономических и финансовых соображений, выгод и удобств»[437].

Борьба за название *Туркестан*

Не в силах уследить за всеми изменениями в структуре русских владений в Средней Азии, западные энциклопедии стремились упростить картину, согласуя ее с доступной информацией и стереотипами того времени. Так, П. Ларусс уточнял, что западная и северо-западная части *русской Азии* известны под названием *Туранской долины*, и что она состоит из *Ферганского плато* на севере и *Согдийского плато* (или *Узбекистана*) на юге, в то время как на востоке и юго-востоке протянулось *Туркестанское плато в собственном смысле слова*[438].

В словоупотреблении того времени *Туркестан в собственном смысле слова* соответствовал *китайскому Туркестану,* который частично охватывал «центральный массив», часто упоминавшийся европейскими энциклопедистами. Геополитическое противопоставление *русского Туркестана* и *китайского Туркестана*, унаследованное от старинных терминов *Великая Бухария* (русский Туркестан) и *Малая Бухария* (китайский Туркестан), было поставлено под сомнение, и западные энциклопедисты лишь откликались на кипевшие тогда научные споры.

В Европе тезис о существовании *Туркестана в собственном смысле слова* отстаивали многие немецкие исследователи, в первую очередь географ Фридрих Антон Геллер фон Гельвальд (Friedrich Anton Heller von Hellwald) (1873), астроном и географ Франц Ксавер фон Шварц (Franz Xaver von Schwarz) (1900) и Мартин Хартман (Martin Hartmann), профессор востоковедения из Берлинского университета (1908). В течение тридцати с лишним лет они продвигали теорию о том, что русский Туркестан получил свое «туркестанское» имя лишь по указу царя[439]. Не принимая в расчет историю этого термина и не зная или не желая признавать тот факт, что коренные жители *Мавераннахра* сами называли свои земли *Туркестаном*[440] (таких названий на базе этнонимов было немало), немецкие критики стремились доказать, что это наименование было введено европейцами. Они утверждали, что оно возникло в результате ошибки, порожденной названием города Туркестан, — первого из населенных пунктов, куда русские путешественники попадали на пути из России в *Среднюю Азию*. Потому они ошибочно его приняли за столицу всего региона[441]. Эта теория была разработана фон Шварцем, который полагал, что в Туркестане оазисы, отделенные друг от друга пустынями и степями, не были объединены в государственные образования, а значит, там не существовало общенациональных обозначений, аналогичных тем, что применялись в Европе[442].

Ссылаясь на арабских географов IX–X вв., Хартман отстаивал мысль о том, что единственная территория, которая с исторической точки зрения может быть названа *Туркестаном,* — это китайский Туркестан (поскольку лишь там это наименование соответствовало этническому составу населения). По его убеждению, русские намеренно и без всяких на то прав перенесли это обозначение на завоеванные ими территории *Мавераннахра*: «Название *Туркестан* напоминает о легендарных городах между Оксом и Яксартом, как Бухара и Самарканд [...] но это вовсе не Туркестан и не земля тюрок»[443].

Подобные теории, которые были призваны «лишить» Россию прав на топоним *Туркестан*, спровоцировали протест в царской империи. Через шесть лет после Хартмана Воейков,

437 Кауфман. 1885. С. 75–77, 81–82 (таблица со всеми предложениями по административной реорганизации этих территорий).

438 Larousse. 1982 [1866–1879]. T. XV. P. 595.

439 Von Hellwald. 1873. P. 94; Von Schwarz. 1900; Hartmann. 1908. P. 1; Бартольд. 1965а [1934]. С. 518; Бартольд. 1977б. С. 518; Sidikov. 2003. P. 58–61.

440 См. в первую очередь переводы Ш. Шефера (Schefer. 1876; Schefer. 1876–1879; Schefer. 1892), а также: Bacqué-Grammont. 1972.

441 Sidikov. 2003. P. 58–62. О городе Туркестан см.: Poujol. 2002.

442 Sidikov. 2003. P. 60.

443 Hartmann. 1908. P. 1 (цит. по: Бартольд. 1977б. С. 518; Бартольд. 1965а [1934]. С. 518; Sidikov. 2003. P. 61).

выступая с противоположных позиций, стал применять выражение *Туркестан в собственном смысле слова* только для обозначения «русских» земель, т. е. Закаспийской, Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областей, а также Бухарского и Хивинского ханств, но не включал в него Семиречье, которое слишком отличалось от них по «своим природным условиям, климату и населению»[444].

Теории Хартмана также встретили активный отпор со стороны знаменитого востоковеда Василия Бартольда, который, дабы никто не вспоминал о его немецких корнях, стремился выставить себя горячим русским патриотом. Аргументы Бартольда, которые были отражены в многочисленных публикациях, до сих пор сохраняют свою актуальность[445]. Он показал, что логика Хартмана не работает, поскольку в письменных источниках название *Туркестан* относилось к самым разным территориям.

Если резюмировать его доказательства, то Бартольд полагал, что в эпоху Сасанидов *Туркестан*, который был населен персами, с VII или VIII в. оказавшимися под мощным влиянием тюрок, начинался сразу за Оксом, поскольку Табари называл эту реку границей между *Ираном* и *Тураном*. С IX в. в результате арабского завоевания тюрки, вероятно, ушли из *Мавераннахра*, который в политическом плане вошел в иранский Хорасан. Впоследствии *Туркестан*, о котором писали арабские авторы IX–X вв., скорее всего, сместился к северу и к востоку от *русского Туркестана* или, иначе говоря, к северу и востоку от *Мавераннахра*, в регион, лежавший за Сырдарьей, — в Семиречье и *Восточный Туркестан*. После завоевания *Мавераннахра* Караханидами (или Илек-ханами) в XII в. регион вновь подвергся тюркизации. Этот процесс продолжился в XVI в. после переселения туда узбеков Шейбани-хана, который вновь и теперь окончательно перенес название *Туркестан* на *Мавераннахр*, т. е. за мифическую границу по Оксу, на его левый берег. В ходе ретюркизации к Туркестанской провинции была присоединена афганская часть, включавшая Балх и Мазари-Шариф. Когда около 1747 г. Афганистан превратился в самостоятельное государство, эта территория стала одним из его *вилайетов* (стоит уточнить, что название *Афганистан*, впервые появившееся в трудах Джорджа А. Форстера [George A. Forster], которые были опубликованы в 1789 г., стало официально использоваться лишь с 1830-х гг.)[446].

Как подчеркивал Бартольд, не стоит списывать со счетов тот факт, что с начала XIX в. путешественники в своих записках использовали слово *Туркестан* как синоним *Великой Бухарии*, и что в словарь современных географов этот термин ввели британцы[447]. Однако, говоря о том, что *Туркестан* превратился в научный термин исключительно благодаря британцам, Бартольд отчасти подрывал собственную теорию: ведь он первым выяснил этимологию этого географического наименования, возведя его к персидскому выражению «земля тюрок» (о чем он писал во множестве статей), а потом вдруг перевел свои рассуждения в принципиально иной контекст, связанный с «Большой игрой».

Задачи генерал-губернаторов *Туркестана*: выдвинуть на первый план тюркоговорящих кочевников

Чрезвычайно подробный и компетентный обзор, сделанный Бартольдом, тем не менее, не объясняет, что подвигло российские элиты остановиться именно на этом названии. Судя по всему, после того, как термин *Туран* приобрел новое, привлекательное, звучание, его позитивная символика была перенесена и на *Туркестан*, поскольку это слово, как тогда полагали, было производным

444 Woeikof. 1914. P. 2.

445 Его статья для *Encyclopédie de l'Islam* 1934 г. (1965a) была переиздана в новом издании этой энциклопедии, вышедшем в 2002 г., с небольшими добавками К. Э. Босуорта (C. E. Bosworth) (в основном по советскому периоду) и коррективами по вопросу о национально-территориальном размежевании 1924–1936 гг., которое Бартольд оценивал слишком оптимистично.

446 Бартольд. 1977б. С. 518; Бартольд. 1902. См. также: Forster. 1789; Lee. 1996. P. XVII; Bosworth. 2002. P. 787; Sinor. 2003. P. 12; Bregel. 2003. P. 2. См. исследование Минорского (Minorskij. 1934) о *Туране*, в котором он подчеркивал, что арабские, персидские и турецкие авторы придавали этому термину (как синониму *Туркестана*) самые разные смыслы.

447 Бартольд. 1977б. С. 518; Бартольд. 1965a [1934]. С. 518–519. В соответствии с определением *Encyclopedia Britannica* (1911) на севере *Туркестан* граничит с Сибирью и Тибетом, на юге — с Индией и Афганистаном, на западе — с Каспийским морем, а на востоке — с пустыней Гоби: Bealby, Kropotkin. 1911. P. 419–426 (цит. по: Djalili, Kellner. 2000. P. 125).

от *Турана* и буквально переводилось как «земля тюрок» (*Билад аль-турк*). Выбор этого термина в России определялся не только исторической традицией, но и политическими теориями, которые подпитывали такие ученые, как востоковед Вильгельм (Василий) Радлов. Отталкиваясь от представления о том, что *Центральная Азия* является полем битвы между слабо исламизированными, почти дикими тюрками и «персо-арабо-мусульманскими» народами, которые в большинстве своем грамотны и фанатично преданы исламу, он предположил, что тюрок гораздо проще обратить к европейской (русской) цивилизации и направить по пути «прогресса»; поскольку их дух все еще свободен от мусульманских догм, их легче превратить в лояльных подданных Российской империи, легче русифицировать[448].

Так социокультурная оппозиция между кочевниками (которых считали почти не исламизированными) и оседлыми жителями (их представляли как фанатиков, много веков назад обращенных в ислам) была описана в этнических категориях. Выбор термина *Туркестан* предвещал будущее содержание русской политики в ее азиатских колониях — в своей национальной стратегии империя всегда отдавала предпочтение кочевым тюркам в ущерб тюрко-персидскому оседлому населению. Этот выбор был продиктован задачами борьбы с так называемым исламским фанатизмом и с проектами создания масштабных пантюркистских или панисламских общностей. Так, первый генерал-губернатор Туркестана Кауфман традиционно поддерживал казахов, поскольку полагал, что «с культурной точки зрения они больше подвержены ассимиляции, чем узбеки и таджики»[449]. Эта идея еще в 1865 г. была сформулирована Мейером[450].

В подобной игре предпочтений симпатии русских принадлежали кочевым племенам, которые, в соответствии с романтическим стереотипом «Доброго дикаря», легко трансформируемого в свободолюбивого «Кочевника», получили все преференции[451].

Со временем эта составляющая русской политики в Туркестане стала еще заметнее — в том числе под влиянием докладов ревизионных комиссий, работавших в Туркестанском, Оренбургском и Степном генерал-губернаторствах (в частности, речь идет о докладах Федора Гирса 1882 г. и Константина Палена 1908 г.). Политические, административные и интеллектуальные элиты России поддерживали казахское, киргизское и туркменское национальные движения, поскольку рассматривали эти народы как слабо исламизированных кочевников. Они были безразличны к пантюркистскому движению и противились панисламизму, который виделся им «восточной утопией». При этом они выступали против мусульманской культуры, характерной для оседлых жителей и особенно для интеллигенции из движения *джадидов* и суфийских лидеров.

Противопоставление афганскому *Туркестану*

Есть еще один аспект, который, как я полагаю, следует принять во внимание: одновременно с *русским Туркестаном* на картах появился и *афганский Туркестан*. Их стали разграничивать лишь со второй половины XIX в. До этого, в середине XVIII — начале XIX в., персидские источники обозначали будущий *афганский Туркестан* как *Южный* или *Малый Туркестан* (отсюда английское обозначение *Lesser Turkestan*) — под ним чаще всего понимали город Балх или всю окружающую его провинцию[452]. Когда в результате завоевания *среднеазиатских* ханств Российской империей возник административный термин *русский Туркестан*, сама его этимология (ведь *Туркестан* означает «землю тюрок») могла поставить под сомнение легитимность российских претензий на территории, расположенные к югу от Окса и населенные в основном ираноязычными народами. В этих условиях русские политики не желали мириться с тем, что британцы, дабы вытеснить термин *Туркестан*, обозначавший оба

448 Radloff. 1884. P. 471 (цит. по: Sidikov. 2003. P. 61).

449 См. архивный документ: «Отношение Туркестанского генерал-губернатора к Министру народного просвещения», 8 ноября 1880 г., N° 3015 (цит. по: Левин. 1930. С. 9). В этой цитате, однако, подспудные вопросы вызывает использование этнонимов, которые вошли в официальный политический язык для описания основных категорий населения Средней Азии гораздо позже, уже после национально-территориального размежевания 1924–1936 гг.

450 Мейер. 1865 (гл. «Географическое описание Киргизской степи). С. 231.

451 Woeikof. 1914. P. 131.

452 Lee. 1996. P. XXXI–XXXVII.

берега Окса, и тем самым подчеркнуть разрыв между владениями обеих империй, стали активно продвигать название *Великий Афганистан*, созданное по ассоциации с *United Kingdom*[453].

В 1869 г. Генри Роулинсон (Henry Rawlinson) в том же идейном ключе уточнил эту терминологию и в своем «Меморандуме о границах Афганистана» предложил ввести термин *афганский Туркестан*, дабы слово Афганистан появилось и в топонимии. Это требовалось для того, чтобы отделить Туркестанский или Балхский *вилайет* в Афганистане от российских колониальных владений. Предложение Роулинсона было оперативно принято картографами, тогда как другое его терминологическое нововведение — *Cis Oxus Territory* — не получило признания[454].

С тех пор северные районы Афганистана, в частности, лежавшие вокруг Мазари-Шарифа, Кундуза, Кема, Маймане и Балха, стали называть *афганским Туркестаном*. Бадахшан и зависевший от него Ваханский коридор в него не входили, так же как и внутренние районы Афганистана и Западный Афганистан с Гератом и пограничные эмираты в Читрале и Кафиристане. В целом, на взгляд географов и путешественников, *афганский Туркестан*, или, скорее, *Малый* (т. е. меньший по размеру) *Туркестан*, включал конгломерат территорий, расположенных между границами России и хребтами Гиндукуша. На юг они простирались либо до перевала Ак-Рабат к северу от Бамиана (Р. Берден ([R. Burden], 1846)[455]), либо до расположенного южнее перевала Хаджикак, где проходит линия водораздела между бассейнами Гильменда и Амударьи (Дж. Вуд [J. Wood][456]).

Поскольку *китайский Туркестан* (это название укоренилось среди эрудитов после того, как Китай покорил это пространство) и недавно возникший *афганский Туркестан* воспринимались как части *Центральной Азии*, на которые распространялись экспансионистские претензии России, можно было предположить, что в не столь отдаленном будущем российский Генштаб, решив раздвинуть границы империи до «естественных» рубежей, попытается сделать *русским* весь *Туркестан*.

Термин *Туркестан* мог использоваться для обозначения трех (русской, афганской и китайской) частей как по-отдельности, так и вместе — благодаря подобной неопределенности он также стал популярен среди британцев, которым, подобно россиянам, тоже пришлось снабдить его эпитетом из политического словаря; это показывает, что терминологический туман во многом упрощал реализацию экспансионистских планов.

Потому в объяснениях сути этого термина появилось два смысла: «узкий» и «широкий». Так, в 1877 г. немецкий ученый-агроном Александр Пецольд (Alexander Petzhold) назвал *Туркестаном в узком смысле этого слова* русский Туркестан и его государства-вассалы — это подразумевало, что *Туркестан в широком смысле* охватывал все три (русскую, афганскую и китайскую) части[457]. В последней трети XIX — начале XX в. применение термина *Туркестан* в двух различных значениях было весьма распространено.

В эпоху, когда Англия и Россия постепенно разграничили свои зоны влияния в этом регионе (1860–1910), политики, путешественники и журналисты, на которых мало влияли научные споры, привыкли добавлять к термину *Туркестан* одно из трех прилагательных: *русский*, *китайский* или *афганский*. Мы видим, что в условиях «Большой игры» то, как именно применялся этот топоним, возникший в самой *Средней Азии*, определялось соперничеством между иностранными державами[458]. В результате этот автохтонный термин фактически встал в один ряд с другими названиями, которые для региона придумывали европейцы, вооруженные картами, созданными в проекции Меркатора. Именно такие образы продолжали питать западные представления о населении и пространствах *Центральной Азии*.

453 Ibid. P. 145, 465.

454 Rawlinson. 1869; Lee. 1996. P. XXXI–XXXVII. Об *афганском Туркестане* см. также: Grand Larousse encyclopédique. 1964. Т. 10. P. 558–559; Советская историческая энциклопедия. 1973. Т. 14. С. 524–525; БСЭ. 1977 [3-е изд.]. Т. 26. С. 338. Стб. 1002.

455 Bosworth. 2002. P. 786.

456 Wood. 1872. P. 130.

457 Petzholdt. 1877. P. 157 (цит. по: Sidikov. 2003. P. 59).

458 Lee. 1996. P. XXXIII; Sidikov. 2003. P. 58.

Последнее возвращение *Тартарии*

Конкретизация понятия *Центральная Азия* и вхождение в привычный словарь трех *Туркестанов* привели к постепенному исчезновению самого названия *Тартария* во всех его исторических значениях.

В начале XIX в. *Тартария* постепенно пропала со всех карт мира, а на ее месте стали обозначаться империи. На первых порах замена производилась произвольно: в *Атласе* Сэмюэла Батлера (Samuel Butler) (1829) вся территория *Тартарии* была выкрашена в цвета Китайской империи, протянувшейся вплоть до Герата и Аральского моря[459]. Самым поздним примером использования топонима *Тартария* (в форме *Татария*), видимо, стала выпущенная в 1835 г. карта А. Лоррена (A. Lorrain)[460].

Напротив, в литературных текстах термин *Тартария* в то время вновь вошел в моду — это во многом произошло под влиянием записок античных и средневековых путешественников, которые стали активно переиздавать в Европе в середине XIX в., что свидетельствовало о растущем интересе к этому региону[461]. Образ *Центральной Азии*, созданный первыми европейскими путешественниками, на долю которых выпало немало испытаний на пути в неизведанное, усиливал негативное восприятие Востока, и без того свойственное европейцам XIX в. В текстах, где истории о «чудесах»[462] сплетались с физиогномическими и психологическими портретами *центральноазиатских* народов и рассказами о печальных и неприветливых пейзажах, описываемые земли часто именовались *Тартарией* — этот термин сохранял те же негативные коннотации, что и в Средневековье, когда он был выдуман. *Тартария* окончательно утратила свой «регионалистский» смысл и почти освободилась от «этнического» наполнения, отсылавшего к татарским народам, отождествлявшимся с монголами Чингисхана (эти нюансы сохранились только у историков)[463]. Термин *Тартария* стал все чаще использоваться как метафора «варварства» и фанатизма, обозначение территорий, где все еще существует рабство, ставшее неприемлемым в «цивилизованной» Европе, которая готова с ним сражаться во имя «прогресса» и «цивилизации».

Слово *Тартария*, которое превратилось в одно из оправданий европейского экспансионизма, в разных правописаниях[464] существовало во всех европейских языках, кроме русского, где не применялась европейская форма с буквой «р»[465]. Тем не менее россияне не остались в стороне от этого «цивилизаторского» движения. Если европейцы в XIX — начале XX в. называли *Tartares* варварские народы *Центральной Азии* и Тибета[466], в России предпочитали говорить о *варварах, фанатиках* и *дикарях*[467]. Этот терминологический выбор, как мы показали выше, в первую очередь был связан с тем, что слово *Тартария*, как и *Туран*, в «эволюционистских» схемах могло быть обращено против самой России. Так, Вамбери выстроил цепочку «татары — скифы — варвары — русские»[468] (порой в этот список также добавляли Гога и Магога, которых связывали со скифами). Подобные построения, конечно, были укоренены в традиции, восходившей к

459 Lewis, Wigen. 1997. P. 278, n. 88.

460 *Carte physique et politique de l'Europe*, 1835: Black. 2003. P. 98–100.

461 См. выпущенное в 1859 г. Карлом Фридрихом Нейманом (Karl Friedrich Neumann) переиздание записок солдата Иоганна Шильтбергера (Johann Schiltberger), которые служат исключительно ценным свидетельством о *Центральной Азии* и о державе Тимуридов в XV в. (Schiltberger. 1879). См. также издания Плано Карпини и Рубрука, опубликованные Географическим обществом, а также обзорные труды Николая Северцова (Severtzow. 1890) и Сэмюэла Перчаса (Samuel Purchas. 1905–1907).

462 Например, Дюбё (Dubeux) и Вальмон (Valmont) в книге *Univers Pittoresque* (1848. T. VI) приводят экзотические сведения о *Тартарии* (цит. по: Belin de Launay. 1882. P. XVII).

463 Среди многочисленных примеров в литературе XIX в. можно упомянуть Бичурина, который писал о том, что мусульманские историки называли северных монголов «татарами», а южных — «монголами»: Бичурин. 1950–1953. Т. I. 1950. С. 227. В 1877 г. лейтенант Гуго Штумм тоже использовал термин *Тартария* и утверждал, что население *Центральной Азии* состоит из двух «главных рас»: тюрко-татарской и индо-персидской (Stumm. 1877. P. 632).

464 Об использовании терминов *Tatarei* и *Tartarei* в германоязычном пространстве см.: Sidikov. 2003. P. 38–44.

465 Одним из редких исключений был Бичурин, который в 1851 г. использовал этот термин, правда, лишь один раз (Бичурин. 1950–1953. Т. I. 1950. С. 303). Кроме того, он фигурировал на нескольких картах, но они, как считается, были переводными.

466 Как, например, отец Эварист Регис Гюк (Huc. 1850), Люси Аткинсон (Atkinson. 1863), Томас Уоллес Нокс (Knox. 1870) и Роберт Баркли Шо (Shaw. 1871). Об этих путешественниках см.: Gorshenina. 2003. P. 187, 335, 338, 356.

467 См. расистские рассуждения Николая Пржевальского и их анализ: Brower. 1994; Schimmelpenninck van der Oye. 2001. P. 24–41.

468 Vámbéry. 1882. P. 436 (цит. по: Sidikov. 2003. P. 40).

Геродоту, средневековой Европе[469] и даже к эпохе Просвещения. Хотя российские интеллектуалы и политики приложили массу усилий к тому, чтобы их родину перестали именовать *Тартарией*, в западном общественном мнении этот термин прочно пристал к Российской империи, как о том свидетельствует популярность *Мишеля Строгова* (1876) Жюля Верна.

Под влиянием этих факторов к началу XX в. слово *Тартария* окончательно вышло из употребления ученых и до 1930-х гг. сохранялось лишь в художественной литературе.

В 1936 г. после путешествия в Синьцзян и Каракорум в компании со швейцаркой Эллой Майяр (Ella Maillart) корреспондент *Times* Питер Флеминг (Peter Fleming), брат Яна, создателя Джеймса Бонда, выпустил роман под названием *News from Tartary: a journey from Peking to Kashmir* (Новости из Тартарии: путешествие из Пекина в Кашмир)[470]. Там этот термин, несмотря на свою символическую нагрузку, все еще сохранял географическую связь с древней *Тартарией*.

Напротив, в *Il deserto dei Tartari* (Татарской пустыне), романе, который четыре года спустя опубликовал Дино Буззати (Dino Buzzati), этот топоним предстает как символ вторжения, случившегося некогда в прошлом, а его реальное географическое наполнение уступает место аллегории — он предупреждает о скрытой опасности, исходящей откуда-то с севера[471]. На этой мрачной ноте *Тартария*, превратившаяся в олицетворение бед, которые сулит будущее, утратив какую-либо привязку к конкретному времени и пространству, казалось, сгинула навсегда (с тех пор ее можно встретить лишь у художников, склонных к поэтическим метафорам)[472].

Однако не столь давно еще одно воспоминание о *Тартарии* появилось у Роже Брюне (Roger Brunet) и Вероник Рэ (Véronique Rey). Перифразируя Николая Гоголя, они охарактеризовали Евразию как пространство, протянувшееся от Богемии «к черту», и в несколько выспреннем духе добавили, что в контексте новой «Большой игры» в *Центральной Азии* «небо мрачнеет, а в водах Каспия вновь появились отблески Тартарии»[473].

В постсоветском академическом мире, который все еще пребывает в поисках новых универсальных концептов, термин *Тартария* был вновь извлечен из запасников в 2011 г. в Улан-Удэ — столице Бурятии, где стал выходить интеллектуальный журнал *Tartaria Magna*. Там *Тартария* означает «Хартленд» *Евразии*, территорию без четких границ и ясных характеристик, напоминающую *terra incognita*[474]. В псевдонаучном и сильно окрашенном национализмом дискурсе *Тартария* предстает как «подлинное» название России, которое Запад из ненависти к ней попытался «придать забвению»[475].

Попытка переизобрести *Трансоксиану*

Топоним *Трансоксиана* вновь обрел актуальность в аналогичных обстоятельствах. Он представляет собой современную стилизацию под Античность, которую д'Эрбело еще в XVIII в. предложил в качестве перевода арабского названия *Мавераннахр*.

Поскольку реальные обстоятельства появления термина *Трансоксиана* в среде эрудитов, восхищавшихся Античностью, быстро позабылись, публика в XIX — начале XX в. стала воспринимать этот топоним как аутентичный, подлинное наследие древних авторов. Потому он часто встречался в географических перечнях бок о бок с древнегреческими названиями центральноазиатских земель, как Бактриана, Согдиана и Хорезм (еще в XIX в. на эту ошибку обратили внимание немцы Роберт Рёсслер [Robert Roessler] и Поль Рорбах [Paul Rohrbach][476]).

469 Wolff. 1994. P. 11; Poe. 2000. P. 19–21.

470 Fleming. 1936.

471 Buzzati. 1989 [1-е изд. 1940].

472 См. альбом с фотографиями, посвященными жизни киргизских и туркменских погонщиков верблюдов из Афганистана, выпущенный Роланом и Сабриной Мишо (Roland et Sabrina Michaud) под названием «Караваны Тартарии» (1984).

473 Brunet, Rey. 1996. P. 4, 410.

474 http://www.tartaria-magna.ru/

475 См., напр., фильм «Marea Tartaria» (Светлана и Николай Левашовы, студия «Атакин», 2011): http://www.youtube.com/watch?v=H97vagoL-rTA.

476 Rohrbach. 1898. P. 62 (цит. по: Sidikov. 2003. P. 53).

Несмотря на критику, подобное обозначение было благосклонно встречено европейскими востоковедами — термин *Трансоксиана* позволял им взглянуть на эту часть *Центральной Азии* через призму ее завоевания «древними», которые воспринимались как предшественники «новых». Как саркастично писал Керзон, познания европейцев об истории *Центральной Азии* ограничиваются тремя персонажами — Александром Великим, Тамерланом и Кауфманом, — которые вершили свои дела в *Трансоксиане*[477].

В английской историографии, с ее склонностью использовать не автохтонные географические названия, которые кажутся «непроизносимыми», а античные термины или их современные производные, кажущиеся более «благородными», *Трансоксиана* была встречена с энтузиазмом. Картограф Томас Хангерфорд Холдич (Thomas Hungerford Holdich) отмечал, что в ходе делимитации границ британские комиссионеры, «за отсутствием лучшего имени», сохранили за горами вокруг реки Герируд античное название *Parapamisus* и что Амударья ими обозначалась исключительно как *Окс*; в аналогичном духе лорд Керзон называл центральноазиатские границы исключительно *limes*, как некогда именовали границы Римской империи[478].

Термин *Трансоксиана* также стал появляться у российских историков и востоковедов. Хотя они смотрели на этот регион с севера, и его потому следовало бы называть *Цизоксианой*, Бартольд использовал *Трансоксиану* как синоним *Мавераннахра*[479] и включил этот термин в научный словарь, где он, однако, все равно не слишком прижился.

В отличие от него, венгр Арминий Вамбери в своей книге *Histoire de Boukhara* (История Бухары) приложил массу усилий, чтобы ввести *Трансоксиану* в обиход исследователей[480]. Перечисляя неудобства, которые «центристская» терминология привносит в описания *Внутренней Азии*, он попытался обойтись без самого этого топонима и его синонимов (*Центральная / Средняя Азия*). В том, что касалось современной эпохи, он сосредоточил свое внимание исключительно на Бухарском эмирате, который описывал с помощью понятий из политического словаря; однако, повествуя о древних временах, он использовал обобщающий термин *Трансоксиана*. При этом он не сумел определить ни южные границы территории, которая в древности на левом берегу верхнего Окса доходила до лимитрофных районов, как Хатлон, Вахш, Балх, Кундуз, Кем, Меймене, Амуль и Чарджуй, ни тем более очертить северо-восточные — совсем уж загадочные — пределы этого ареала. В целом Вамбери приписывал «древней» *Трансоксиане* те же границы, что у современного ему Бухарского эмирата. Описывая ее географическое положение, он локализовал ее в северной части пояса (который он обозначил с помощью неоднократно менявшего свое значение термина *Центральная Азия*), протянувшегося от Тянь-Шаньских цепей к Каспийскому морю. Большая часть этой территории состоит из равнин, которые к востоку переходят в низину. Мы видим, что применение термина *Трансоксиана* требовало столько же оговорок, сколько и отвергнутая Вамбери *Центральная Азия*, так что в конце концов он решил его тоже вычеркнуть из своего научного словаря.

Тем не менее споры, бушевавшие в XIX в., не помешали *Трансоксиане* дожить до XX–XXI вв. Как ни странно, представление об аутентичности этого термина сегодня поддерживается его «антонимом» — *Оксианой*, которая стала известна в первую очередь благодаря *The Road to Oxiana* (Дорога в Оксиану) — путевым заметкам британского писателя Роберта Байрона (Robert Byron), опубликованным в 1937 г. Он использовал это слово для обозначения севера Афганистана и южного берега Окса. В реальности *Оксиана* восходит к названию народа, который, как писал Птолемей, обитал на правом берегу Окса — на территории, которую можно локализовать в районе Шерабад-дарьи к северу от Термеза[481].

Как и на заре XIX в., термин *Трансоксиана* сегодня используется наряду с древними топонимами (Иран, Хорезмия [Хорезм], Маргиана [Мари], Ария [Герат], Согдиана [Согд]), которые давно закрепились в современном географиче-

477 Curzon. 1889. P. 136.
478 Holdich. 1901. P. 112; Curzon. 1908. P. 8, 19, 21, 54.
479 См., напр., 5-й том «Сочинений» Бартольда (Бартольд. 1968).
480 Вамбери. 1873. P. II–III, XVIII–XIX, XXII, XXXII–XXXIII.
481 Rapin. 2005.

ском, историческом и археологическом дискурсе. Благодаря столь почтенным ассоциациям этот термин на полных правах вошел в научный словарь как свидетельство эрудиции[482].

Альтернативные наименования

Наряду с подобной терминологией время от времени появлялись топонимы, которые не были укоренены в геополитической мысли или в географико-детерминистских теориях и не имели корней в средневековых арабо-персидских, китайских или классических источниках.

Стремясь отыскать идеальное обозначение для этого географического ареала, немецкий исследователь Вилли Рикмер Рикмерс (Willi Rickmer Rickmers) отверг все существующие названия: «Западный, Русский, Китайский или Восточный Туркестан, Центральную, Среднюю или Внутреннюю Азию, Туран, Иран, Транскаспию, Трансоксанию, Бухару, Кашгарию, Тарим, Аралокаспию и т. д.» — и вместо них предложил термин *Дуаб*, который у него обозначал пространство между Амударьей и Сырдарьей, от их источников на Памире до Аральского моря[483]. Отметив, что западные авторы выдумали множество интернациональных названий, которые потеснили местные топонимы, сохранившиеся лишь на локальном уровне, он попытался отстоять свою идею. По убеждению Рикмерса, термин *Дуаб* хорош тем, что территория, которую он очерчивает, гомогенна в природном, человеческом и историческом плане и располагает четкими границами[484]. Концепт *Дуаба*, возможно, возник как своего рода аналог ближневосточной *Месопотамии* (*Междуречья*), где зародилось столько блестящих цивилизаций. В русскоязычном мире по тому же пути еще до Рикмерса пошел А. Воейков, который предложил назвать пространство между Сырдарьей и Амударьей *Средней областью*[485].

При этом Рикмерс не упоминал о многочисленных индийских *Дуабах*. По мнению Василия Бартольда, подобное «умолчание» обрекает терминологическое нововведение Рикмерса на забвение. По его словам, индийские *Дуабы* обычно располагаются между двумя реками, связанными в одну ирригационную систему, в то время как:

> «Амударья и Сырдарья в верхней части своего течения отделены одна от другой высокими горными цепями, в нижней — огромной пустыней; область между обеими реками не представляет (и никогда не представляла) ни в политическом, ни в этнографическом отношении самостоятельного целого; для будущей экономической жизни края местности, находящиеся вне "Дуаба", как Хивинское ханство и северная часть Ферганы с Наманганом, будут иметь во всяком случае не меньше значения, чем середина "Дуаба" — бассейн Зеравшана»[486].

В научной литературе XX в. также порой встречаются ошибочные переводы *Мавераннахра* как «Междуречья» или «Месопотамии», синонимичных *Дуабу*.

Столь же быстро канул в лету и термин *Азия Ахримана*, который Сергей Южаков (1849–1910) предложил использовать вместо *Турана*. Обращаясь к истории зороастризма, он сохранял противопоставление арийцев и туранцев: северные территории, где некогда располагалась «прародина» зороастризма, все равно представали как олицетворение Зла и прямая противоположность Ирана — *Азии Ахуры-Мазды*, божества, олицетворявшего в зороастризме добрые силы[487].

Аналогично оказалось забыто и предложение Эриха Цугмайера (Erich Zugmayer), который назвал одну из трех частей *Внутренней Азии* термином *Mittel-Asien*. По его убеждению, эта территория была похожа на низины, лежащие между Тигром и Евфратом[488].

---

482 Напр., Сват Соучек использовал этот термин для описания территорий, лежащих за средним и нижним течением Амударьи, но не дальше Сырдарьи: Soucek. 2000. P. 14, 25. В постсоветском мире сборник, выпущенный к юбилею узбекистанского академика Эдварда Ртveладзе, носил название «Трансоксиана» (М., 2004).

483 Rickmers. 1913. P. 1.

484 Ibid. P. 2.

485 Мушкетов. 1936. С. 5.

486 Бартольд. 1965б. С. 296.

487 Южаков. 1885. С. 52–55; Hauner. 1992 [1990]. P. 52; Laruelle. 2002a. P. 418.

488 Zugmayer. 1905 (цит. по: Sidikov. 2003. P. 62–63).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Картографическая терминология как отражение геополитики

На первых этапах кристаллизация понятия *Средняя* / *Центральная Азия* проходила в условиях сосуществования двух (русской и западной) моделей описания этого региона, которые были несовместимы друг с другом, но одинаково демонстрировали прямую зависимость между этим термином и господствовавшими тогда геополитическими теориями.

Русский взгляд на *Среднюю* / *Центральную Азию*, который делил ее на составные части без привязки к намеченной Гумбольдтом оппозиции *возвышенности — низины*, со временем оказался крайне политизирован. Под влиянием геополитических интересов России предложение Гумбольдта структурировать этот регион, отталкиваясь от вертикальной оси, было пересмотрено на терминологическом уровне: замена выражения *Туран — низины* на *Среднюю Азию* позволило представить южные колонии России как центральные или срединные земли и тем повысить престиж этих территорий. Подобный сдвиг стал в дальнейшем еще заметнее благодаря переосмыслению теорий Рихтгофена: его *Центральная Азия*, совпадавшая с *сердцем Внутренней Азии*, о котором писали западные авторы, была смещена из *китайского Туркестана* и *Высокой Азии* в сторону *русского Туркестана*.

Такой пересмотр русской терминологии был связан с тем, что на XIX в. пришелся пик увлечения концептом центра (это видно по теориям Ратцеля и в особенности Маккиндера и Реклю). Он позволял выстраивать спекулятивные геополитические модели на основе мелкомасштабных карт, где были схематично указаны коалиции и потенциальные противники. На рубеже XIX–XX вв. политико-стратегические теории, которые часто проецировались на *Среднюю* / *Центральную Азию*, утверждали, что, дабы установить свою власть над миром, необходимо овладеть *сердцем континента*, а следовательно, и мира.

Рассчитывая, куда им выгоднее направить свои экспансионистские устремления, колониальные державы стали рассматривать географические наименования как важный фактор. Так *Средняя* / *Центральная Азия* в силу своего имени приобрела метафизический статус центра мира и превратилась в *осевую зону*, где вершится История. Это объясняет, почему русские интеллектуалы с таким усердием ринулись в битву за названия *Средняя* и *Центральная Азия* и почему, в отличие от западных авторов, они локализовали *центр Азии* на своей территории. Тот факт, что эти, «свои», земли называли исключительно *Средней Азией*, укреплял претензии России на роль *Срединного мира*. Именно геополитический контекст позволяет понять, почему российские элиты сначала отказывались именовать *русскую Среднюю Азию Тураном*, а потом, напротив, стали активно использовать этот термин. Кроме того, споры о слове *Туркестан* демонстрируют еще один, строго наступательный аспект внешней политики, которую проводила Российская империя.

В конечном счете разделение региона на две половины со своими названиями (*Средняя Азия* для территорий, лежавших *внутри империи*, и *Центральная Азия* для *приграничных земель, которые еще предстояло завоевать*), а также обозначение русских владений в Азии как *Туркестана* позволили очертить границы *русского Туркестана*, при этом отделив его от лимитрофных регионов: *китайского Туркестана* и *афганского Туркестана*, которые в будущем тоже могли быть присоединены к империи, чтобы собрать *Туркестан* воедино. Пара *Средняя Азия — Центральная Азия* также стала в обязательном порядке использоваться во всех публикациях, переведенных на русский с европейских языков, в частности, в книгах и статьях Свена Хедина.

Разграничение между *Средней Азией* и *Центральной Азией*, а также характерное для России членение «восточного» / «азиатского» про-

Ил. 15. *Ю. М. Шокальский. Деталь Карты Азиатской части СССР, представляющая Среднюю Азию на последних этапах национально-территориального размежевания. In Географический атлас. Л.: Госкартогеодезия, 1931.*

странства в соответствии с принципом матрешки (*Малая Азия — Ближний Восток — Средний Восток — Дальний Восток*) были порождены русскими геополитическими проектами XIX — начала XX в. Они были сформулированы с 1860-х гг. сразу по множеству направлений, а для их легитимации использовался ряд философских, религиозных или политических теорий, которые оставались довольно смутны[489].

На Западе полагали, что использование русскими специалистами всех этих терминов свидетельствовало о том, что их дискурс, утратив научную базу (которая тогда означала верность географическому детерминизму), перешел в геополитическую плоскость, поскольку границы *Средней Азии,* или *русской Азии*, определились лишь ходом завоеваний, а также успехами в «Большой игре» (1860–1900) и не имели каких-либо «легитимных» (географических, этнографических или лингвистических) оснований.

Несмотря на крайне политизированное наполнение, оппозиция *Средняя Азия — Центральная Азия* оставалась и остается отличительной чертой русской, а затем советской и постсоветской традиций, хотя смысл обеих составляющих постоянно пересматривался. При этом ни один из альтернативных терминов, введенных в XIX — начале XX в., так и не сумел прижиться.

Несмотря на многообразие научно-философско-геополитических построений, которые были проанализированы выше, решающую роль в становлении концепта *Средней / Центральной Азии* сыграло национально-политическое размежевание, осуществленное советской властью в 1924–1936 гг.[490] (ил. 15). Этот политический акт привел

489 Gorshenina. 2012. P. 45–94.

490 Текст, начинающийся с этого параграфа и немного измененный, был опубликован в материалах форума «Что такое “региональные исследования” в современной антропологии (на примере Центральной Азии)» (Антропологический форум. 2016. N° 28. С. 46–50).

к череде терминологических манипуляций и несуразиц. Выражение *Средняя Азия и Казахстан*, в котором под *Средней Азией* подразумевались новообразованные республики Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан и Туркменистан, соседствовало со *среднеазиатским экономическим регионом*, где к этим четырем республикам добавлялись южные районы Казахстана. Такая конфигурация систематически применялась в советских гуманитарных науках, где к 1936 г. это выражение было заменено на более краткую версию — *Средняя Азия*. В естественных же науках под термином *Средняя Азия* нередко понимали все азиатские республики Советского Союза, включая весь Казахстан целиком.

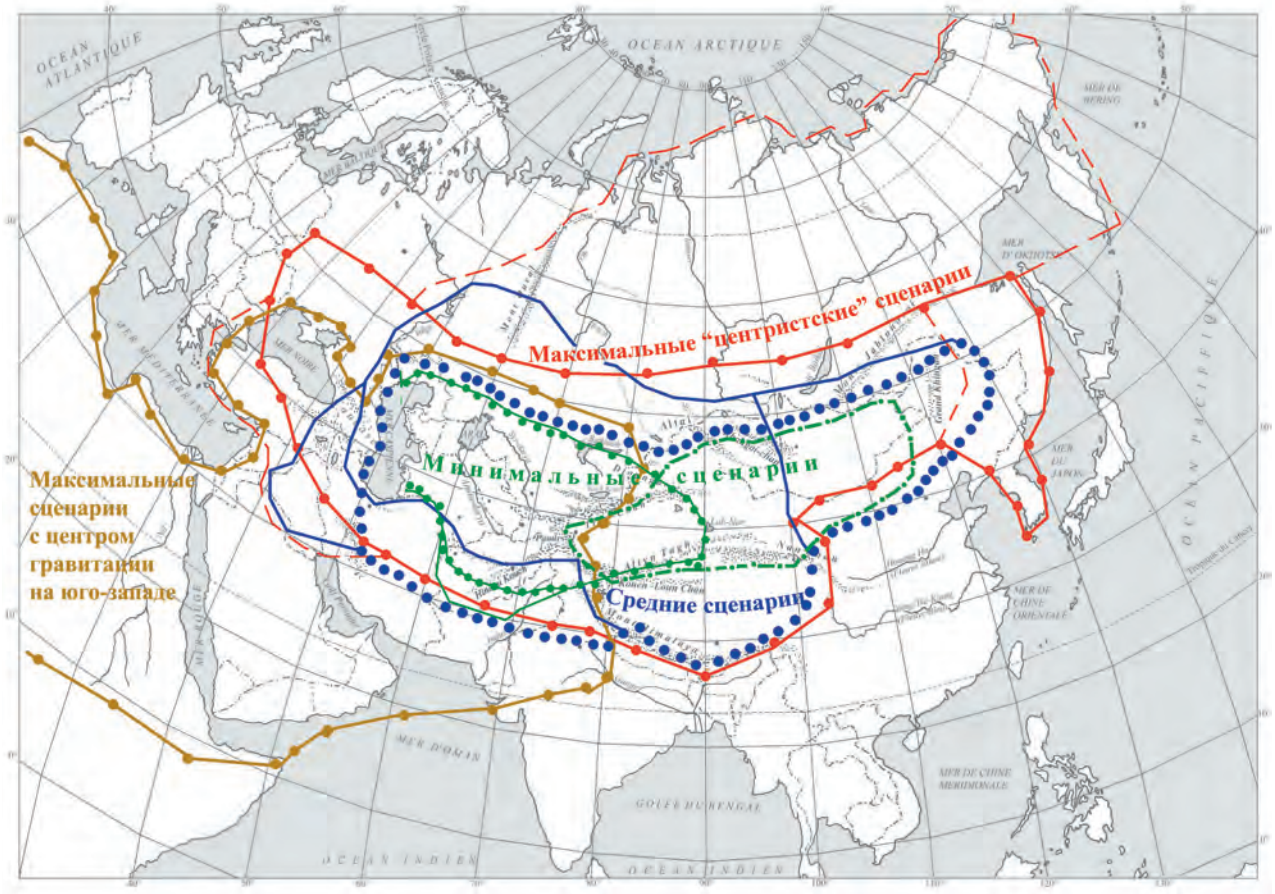
Однако чистка советской терминологии и кодификация официального научного языка привели в сталинское время к новому витку уточнения географических терминов, который традиционно начался среди геологов. Дмитрий Мушкетов (1936) и Владимир Обручев (1942) вернулись к давней идее Рихтгофена и предложили обозначить термином *Средняя Азия* исключительно советские владения, а термином *Центральная Азия* — частичную сумму «центральной» и «транзитной» зон, очерченных немецким географом, однако ограничив ее на востоке государственными рубежами СССР; конфигурация *Центральной Азии* в этом понимании продолжала меняться от публикации к публикации.

Параллельно дебатам среди советских ученых в западной науке с 1920-х по 1960-е гг. произошел переход от архитектоники «континентов», в соответствии с которой ранее строилось все научное знание, к логике «культурных регионов». В ходе этой эпистемологической революции внутренние территории азиатского континента были, по критериям *Area Studies*, разделены между русским, иранским, тюркским и китайским мирами и... оказались практически невидимыми для научного сообщества и политического истеблишмента. Интерес к *Средней / Центральной Азии* как особому ареалу вновь проявился в 1980-е гг., а вместе с ним — на новом витке терминологических поисков, заметных при чтении многочисленных энциклопедий и словарей 1980–1990-х гг., — возродился и весь предыдущий набор топо- и географических наименований.

Развал Советского Союза и стремление независимых республик отказаться от советского наследия на первых порах привели к появлению множества скороспелых гибридов. Например, узбекистанские специалисты, отвергнув термин *Средняя Азия*, который слишком ассоциировался с советским прошлым и засильем Москвы, в пользу *Центральной Азии*, не изменили наполнения этого понятия и поспешно стали издавать карты под названием «Центральная Азия и Казахстан» (1994–1998). Еще одним распространенным вариантом стало наименование всех бывших азиатских республик СССР, включая Казахстан, единым термином *Центральная Азия*. Он был при единогласной поддержке официально одобрен в 1993 г. на саммите глав новых независимых республик. Исчезновение «железного занавеса» привело к возвращению уже давно забытых в советском мире выражений *Внутренняя Азия* и *Евразия*, которые на годы вперед стали намного популярнее *Средней Азии*. За этим выбором легко читается стремление независимых республик придать себе «вес» на политической арене. Заявив о своей «центральной роли в азиатском регионе», их лидеры символически заявили о своем намерении отказаться от российской опеки и одновременно противопоставили постсоветское азиатское пространство другим геополитическим объединениям, как *Большая Турция* или *Большой Китай*.

Первые теракты, случившиеся в Узбекистане в 1999 г., привели к возвращению термина *Средняя Азия* как обозначения всех бывших республик этого региона. С помощью такого терминологического жеста они стремились отмежеваться от стран, причисленных Джорджем Бушем к «оси зла», и закрепить за собой место во «Втором» (постсоветском) мире, дистанцировавшись от «Третьего» (развивающегося). С той же целью в обиход вновь ввели термин *Евразия* («большая», «центральная» или «внутренняя»), который легко заменялся на *Внутреннюю Азию* (при этом контуры обозначаемого так пространства оставались крайне расплывчаты). Кроме того, вновь оказались востребованы теории Маккиндера, породившие выражение *Eurasia's Heart*. При этом в качестве приблизительного синонима любого из перечисленных выше терминов продолжала применяться *Центральная Азия*.

В условиях перекройки политической карты мира и демонтажа «железного занавеса», отделявшего советскую / постсоветскую систему от стран Запада, научное сообщество вновь



Ил. 16. *Схематическое представление ныне существующих концептов Средней / Центральной Азии.*

оказалось перед терминологической дилеммой. Взывая к богатому наследию как минимум двух последних столетий (не говоря уже о традиции античных авторов), публикации трех последних десятилетий продемонстрировали свою неготовность к переосмыслению структуры пространства и научных полей. До сих пор при определении границ *Средней / Центральной Азии* господствует принцип исключения и описания периметра. На его основе на сегодняшний день предлагается множество сценариев — от минималистских, ограничивающих *Среднюю Азию* границами Узбекистана, до глобальных, раздвигающих ее до *Большой Евразии*, простирающейся с севера на юг и с востока на запад от моря до моря (ил. 16).

Вместе с тем исследователями были предложены интересные ходы, позволяющие по-новому определять пространство, вне привязки к географическому детерминизму, принципу «центричности», геополитическим интересам национальных государств и транснациональных группировок, а также линейному позитивизму, связанному с европоцентризмом и западным империализмом.

Эти пространственно-терминологические дискуссии, ставшие с 1983 г. многоактовыми, помогли осознать, что определение региона зависит не от его положения в пространстве, ни от климата и ни от рельефа или удаленности от мирового океана. Исследователи пришли к согласию и в том, что границы региона не являются ни естественно-географической, ни метафизической данностью, и что их определение зависит от тех критериев, которые были избраны для конструирования конкретного концепта (природно-естественного или социально-культурно-религиозно-этническо-лингвистическо-политического типа).

Несмотря на то, что многочисленные споры пока не привели к единому результату и что в основе дискуссий до сих пор остаются воображаемые критерии, важной отправной точкой для последующих рассуждений являются следующие идеи:

- *средне-/центрально-азиатский* регион в первую очередь должен быть определен как «культурно-исторический», а не как «естественно-географический» или «политический»;
- необходимо отказаться от телескопического подхода, предполагающего анализ исторической реальности через призму современной политической карты;
- важно признать изменчивость контуров региона в разные исторические периоды;
- необходимо отказаться от «средних» показателей, воображаемых индикаторов и строгих умозрительных схем и сосредоточить внимание на исторических процессах вместе с социальными, интеллектуальными и духовными практиками, которые формируют человеческие сообщества;
- определение регионов должно осуществляться не в изоляционистской перспективе на основе исключительно внутренних характеристик, а с учетом взаимодействия с соседними «мирами».

Принятие подобной перспективы приведет к тому, что контуры и содержание понятий *Средняя / Центральная Азия* окажутся расплывчатыми и будут меняться в зависимости от избранного угла зрения и периода, которому посвящено исследование. Вместе с тем константным остается определение *Средней / Центральной Азии* как региона, который, будучи трансконтинентальным перекрестком для нескольких соседствующих «миров» (тюркского, иранского, индийского, китайского, русского), в прошлом был представлен главным образом тюрко-монгольской и иранской культурой. Его облик определялся взаимодействием пасторализма и оазисной агрокультуры, многовекторным культурным трансфером и широкой палитрой религиозных верований, с доминантами буддизма и ислама.

Что касается названия этого региона, то при столь противоречивом терминологическом наследии *Средняя / Центральная Азия* не нуждается в изобретении новых терминов, более или менее подкрепленных «научными критериями». Более продуктивной на сегодняшний момент представляется мысль о том, что уже существующие термины должны использоваться как своеобразные этикетки, которые в каждом исследовательском случае приобретают несколько иное наполнение. Такой осторожный, отнюдь не революционный подход поможет избежать дальнейшей терминологической эскалации и бесконечной апелляции к уже многократно использовавшимся критериям, которые были отброшены за неадекватностью.

Подобная позиция не означает отказа от признания значимости *Средней / Центральной Азии*. Традиционное ассоциирование этого региона или его отдельных составляющих с тюркским, иранским, индийским, тибетским, монгольским, китайским и российским мирами ведет только к его расчленению между ними и маргинализирует его положение в гуманитарных науках. Поэтому, несмотря на всю «ущербность» и тяжелую «наследственность» нынешней терминологии, мне кажется, что утверждение *Средней / Центральной Азии* в качестве самостоятельного объекта исследований в региональном структурировании научного пространства остается важной задачей для всех заинтересованных специалистов.

Библиография[1]

Ажигали С. Е., 2006: Древности «страны-кратера». Об истории и культуре кочевого Арало-Каспия. Алматы: б/и. 64 с.

«Азия», 1890: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. (изд.). Энциклопедический словарь. СПб.: Типография Брокгауз-Ефрон. Т. 1. 1890. С. 214–232.

Андреев А. И., 2006: Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во СПбГУ. 464 с.

[Анучин Д. Н.], 1894: Московская географическая выставка 1892 года // Д. Н. Анучин (изд.). Землеведение. Периодическое издание Географического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Кн. 1. СПб.: Мамонтов. С. 1–57.

Азиатская Россия, 1914: СПб.: Издание переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. В 2 т.

Бартольд В. В., 1902: Туркестан. История древняя // Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон (изд.). Энциклопедический словарь. СПб.: Типография Брокгауз-Ефрон. Т. 34. 482 с. С. 203–204.

Бартольд В. В., 1963: Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М.: Наука; Изд-во восточной литры. 760 с.

Бартольд В. В., 1965а: Туркестан (статья из «Энциклопедии ислама») // Сочинения. Т. 3. М.: Наука; Изд-во восточной лит-ры, 1965а. С. 518–520. Французский перевод этого текста: Houtsma M. Th., Wensinck A. J., Basset R., Schaude A. T. W. (éd.). Encyclopédie de l'Islam. Dictionnaire géographique, ethnographique et biographique des peuples musulmans. Leiden: E. Brill. 1934. 1ère éd., T. IV. P. 942–943; вновь опубликовано с добавлениями C. E. Bosworth: Encyclopédie de l'Islam. Leiden: E. Brill. 2002. P. 786–787.

Бартольд В. В., 1965б: Рецензия на книгу В. Рикмер Рикмерса // Сочинения. Т. 3. М.: Наука; Изд-во восточной лит-ры. Т. 3. С. 294–296.

Бартольд В. В., 1977а: История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т. 3. М.: Наука; Изд-во восточной лит-ры. С. 199–482.

Бартольд В. В., 1977б: Состояние и задачи изучения истории Туркестана // Сочинения. Т. 9. М.: Наука; Изд-во восточной лит-ры. С. 510–521.

Бартольд В. В., 1977в: Исторические и географические труды В. С. Васильева // Сочинения. Т. 9. М.: Наука; Изд-во восточной лит-ры. С. 619–628.

Бехматова Н. Е., 1997: Казахстан и Средняя Азия // Национальные окраины Российской империи. Становление и Развитие системы управления. М.: Славянский диалог. С. 323–351.

Бичурин И. Я., 1950-1953: Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. Т. 1. 1950. 381 с.; Т. 2. 1950. 333 с.; Т. 3. 1953. 326 с.

Богоявленский Н. В., 1906: Западный застенный Китай: его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб.: Типография А. С. Суворина. 418 с.

БСЭ, 1977: Большая советская энциклопедия / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия. Т. 26. 622 с.

Вальская В. А., 1971: Яков Владиморович Ханыков (1818–1862) // Страны и народы Востока. Средняя и Центральная Азия. География. Этнография. История. Т. 10. М.: Наука. Изд-во восточной лит-ры. С. 218–240.

1 Публикации, выделенные звездочкой, мною лично не были просмотрены.

Вальская В. А., 1976: Дискуссия в географическом обществе о русском словаре географической терминологии Я. В. Ханыкова (1847) // Страны и народы Востока. Т. 18. М.: Наука; Изд-во восточной лит-ры. С. 242–268.

Вамбери А., 1873: История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего / пер. А. И. Павловского. СПб.: Издание Я. И. Исакова. 274 с.

* Васильев В. П., 1852: Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 73. Ч. 2. С. 117–132.

Вельяминов-Зернов В. В., 1852-1855: Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр-хана. Уфа: Губернская типография. Т. 1. 1853. 231 с.; Т. 2. 1855. 64 с.

Вернадский Г. В., 1927: Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Париж. Кн. 5. С. 153–164.

Вревский А. Б., 1896: Протокол заседания членов — учредителей Туркестанского кружка любителей археологии. 11 декабря 1895 года // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент: Типолитография братьев Порцевых. С. 1–3.

Герцен А., 1958: Россия и Польша // Собр. соч. в 30 т. Т. 14 (701 с.). М.: Изд-во Академии наук СССР. С. 7–59.

Гирс Ф., 1884: Отчет ревизирующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб. 463 с.

Гнучева В. Ф., 1940: Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры. Описание архивных материалов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 310 с.

Горшенина С., 1999: Туркестанские путешествия Шарля-Ежена Ужфальви // Р. Мурадов (изд.). Культурные ценности — Cultural Values: 1997–1998. Bibliotheca Turkmennica. СПб.: European House. С. 227–234.

* Григорьев В. В., 1871: О скифском народе Саках. Историческая монография. СПб. 202 с.

Григорьев В. В., 1872: Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CLXIII. СПб.: Типография В. С. Балашева и К°. 48 с.

Григорьев В. В., 1874: Российская политика в отношении к Средней Азии // Сборник государственных знаний. Т. 1. СПб.

* Григорьев В. В., 1879–1880: Труды третьего Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. 1876. Т. 1. СПб.: Типография братьев Пантелеевых. 606 с.

Гумбольдт А., 1915: Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии. Т. 1. М.: Типография лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°.

Данилевский Н. Я., 1895: Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. 5-е изд. СПб.: Издание Н. Страхова. Типография братьев Пантелеевых. 629 с.

Дмитриев Г. Л., 1976: Депеша Е. Скайлера и проблемы среднеазиатской политики царизма 70-х годов XIX века // Материалы по истории, историографии и археологии. Сб. научных трудов ТашГУ. N° 517. Ташкент: ТашГУ.

Достоевский Ф. М., 1995 [1881]: Геок-тепе. Что такое для нас Азия? // Дневник писателя. 1881. Январь. Гл. 2. III. Собр. соч. в 15 т. СПб.: Наука. Т. 14. С. 503–508.

Дьякин В. С., 1998: Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX–XX вв.). СПб.: Liss, 1041 с.

Загородникова Т. Н., 2004: «Индийский поход» русской армии // Vostok-Oriens. N° 3. С. 134–142.

Зайцев В. П., 1903: Памирская страна — центр Туркестана // Ежегодник Ферганской области. Т. II. Фергана: Ферганский областной статистический комитет. Т. 2. С. 1–78.

Замятин Д. Н., 2002: Русские в Центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // Vostok-Oriens. N° 1. С. 43–63. Статья перепечатана в книге: Замятин Д. Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.

Зотов О. В., 2005: «Большая» Средняя Азия в геополитических реалиях XXI в. (о проблемах, выскрытых в публикациях журнала «Восток-Oriens») // Восток-Oriens. N° 5. С. 211–221.

Камбелл Е., 2002: К вопросу об ориентализме в России (во второй половине XIX — начале XX века) // Ab Imperio. Vol. 1. P. 311–322.

Катанаев Г. Е. , 1899: Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии (из истории трехсотлетней службы сибирских казаков). Ч. 1. XVI и XVII столетия. Вып. 1. Омск: Типография Штаба Сибирского военного округа, XVIII–86 с.

Кауфман К. П., 1885: Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 503 с.

Кляшторный С. Г., 2003: Россия и тюркские народы: евразийский аспект // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература РАН. С. 5–26.

Курбановский А., 2011: Ориентализм: народность как «экзотика» // Искусствознание. Вып. 11. N° 1–2. С. 79–115.

Куропаткин А., 1910: Задачи русской армии. СПб.: Склад В. А. Березовского. Т. 3: Задачи армии, не связанные с русской национальной политикой. VI–526 с.

Лавренова О. А., 1998: Географическое пространство в русской поэзии XVIII — начала XX в. (геокультурный аспект). М.: Российский НИИ культурного и природного наследия. 96 с.

Ламанский В., 1892: Три мира азиатско-европейского материка. СПб.: А. Траншель. 132 с.

Левин И., 1930: Материалы к политике царизма в области письменности «инородцев» (из доклада на выставке Комакадемии «Новая письменность народов СССР») // Культура и письменность Востока. Баку: Изд-во ВЦК НТА. N° 6. С. 3–19.

* Левитов И. С., 1905: Желтороссия как буферная колония. СПб. 120 с.

Леонтьев К. Н. 1996а: Письма о восточных делах // Восток. Россия и Славянство. Философская и публицистическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / под ред. Г. Б. Кремнева. М.: Республика. С. 353–390.

Леонтьев К. Н., 1996б: Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Восток. Россия и Славянство. Философская и публицистическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / под ред. Г. Б. Кремнева. М.: Республика. С. 400–431.

Лярюэлль М., 2004: Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. М.: Natalis. 288 p. Перевод с французского: L'Idéologie eurasiste russe ou comment penser l'empire, préf. de Patrick Sériot. Paris: l'Harmattan. 423 p.

Маев Н. А., 1872: Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. Вып. I. География и статистика. М.: Университетская типография. 133 с. + 46 с.

Максименко В. И., 2000: Центральная Азия и Кавказ: основание геополитического единства // Центральная Азия и Кавказ. N° 9 (http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/08.Maksimen.shtml).

Макшеев А. И., 1878: Географические сведения Книги Большого чертежа о Киргизских степях и Туркестанском крае // Известия Российского императорского географического общества. Т. 14. С. 1–41.

Масальский В. Л., 1900: Средняя Азия / Центральная Азия // Ф. А. Брокзауз, И. А. Ефрон (изд.). Энциклопедический словарь. СПб.: Типография Брокгауз-Эфрон. Т. 31. С. 351.

Масальский В. Л., 1903: Центральная Азия // Ф. А. Брокзауз, И. А. Ефрон (изд.). Энциклопедический словарь. СПб.: Типография Брокгауз-Эфрон. Т. 75. С. 24.

Масальский В. Л., 1913: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. Т. 19. Туркестанский край. Изд. В. С. Семенов-Тян-Шанский, С. С. Семенов-Тян-Шанский и В. И. Ламанский. СПб.: Изд-во А. Ф. Дебриена. X–861 с.

Маслова О. В. 1955–1971: Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию (Материалы к библиографии). Ташкент: Изд-во САГУ. Т. 1: 1715–1856. 1955. 83 с.; Т. 2: 1856–1869. 1956. 102 с.; Т. 3: 1869–1880. 1862. 180 с.; Т. 4: 1881–1886. 1971. 136 с.

Мейендорф Е. К., 1975: Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука.

Мейер Л., 1865: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Т. 10. СПб.: Типография Э. Веймара ет Ф. Персона Ч. «Исторический очерк». 87 с. Ч. «Географическое описание Киргизской степи». 288 с.

Менделеев Д. И., 1912: К познанию России. 7-е изд. СПб.: Изд-во А. С. Суворина. 157 с.

Муравьев Н., 1822: Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Т. 2. М.: Типография Августа Семена. 145 с. (см. перевод на французский, сделанный Клапротом: Mouraviev. 1823).

Мушкетов И. В., 1886: Туркестан. Географическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 гг. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича (1-е изд: 1913; 2-е изд.: Петроград: Типография М. М. Стасюлевича. 1915. 854 с.).

Мушкетов Д. И., 1936: Тектоника Средней Азии. Ташкент: Гос. изд-во УзССР. 133 с.

Назаров Ф., 1821: Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного сибирского корпуса переводчика, посылаемого в Коканд в 1813 и 1814 годах. СПб.: Императорская академия наук. 98 с.

Обручев В. А., 1895: Орография Центральной Азии и ее юго-восточной окраины // Известия Российского императорского географического общества. Т. XXXI. Ч. 3. С. 253–344.

Обручев В. А., 1915: Изменение взглядов на рельеф и строение Центральной Азии от А. Гумбольдта до Ед. Зюсса // А. Гумбольдт. 1915.

Обручев В. А., 1948: Вклад русских ученых в исследование Центральной Азии // Труды Второго Всесоюзного географического съезда — 1947. Т. 1. М.. С. 91–108.

Обручев В. А., 1951: Избранные работы по географии Азии. Т. 1. М.: Гос. изд-во географической лит-ры. 501 с.

Постников А. В. Карты земель российских: очерк истории географического изучения и картографирования нашего отечества. М.: Наш дом — L'Âge d'Homme. Серия: Культурное наследие России. 194 с. Сокращенная версия: Outline of the History of Russian Cartography // Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. Towards a Discipline of 'Regionology'. 1998 Summer Symposium. Hokkaido University. Slavic Research Centre. 2000. P. 1–49.

Правилова Е. А., 2005: Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М.: Новое издательство. 456 с.

Реклю Э., 1906-1909: Человек и Земля / пер. с французского П. Ю. Шмидта. СПб.: Изд-во Брогауз-Ефрон. В 6 т. (Т. 3. 1907. 622 с.; Т. 4. 1907. 640 с.).

* Райджвей, 1888: Новая афганская граница капитана Райджвея. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. xxix. СПб.

Рычков П. И., 1762: Топография оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Т. 2. СПб.: Типография при Императорской академии наук. 262 с.

* Савельев С., 1848: Средняя Азия. Обозрение географических открытий и путешествий, совершенных в Средней Азии с древнейших времен до наших дней. Карманная книжка для любителей землеведения, издаваемая от Русского императорского географического общества. СПб.

Савицкий П. Н., [после 1924]: Географические и геополитические основы евразийства // Петр Савицкий. Континент Евразия / изд. А. Г. Дугин. М.: Аграф. 1997. С. 295–303.

Савицкий П. Н., [после 1930]: Евразийская концепция русской истории // Петр Савицкий. Континент Евразия / изд. А. Г. Дугин. М.: Аграф. 1997. С. 123–126.

Савицкий П. Н., 1926: Евразийство // Петр Савицкий. Континент Евразия / изд. А. Г. Дугин. М.: Аграф. 1997. С. 81–98.

Сборник договоров, 1952: Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917. М.: Гос. изд-во полит. литры. 462 с.

Семенников В. В., 1925: За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л.: Гос. изд-во. 170 с.

Семенов П. П., 1900: Окраины России. Сибирь. Туркестан. Кавказ и полярная часть Европейской России. СПб.: Брокгауз-Ефрон. 288 с.

Семенов Тян-Шанский П. П., 1888: Туркестан и Закаспийский край в 1888 году // Известия Русского императорского географического общества. СПб. Т. XXIV. С. 289–326.

Семенов Тян-Шанский П. П., 1896: История полувековой деятельности Императорского русского географического общества 1845–1895 / При участии А. А. Достоевского. СПб.: Типография В. Безобразова & К°. Ч. 1. Отдел 1. 2 & 3. 468 с.; Ч. 2. Отдел 4. С. 470–979; Ч. 3.

Семенов Тян-Шанский В. П., 1915: О могущественном территориальном владении применительно к России // Известия Императорского русского географического общества. Т. 51. Вып. 8. С. 425–457.

Снесарев А. Е., 1906: Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб.: А. С. Суворин. 173 с.

Снесарев А. Е., 1908: Англо-русское соглашение 1907 года. Отдельный оттиск из журнала «Общество ревнителей военных знаний». СПб. 30 с.

Снесарева Е. А., 1986: Снесарев Андрей Евгеньевич // Народы Азии и Африки. N° 4. С. 117–122.

Советская историческая энциклопедия, 1973: Советская историческая энциклопедия / изд. Е. М. Юков. Т. 14. М.: Советская энциклопедия. 1038 с.

Сухова Н. Г. 1990: Карл Риттер и географическая наука в России. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 201 с.

Трубецкой Н. С. [псевдоним И. П.]. 1925: Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин: Евразийское книгоиздательство. 60 с.

Улунян А., 2008: «Большая Центральная Азия»: геополитический проект или внешнеполитический инструмент? // http://www.ferghana.ru/article.php?id=5655&PHPSESSID=c0d6040766288cfbf1567f19e3302a35. Опубликовано 04.04.2008.

Ухтомский Э. Е., 1891: От калмыцкой степи до Бухары. Путевые очерки. СПб.: Типография князя В. Н. Мещерского. 213 с.

* Ухтомский Э. Е., 1900: К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб.: Восток.

Фадеев Р. А., 1870: Мнение о восточном вопросе. СПб. 98 с.

Федотов Г. П., 1989: Три столицы // Новый мир. N° 4. С. 209–217.

Федчина В. Н., 1967: Как создавалась карта Средней Азии. М.: Наука. 132 с.

* Флоринский В. М., 1894: Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Томск. Т. 1. 1894. 355 с.; Т. 2. 1896. 272 с.

Ханыков Н. В., 1843: Описание Бухарского ханства. СПб.: Типография Императорской академии наук. 279 с.

Ханыков Я. В., 1850: Список мест в северо-западной части Средней Азии. Подготовлено в сотрудничестве с Ю. В. Толстым. [6]-41 с.

Ханыков Я. В., 1951: Объяснительная записка к карте Арала и Хивинского ханства // Записки Императорского русского географического общества. Т. 5.

Чихачев П., 1849: Об исследовании вершин Сыр- и Амударьи и нагорной площади Памир // Записки Русского географического общества. Кн. III. СПб.: Типография второго отделения собственной Е. И. В. канцелярии. С. 20–49.

Ширина Д. А., 1994: Петербургская академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. Новосибирск: Наука. 272 с.

Шпринцин А. Г., 1976: Обозначение топонимов «Средняя Азия» и «Центральная Азия» в различных языках // Страны и народы Востока. Т. 18. М.: Наука; Изд-во восточной лит-ры. С. 281–286.

Эткинд А., 2001: Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. N° 49. С. 50–74.

Эткинд А., 2002: Время бритого человека, или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio. N° 1. С. 265–298.

Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. (изд.), 2012: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое литературное обозрение. 960 с.

Южаков С. Н., 1885: Англо-русская распря. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза». 106 с.

* Akiner Shirin, 1998: Conceptual Geographies of Central Asia // Shirin Akiner, Sander Tideman, and Jon Hay (ed.). Sustainable development in Central Asia. New York: St. Martin's Press. 1998. P. 3–62.

Alai Cyrus, 2005: General maps of Persia. 1477–1925. Leiden, Boston: Brill; collection: Handbook of Oriental studies; Section 1. The Near and Middle East. V. 80. XV–317 p.

Angenot Marc, 1996: Les idéologies du ressentiment. Montréal: XYZ éditeur. 175 p.

Annenkov, 1889: Ressources que l'Asie centrale pourrait offrir à la colonisation russe. Résumé de la conférence faite à la Société Impériale de géographie à Saint-Pétersbourg dans la séance des 8–20 mars 1889. Без данных. P. 237–254.

Anthon Charles, 1850: A System of Ancient and Mediaeval Geography for the use of schools and colleges. New York: Harper and Brothers. 769 p.

Anville Jean-Baptiste Bourguignon d', 1769: The Russian Empire Europe from the Sr. D'Anville, of the Royale Académie des Belles-Lettres and of the Academy of Sciences at Petersburg, by J. Bayly. Geogr. London: Carington Bowles.

Argand Emile, 1924: La tectonique de l'Asie: conférence faite à Bruxelles le 10 août 1922, devant le Congrès géologique international (XIIIe session). Отдельный оттиск [Liège: Vaillant-Carmanne]. P. 172–372.

Atkinson Lucy, 1863: Recollections of Tartar Steppe and their Inhabitants. London: J. Murray. XVI–351 p.

Bacqué-Grammont Jean-Louis, 1972: Tûrân. Une description du Hanat de Hokand vers 1832 d'après un document ottoman // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 12. P. 192–231.

Bacqué-Grammont Jean-Louis, 1996: Les routes d'Asie centrale d'après le Cihân-Nümâ de Kâtib Çelebi // Cahiers d'Asie centrale. N° 1–2. P. 311–322.

Baddeley John Frederic, 1919: Russia. Mongolia. China: being some record of the relations between them from the beginning of the xviith century to the death of the Tsar Alexei Mikhailovich. A. D. 1602–1676, rendered mainly the form of narratives dictated or written by the envoys sent by the Russian tsars, or their voevodas Siberia to the Kalmuk and Mongol khans & princes, and to the emperors of China; with introductions, historical and geographical, also a series of maps, showing the progress of geographical knowledge regard to northern Asia during the xvith, xviith, & early xviiith centuries, the texts taken more especially from manuscripts the Moscow Foreign office archives. London: Macmillan and Company; Burt Franklin Research and Source Works Series. N° 60. 2 v.; V. I. 16 + CCCLXVII p.; V. II. XI–446 p.

* Bailly Jean Sylvain, 1779: Lettres sur l'Atlantide de Platon et sur l'ancienne histoire de l'Asie pour servir de suite aux Lettres sur l'origine des Sciences, adressées à M. de Voltaire par M. Bailly. Londres: chez M. Elmesly; Paris: chez les Frères Debure, quai des Augustins. 480 p.

Bassin Mark, 1991: Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. Vol. 50. N° 1. P. 1–17.

Bassin Mark, 1993: Turner. Solov'ev. and the "frontier Hypothesis": The Nationalist Signification of Open Spaces // The Journal of Modern History. Vol. 65. N° 3. P. 473–511.

Bassin Mark, 1994: Russian Geographers and the "National Mission" the Far East // Hooson David (ed.). Geography and National Identity. Oxford UK & Cambridge usa: Blackwell. P. 112–133.

Bassin Mark, 1999: Imperial Visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion the Russian Far East. 1840–1865. Cambridge Studies Historical Geography. 29. Cambridge: Cambridge University Press. 329 p.

Baud Aymon, Philippe Forêt, Svetlana Gorshenina, 2003: La Haute-Asie telle qu'ils l'ont vue. Explorateurs et scientifiques de 1820 à 1940. Genève: Olizane. 144 p.

* Bealby J. T., P. Kropotkin (Prince), 1911: Turkestan // Encyclopedia Britannica. A Dictionary of Arts. Sciences. Literature and General Information. Cambridge: 11th Edition. Cambridge University Press. Vol. XXVII. P. 419–426.

Beauvois Daniel, 1972: Un Polonais au service de la Russie: Jean Potocki et l'expansion en Transcaucasie. 1804–1805 // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 19. N° 1–2. P. 175–189.

Beauvois Daniel, 1980: Introduction. Du cosmopolitisme à l'impérialisme // Potocki. 1829 (переиздано в 1980). P. 7–26.

Becker Seymour, 1968: Russia's Protectorates Central Asia: Bukhara and Khiva. 1865–1924. Cambridge (Mass.): Harvard University Press. Russian Research Center Studies 54.

Belin De Launay J., 1882. См.: Vambery. 1882. P. I–XXVII.

Benes Tuska, 2004: Comparative Linguistics as Ethnology: Search of Indo-Germans Central Asia. 1770–1830 // Comparative Studies of South Asia. Africa and the Middle East. Vol. 24. N° 2. P. 119–132.

Bérard Victor, 1905: L'Empire russe et le Tsarisme. Paris: Armand Colin. 372 p.

Berthelot A.-M., [1886–1902]: Asie. Généralité. Situation. Superficie et Limites. Religion. Géographie politique // La Grande Encyclopédie. Inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts par une Société de savants et de gens de lettres, sous la dir. d'André Berthelot. T. 4. Paris: H. Lamirault, Société Anonyme de la Grande Encyclopédie. [1886–1902] (1200 p.). P. 91–136.

Black Jeremy, 2003: Visions of the World. A History of Maps. London: Mitchell Beazley. 176 p.

Blanc Édouard, 1894: La colonisation russe en Asie centrale // Annales de Géographie. N° 11. T. III. P. 346–370.

Blanc Simone, 1968: Histoire d'une phobie: "Le testament de Pierre le Grand" // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 9. N° 3–4. P. 265–293.

Boggs Samuel Whittemore, 1940: International boundaries: a study of boundary functions and problems, foreword by Isaiah Bowman. New York: Columbia University Press. XVII–272 p.

Bosworth C. E., 2002: Turkestan // Encyclopédie de l'Islam. Leyde: E. Brill. P. 786–787.

Botting Douglas, 1988: Humboldt. 1769–1859: un savant démocrate, trad. de l'anglais par Martine Dupouey; préf. de Roger Brunet. Paris: Belin. 295 p.

Bregel Yuri, 2003: Historical Atlas of Central Asia. Handbook of Oriental Studies. Part 8. Uralic & Central Asian Studies. 9. Leiden: Brill. 136 p.

Brill Olcott Martha, 1995: The Kazakhs. Stanford. California: Hoover Institution Press. Stanford Univ. (1st ed. 1987). 388 p.

Brower Daniel, 1994: Imperial Russia and its Orient: The renown of Nikolai Przhevalsky // Russian Review. Vol. 53. July. P. 367–381.

Brower Daniel, 2003: Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London and New York: RoutledgeCurzon. Taylor & Francis Group. 213 p.

Brunet Roger, Violette Rey, 1996: Europes orientales. Russie. Asie centrale. [Paris]: Belin. [Montpellier]: Reclus; collection: Géographie universelle (sous la direction de Roger Brunet). 479 p.

Brzezinski Zbigniew, 1997: Le grand échiquier. L'Amérique et le reste du monde, préf. de Gérard Chaliand, trad. de l'anglais Michel Bessière et Michelle Herpe-Voslinsky. Paris: Bayard Éditions. 275 p. (1st ed.: The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books. XIV–223 p.).

Brzezinski Zbigniew, 2004: The Choice: Global Domination or Global Leadership. New York: Basic Books. XI–242 p.

Buzzati Dino, 1989: Il deserto dei Tartari. Milano: A. Mondadori. XIV–234 p. (1st ed.: Oscar classici moderni. 1940).

Carey William (A. D.), 1901: Adventures Tibet, including the diary of Miss Annie R. Taylor's remarkable journey from Tau-Chau to Ta-Chien-Lu through the heart of the Forbidden Land // Boston: United Society of Christian endeavour [Переиздано: Travel and adventure Tibet. including the diary of Miss Annie R. Taylor's [...]. Delhi: Mittal Publications. 1983. 285 p.].

Cecere G., 2003: L'"Oriente d'Europa": un' idea movimento (sec. XVIII). Un contributo cartografico // Cromohs. N° 8. P. 1–25. (Web: www.cromohs.unifi.it/8_2003/cecere.html).

Christian David, 1994: Inner Eurasia as a Unit of World History // Journal of World History. V. 5. P. 173–211.

Christian David, 1998a: A history of Russia, Central Asia and Mongolia. V. I: Inner Eurasia from prehistory to the Mongol empire. Oxford [etc.]: Blackwell; collection: The Blackwell history of the world. XXIII–472 p.

Christian David, 1998b: Worlds on the Silk Road: Ancient and Modern // David Christian and Graig Benjamin. Silk Road Studies, II, Worlds of the silk roads: ancient and modern: proceedings from the Second Conference of the Australasian Society for Inner Asian Studies (A.S.I.A.S.): Macquarie University September 21–22, 1996. Turnhout: Brepols. P. I–V.

Clem Ralph S., 1992: The Frontier and Colonialism Russian and Soviet Central Asia // Robert A. Lewis (ed.). Geographic Perspectives on Soviet Central Asia. London. New York: Routledge. [VIII–323 p.]. P. 19–36.

Crouzet Denis, 1982: Sur le concept de barbarie au XVIe siècle // La conscience européenne au XVe et XVIe siècles. Actes du Colloque international organisé à l'École N°rmale Supérieure de Jeunes Filles. Paris: ens. P. 103–126.

Curtis William Eleroy, [1911]: Turkestan: the Heart of Asia, pictures by John T. McCutcheon. New York: Hodder & Stoughton. George H. Doran company. 3–334 p.

Curzon George Nathaniel Marquis of, 1889: Russia Central Asia 1889 and the Anglo-Russian question. London. New York: Longmans. XXIII–477 p.

Curzon George Nathaniel Marquis of, 1908: Frontiers, delivered the Sheldonian Theatre. Oxford. November 2, 1907. Oxford: Clarendon Press. 2nd ed. 58 p.

Custine Astolphe Louis Léonard, marquis de, 1843: La Russie en 1839. Paris: Amyot. 4 v.

* Dalamarre Casimir, 1869: Un peuple européen de quinze millions oublié devant l'histoire. Pétition au Sénat de l'Empire. Paris.

Davis D., 2002: Tûrân // Encyclopédie de l'Islam. T. X. Leiden: E. Brill. P. 725.

De Montety Felix, 2016: La Route de la Soie: Imaginaires géographiques // M. Espagne, S. Gorshenina, F. Grenet, S. Mustafayev, C. Rapin (éd.). Asie centrale. Transferts culturels le long de la Route de la Soie. Paris: Vendémiaire. P. 405–418.

Deniker J., [1886-1902]a: Flores de l'Asie // La Grande Encyclopédie, Inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts par une Société de savants et de gens de lettres, sous la dir. d'André Berthelot. T. 4. Paris: H. Lamirault, Société anonyme de la Grande Encyclopédie [1886–1902]. P. 110–114.

Deniker J., [1886-1902]b: Anthropologie et Ethnographie de l'Asie // La Grande Encyclopédie. Inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts par une Société de savants et de gens de lettres. Sous la dir. d'André Berthelot. T. 4. Paris: H. Lamirault, Société anonyme de la Grande Encyclopédie [1886–1902]. P. 118–124.

Deniker J., [1886-1902]c: Langues de l'Asie // La Grande Encyclopédie, Inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts par une Société de savants et de gens de lettres, sous la dir. d'André Berthelot. T. 4. Paris: H. Lamirault, Société anonyme de la Grande Encyclopédie [1886–1902]. P. 124–125.

Di Cosmo Nicola, 1999: State Formation and Periodization Inner Asian History // Journal of World History. Univ. of Hawai'i Press. Vol. 10. N° 1. P. 1–40.

Djalili Mohammad Reza et Thierry Kellner, 2000: Moyen-Orient. Caucase et Asie centrale: des concepts géopolitiques à construire et à reconstruire? // Central Asian Survey. Vol. 19. N° 1. P. 117–140.

Djalili Mohammad Reza et Thierry Kellner, 2003: Géopolitique de la nouvelle Asie centrale: de la fin de l'URSS à l'après-11 septembre. Paris: puf. 585 p.

Drompp Michael, 1989: Centrifugal forces the Inner Asian "Heartland"?: History versus Geography // Journal of Asiatic History. N° 23. P. 135–155.

* Dubeux Louis et V. Valmont, 1848: Tartarie. Béloutchistan. Boutan et Népal. col. L'Univers Pittoresque. Paris: Firmin Didot frères. T. VI.

Edney Matthew H., 1997: Mapping an Empire: The Geographic Construction of British India, 1765–1843. Chicago/London: Univ. of Chicago Press. XXII–458 p.

Edwards, Sainte-Croix et De Baert, 1797: Mémoires historiques et géographiques sur les pays situés entre la mer Noire et la mer Caspienne, contenant des détails nouveaux sur les peuples qui les habitent, des observation relatives à la topographie ancienne et moderne de cette contrée. Paris: Jansen. Perronneau, an V [1797]. 3 parties: 1ère partie, Edwards, trad. de l'anglois. 84 p.; 2e partie, de Saint-Croix. 85–150 p.; 3e partie, De Baert. Extrait du journal d'un voyage fait au printemps de 1784 dans la partie méridionale de la Russie. 98 p.

Etherton Percy Thomas, 1925: In the Heart of Asia. London: Constable and Company. XII–305 p.

Etkind Aleksandr, 2011: Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press. 289–IX p.

Faits géographiques, 1892: Faits géographiques // Bulletin de la Société de Géographie de l'Est. T. XIV. Nancy: Imprimerie Berger Levrault et C°. P. 534–535.

Fleming Peter, 1936: News from Tartary: a journey from Peking to Kashmir. Foreword by Heinrich Harrer. Los Angeles: J. P. Tarcher; Boston: Distributed by Houghton Mifflin Co. 384 p.

Forster George A., 1789: Journey from Bengal to England. London. 2 v. Перевод на французский: Voyage du Bengale à Petersbourg à travers les provinces septentrionales de l'Inde, le Kachmyr, la Perse, sur la mer Caspienne etc. Suivi de l'Histoire des Rohillahs et de celle des Seykes, traduit de l'anglais avec des additions considérables et une notice chronologique des Khans de Crimée... par L. Langlès. Paris: impr. de Delance. An X (1802). 3 v.

Fourniau Vincent, 2006: Qu'est-ce que l'Asie centrale? // *Outre-Terre.* N° 16. V. 3. P. 15–29.

Frank Andre Gunder, 1992: The Centrality of Central Asia // Bulletin of Concerned Asian Scholars. Bill Doub. V. 24. N°2 (April-June). P. 50–74, 80–82. Более развернутые версии см.: The Centrality of Central Asia. Comparative Asian Studies. N° 8. Amsterdam: VU Univ. Press. 1992. 57 p.; Studies in History. 1992. V. 8. N° 1 (Jan.-June). P. 43–92.

* Geiger Wilhelm, 1882: Ost Iranische Kultur im Altertum. Erlangen: A. Deichert. VIII–520 p.

Geiss Paul Georg, 2003: Pre-tsarist and Tsarist Central Asia. Communal commitment and political order change. London. New York: RutledgeCurzon. 320 p.

George Pierre, 1947: U.R.S.S. — Haute-Asie — Iran. Paris: PUF; collection «Orbis». Introduction aux études de géographie. 534 p.

Gilbert E. W., 1969: Introduction // Halford J. Mackinder. The Scope and Methods of Geography and The Geographical Pivot of History. London: The Royal Geographical Society. The Curwen Press. 1969. 44 p.

Gillard David, 1977: The struggle for Asia: 1828–1914: a study British and Russian imperialism. London: Methuen & Co Ltd. 214 p.

Girard De Rialle Julien, 1875: Mémoire sur l'Asie centrale, son histoire, ses populations. Paris: E. Leroux. 2e éd. 108 p.

Godlewska Anne Marie Claire, 1999: Geography unbound: French geographic science from Cassini to Humboldt. Chicago/London: The University of Chicago press. XII–444 p.

Gorshenina Svetlana, 2003: Explorateurs en Asie centrale. Voyageurs et aventuriers de Marco Polo à Ella Maillart. Genève: Olizane. 544 p.

Gorshenina Svetlana, 2004: Private Collections of Russian Turkestan the 2nd Half of the 19th and Early 20th Century. ANOR-15 (Institut für Orientalistik. Halle. Mittelasienwissenschaft Humboldt-Universität. Berlin. Université de Lausanne). Berlin: Klaus Schwarz Verlag. 205 p.

Gorshenina Svetlana, 2012: Asie centrale. L'invention des frontières et l'héritage russo-soviétique. Paris: CNRS-Éditions. Collection: Espaces et milieux. 384 p.

Gorshenina Svetlana, 2014: L'invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie. Genève: Droz. Collection: Rayon Histoire. N°4. 704 p.

Gottman Jean, 1952: La politique des États et leur géographie. Paris: A. Colin. XI–228 p.

Grenard Fernand, 1897–1898: J.-L. Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie. 1890-1895. Paris: Leroux. 3 v., atlas.

Grenard Fernand, 1929: Haute Asie // Géographie universelle, publiée sous la direction de P. Vidal de la Blache et L. Gallois. T. VIII. Paris: Librairie Armand Colin. P. 234–379.

Grenet Frantz, 2014 : Recentrer l'Asie centrale. Paris, Collège de France/Fayard. Collection « Leçons inaugurales du Collège de France ». N° 239. Mars 2014. 71 p. См. пер. на рус.: В центре внимания – Центральная Азия. https://books.openedition.org/cdf/4101

Guichonnet Paul, Claude Raffestin, 1974: Géographie des frontières [Paris]: puf. 223 p.

Hambis Louis, 1968: La Haute-Asie. Paris: puf, « Que sais-je?». N° 573 (1ère éd. 1953). 127 p.

* Hartmann Martin, 1908: Chinesisch-Turkestan: Geschichte, Verwaltung, Geistesleben und Wirtschaft. Halle: Gebauer-Schwetschke Druckerei und Verlag. VIII–115 p.

Hauner Milan, 1992: What is Asia to us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. London. New York: Routledge (1st ed., Unwin Hyman. 1990). 264 p.

Hedin Sven, 1900: Die geographisch-wissenschaftlichen Ergebnisse meiner Reisen Zentralasien. 1894–1897. Gotha: J. Perthes. VII–399 p.

Hedin Sven, 1903: Central Asia and Tibet. towards the holy City of Lassa. London: Hurst and Blackett (printed by Kelly). 1903. 2 v.

Hedin Sven, 1904–1907: Scientific Results of a Journey Central Asia 1899–1902. Stockholm: Lithographic Institute of the general staff of the Swedish army. 8 v.

* Hellwald Friedrich von, 1873: Die Russen Centralasien. Eine Studie über die neueste Geographie und Geschichte Centralasiens. Augsburg: A. F. Butsch. VII–233 p.

Hirsch Francine, 2005: Empire of nations: ethnographic knowledge [and] the making of the Soviet Union. Ithaca-London: Cornell Univ. Press; col. Culture and society after socialism. XVIII–367 p.

Holdich Thomas Hungerford, 1901: The Indian Borderland: 1880–1900. London: Methuen. XII–402–40 p.

Hostetler Laura, 2001: Qing Colonial Enterprise. Ethnography and Cartography Early Modern China. Chicago. London: The Univ. of Chicago Press. 257 p.

Huc Evariste-Régis, 1850: Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet pendant les années 1844, 1845, et 1846. Paris: Librairie d'Adrien le Clerc. 2 v.

Humboldt Alexander von, 1830: Mémoire sur les chaînes des montagnes et sur les volcans de l'Asie intérieure, et sur une nouvelle éruption volcanique dans la chaîne des Andes, avec notes de Klaproth. s/l., paginé 217–316.

Humboldt Alexander von, 1843: Asie centrale. Recherches sur les chaînes de montagnes et la climatologie comparée. Paris: Gide. 1843. T. I. 517 p.; T. II. 558 p.; T. III. 608 p.

Hunczak Taras, 1974: Pan-Slavism or Pan-Russianism // Taras Hunczak (ed.). Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution; introd. Hans Kohn. New Brunswick. New Jersey: Rutgers Univ. Press [XI–396 p.]. P. 82–105.

Huntington Ellsworth, 1907: The Pulse of Asia: a Journey Central Asia, illustrating the geographic basic of history. Boston; New York. Houghton: Mifflin & Co. 415 p.

Imart Guy G., 1987: The Limits of Inner Asia: Some soul-searching on new borders for an old frontier-land. Bloomington: Indiana. Papers on Inner Asia. N° 1. 81 p.

Jacquemont Victor, 1867: Correspondance inédite avec sa famille et ses amis: 1824–1832. Paris: M. Lévy. Vol. 2. 384 p.

Jones Stephen Barr, 1945: Boundary-making: a handbook for statesmen, treaty editors and boundary commissioners, foreword by S. Whittemore Bogg. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. Collection: Monograph series of the Carnegie Endowment for International Peace. Division of International law. N° 8. xv–268 p.

Kappeler Andreas, 1994: La Russie empire multiethnique, trad. de l'allemand de G. Imart. Paris: Institut d'études slaves. 415 p. (1ère éd. 1992).

Khanikoff Nicolas de, 1861: Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie centrale. Paris: Imprimerie de L. Martinet. 235 p.

Khodarkovsky Michael, 2002: Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire. 1500-1800. Indiana: Indiana Univ. Press. Bloomington & Indianapolis. 290 p.

Klaproth Julius, 1823: Asia polyglotta. Paris: bei A. Schubart. 2 v.; V. 1. paginé I–XVI. 1–384. 121–144. 1–8 p.; V. 2. LIX p.

Klaproth Julius, 1824–1826a: Tableaux historiques de l'Asie depuis la monarchie de Cyrus jusqu'à nos jours, accompagné de recherches historiques et ethnographiques sur cette partie du monde. Paris: A. Schubart; Londres: Treuttel et Wurtz; Stuttgard: Cotta. Vol. I. 1826a. 290–XXX p.; Atlas. Vol. II. 1824. 27 cartes.

Klaproth Julius, 1825: Magasin asiatique ou Revue géographique et historique de l'Asie centrale et septentrionale. T. 1. Paris: Dondey-Dupré père et fils. 329 p.

Klaproth Julius (pseud. Louis de L'Or, Wilhelm Lauterbach), 1826b: Observations sur la carte de l'Asie publiée en 1822 par M. Arrowsmith. Paris: Librairie orientale de Dondey-Dupré père et fils. P. 3–27 (Extrait du Journal Asiatique).

Klaproth Julius, 1876–1878: Mémoires relatifs à l'Asie contenant des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. Paris: Librairie orientale de Dondey-Dupré. Vol. 1. MDCCC XXVI. 479 p. V. 2. MDCCC XXVI. 435 p. Vol. 3. MDCCC XXVIII. 520 p.

Klaproth Julius, 2002: Julius Klaproth (1783–1835) Briefwechsel mit Gelehrten großenteils aus dem Akademiearchiv St. Petersburg: Mit einem Namenregister zu Julius Klaproth. hrsg. von Hartmut Walravens (ed.). Briefe und Documente (BiblO 4). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. XVII–218 p.

Klencke Hermann, 1861: Alexandre de Humboldt. Bruxelles/Leipzig: A. Lacroix/Verboeckhoven; Paris: E. Jung-Treuttel. Collection Panthéon du XIXe siècle. Biographie des hommes célèbres. 330 p.

Knox Thomas Wallace, 1870: Overland through Asia. Pictures of Siberian, Chinese, and Tartar Life. Hartford. American publishing company. Chicago. F. S. Gilman & Co. XVIII–[19]–608 p.

Kohn Hans, 1955: Dostoevsky and Danilevsky: Nationalist messianism // Ernest J. Simmons (ed.). Continuity and Change Russian and Soviet Thought. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press [XII–563 p.]. P. 500–517.

Kohn Hans, 1963: Le panslavisme: son histoire et son idéologie. Paris: Payot. 261 p.

Korinman Michel, 1987: Friedrich Ratzel (1844–1904). De la géographie politique à la géopolitique // Friedrich Ratzel. La géographie politique. Les concepts fondamentaux, choix de textes et trad. par François Ewald, préface de Michel Korinman. Paris: Fayard. P. 19–25.

Kotkin Stephen, 2007: Mongol Commonwealth? Exchange and Governance across the Post-Mongol Space // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. V. 8. N° 3 (Summer). P. 487–531.

Koyré Alexandre, 1950: Études sur l'histoire de la pensée philosophique en Russie. Paris: J. Vrin. Collection: Bibliothèque d'histoire de la philosophie. 223 p.

La Vaissière Étienne de, 2012: Central Asia and the Silk Road // S. Johnson (ed.). Oxford Handbook of Late Antiquity. Oxford University Press. P. 142–169.

Larousse Pierre, 1982 [1866–1879]: Grand dictionnaire universel du xixe siècle. Paris: Administration du Grand dictionnaire universel.

Laruelle Marlène, 2002a: Le mythe aryen en Russie au xixe siècle. La création d'une cosmogonie nationale, entre science et idéologie. Thèse de doctorat. Paris. inalco. 2002. 589 p. Сокращенная версия: Mythe aryen et rêve impérial dans la Russie du xixe siècle. Paris: cnrs éditions. 2005. 223 p.

Laruelle Marlène, 2004: La question du «touranisme» des Russes. Contribution à une histoire des échanges intellectuels Allemagne — France — Russie au xixe siècle // Cahiers du Monde russe. Paris. Vol. 45. N° 1–2. P. 241–266.

Lattimore Owen, 1950: Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asian Frontiers of China and Russia. Boston: Little Brown. 288 p.

Ledonne John P., 1997: The Russian Empire and the World. 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. New York/Oxford: Oxford Univ. Press. xvii–394 p.

Lee Jonathan R., 1996: "The ancient supremacy": Bukhara. Afghanistan and the battle for Balkh, 1731–1901. Leiden: E.J. Brill. l-695 p.

Legg Stuart, 1972: The Heartland. Putnam. 1972 ([1st American ed.] New York: Farrar. Straus & Giroux [1971, 1970]. 350 p. Перевод на фр.: Le Cœur du monde: de la construction de la grande muraille de Chine au premier voyage du Transsibérien. Paris: Fayard. 1975. 362 p.

Lenglet Du Fresnoy Nicolas. 1768: Méthode pour étudier la Géographie où l'on donne une Description exacte de l'Univers, formée sur les observations de l'Académie royale des Sciences, et sur les autres originaux, avec un discours préliminaire sur l'étude de cette science, et un catalogue des cartes, relations, voyages et descriptions nécessaires pour la Géographie. 4e éd., 10 v. Paris: chez N. M. Tilliard. Vol. I. XVII–616 p.; V. III. 600 p.; V. VII. VIII–466 p.; V. IX. VIII–439 p.

Lewis Martin W., Kären E. Wigen, 1997: The Myth of Continents. A Critique of Metageography. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press. 344 p.

Lopreno Dario, 1999–2000: Introduction à la pensée géographique. Polycopié de cours. Institut de géographie de l'université de Lausanne.

Mackenzie David, 1974: Turkestan's Significance to Russia (1850–1917) // Russian Review. Vol. 33. N° 2. P. 167–188.

Mackinder Halford J., 1969: The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. London: The Royal Geographical Society. The Curwen Press. 44 p.

Malia Martin, 2003: L'Occident et l'énigme russe: du cavalier de bronze au mausolée de Lénine, trad. de l'anglais par Jean-Pierre Bardos. Paris: Seuil. 538 p.

Malte-Brun Conrad, 1847: Précis de géographie universelle ou description de toutes le parties du monde sur un plan nouveau d'après les grandes divisions naturelles du globe, précédée de l'histoire de la géographie chez les peuples anciens et modernes, et d'une théorie de la géographie mathématique, physique et politique. Paris: bureau des publications illustrées. 5e éd. Revue, corrigée, mise dans un nouvel ordre, et augmentée de toutes les nouvelles découvertes par J.-J.-N. Huot. T. 1: Histoire et théorie générale de la Géographie. 611 p.

Martin Geoffrey J., 2005: All Possible Worlds: a History of Geographical Ideas. 4th ed. New York; Oxford: Oxford Univ. Press. xvi–605 p.

Meyendorff Georges de, 1826: Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820, à travers les steppes qui s'étendent à l'est de la mer d'Aral et au-delà de l'ancien Jaxartes; rédigé par Georges de Meyendorff, revu par Amédée Jaubert. Paris: Dondey-Dupré père et fils. MDCCCXXVI. XII–508 p.

Michaud Roland et Sabina, 1984: Caravanes de Tartarie. Paris: Le Chêne. 76 p.

Minorskij Vladimir, 1934: Tûrân // Encyclopédie de l'Islam. Dictionnaire géographique. ethnographique et biographique des peuples musulmans (M. Th. Houtsma, A. J. Wensinck [et al.]) (eds). Leyde: E. Brill; Paris: A. Picard. [puis] C. Kincksieck. 1st ed. T. IV. P. 924–930.

Miroshnikov Lev I., 1992: A note on the meaning of the term "Central Asi" as used this book // A. N. Dani, V. M. Masson (eds). History of civilizations of Central Asia. Vol. I. Paris: unesco. 1992. C. 477–480.

Mitsuaki *et al.*, 1997: forum of discussions: http://h-net.msu.edu/cgi-bin/logbrowse.pl?trx=vx&list=h-asia&month=9703&week=c&msg=IFLJX6JfRk566a8d0C7Qsw&user=&pw=

Moser Henri, 1886: À travers l'Asie centrale. La Steppe Kirghise — Le Turkestan russe — Boukhara — Khiva — Le Pays des Turcomans et la Perse. Impressions de voyage. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie. 463 p.

Mouraviev N., 1823: Voyage en Turkomanie et à Khiva, fait en 1819-1820, trad. du russe par par M. G. Lecointe de Laveau; revu par MM. J. B. Eyriès et J. Klaproth. Paris: Louis Terné. VI-398 p.

Nebenzahl Kenneth, 2004: Mapping the Silk Road and Beyond. 2000 years of exploring the East. London. New York: Phaidon. 176 p.

Nicolas G., P. Sériot, V. Lavroukhin, V. Vullioud, L. Wenker, 1998: La Russie-Eurasie d'après Savicky // Cahiers de Géographie du Québec. Vol. 42. N° 115. Avril. P. 67–91.

O'Hara Sarah, Michael Heffernan, 2006: From Geo-Strategy to Geo-Economics: The "Heartland" and British Imperialism Before and After MacKinder // Geopolitics. N°11. P. 54–73.

Pallas Peotr S., 1788–1793: Voyages du professeur Pallas, dans plusieurs provinces de l'empire de Russie et dans l'Asie septentrionale, trad. de l'allemand par le C. Gauthier de la Peyronie. Paris: Maradan, l'an ii de la République [1794]. 8 v.; T. 1. MDCCLXXXIX [1789].

Pelletier Philippe, 2006: La grande séparation à résorber: l'Orient et l'Occident vus par Élisée Reclus // Transtext(e) s-Transcultures. Lyon: Université Lyon 3. P. 80–99.

Pelliot Paul [после 1924]: La Haute Asie. Paris: L'édition artistique J. Goudard. 37 p.

Pelliot Paul, 1959–1973: Notes on Marco Polo. Paris: Imprimerie Nationale, Librairie Adrien-Maisonneuve. Vol. 1. 1959. 611 p.; V. 2. 1963. 612–885 p.; V. 3. 1973. 305 p.

* Petzholdt Alexandr, 1877: Umschau Russischen Turkestan (im Jahre 1871) nebst einer allgemeinen Schilderung des Turkestanischen Beckens. Leipzig: H. Fries. XV–396 p.

Peyssonnel Claude Charles de, 1785: Observations critiques sur les mémoires de M. le baron de Tott, pour servir à l'histoire des Turcs et des Tartares, par M. de Peyssonnel, ancien Consul-général à Smyrne, ci-devant Consul de Sa Majesté auprès du Khan des Tartares, cinquième partie. Maestricht: J. E. Dufour et Ph. Roux. MDCCLXXXV. 133 p.

Planhol Xavier, 1968: Les fondements géographiques de l'histoire de l'islam. Paris: Flamarion. 442 p.

Poe Marshall T., 2000: "A people born to slavery": Russia early modern European ethnography. 1476-1748. Ithaca N. C. [etc.]: Cornell Univ. Press. Studies of the Harriman Institute. Columbia Univ. XI–293 p.

Poe Marshall T., 2003: The Russian moment world history. Princeton N. J.; Oxford: Princeton University Press. XV–116 p.

Poliakov Léon, 1989: Moscou, troisième Rome: les intermittences de la mémoire historique. [Paris]: Hachette. 182 p.

Poujol Catherine, 2002: Turkestan ville // Encyclopédie de l'Islam. Leyde: E. Brill. 2002. P. 787–788.

Pravilova E., 2009: River of Empire: Geopolitics, Irrigation, and the Amu Darya the Late XIXth Centrury // S. Gorshenina, S. Abashin (éd.). Le Turkestan russe: une colonie comme les autres?, Cahiers d'Asie centrale. Paris: Complexe. N° 17 / 18 (550 p.). P. 255–288.

Prjevalski Nikolaï, 1880: Mongolie et pays des Tangoutes, traduit du russe par G. Du Laurens. Paris: Hachette. LVI–344 p.

Purchas Samuel (ed.), 1905–1907: Hakluytus Posthumus or Purchas his pilgrimes: contayning a history of the world, sea voyages, & lande-travells by Englishmen and others. Glasgow: J. MacLehose and Sons. 20 v.

* Radloff Wilhelm, 1884: Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuch eines reisenden Linguisten. Bd 1. Leipzig: T. O. Weigel. 2 v.

Raffestin Claude, 1980: Pour une géographie du pouvoir. Paris: Librairie technique (litec).

Raffestin Claude, Lopreno Dario, Pasteur Yvan, 1995: Géopolitique et histoire. Lausanne: Payot. 330 p.

Rapin Claude, 2005: L'Afghanistan et l'Asie centrale dans la géographie mythique des historiens d'Alexandre et dans la toponymie des géographes gréco-romains. N°tes sur la route d'Herat à Begram // Afghanistan. Ancien carrefour entre l'Est et l'Ouest. Actes du Colloque international organisé par Ch. Landes et O. Bopearachchi au Musée archéologique Henri-Prades-Lattes du 5 au 7 mai 2003, éd. Osmund Bopearachchi et Marie-Françoise Boussac. Brepols. 2004. P. 143–172.

Racine Jean-Bernard, 1995: Langues et représentation, identités et territoire. Thèmes critiques pour une nouvelle géographie culturelle // Samuel Wälty, Benno Werle (Hrsg.). Kulturen und Raum: theoretische Ansätze und empirische Kulturforschung in Indonesien: Festschrift für Professor Albert Leemann. Zürich: Verlag Rüegger. P. 105–122.

Ratzel Friedrich, 1987: La géographie politique. Les concepts fondamentaux. Choix de textes et trad. par François Ewald, préface de Michel Korinman. Paris: Fayard. 220 p.

Rawlinson Henry C., Sir. 1869: Memorandum on the Frontiers of Afghanistan // 18 June (and associated letters). Umballa Papers.

Reclus Elisée, 1881: N°uvelle géographie universelle. La Terre et les Hommes. T. VI: L'Asie russe. Paris: Librairie Hachette et C°. 918 p.

Reclus Elisée, 1894: East and West // Contemporary Review. Vol. 66. July/Dec. P. 475–487.

Rennell James, 1788: Memoir of a map of Hindoostan or the Mogul empire, with an introduction illustrative of the geography and present division of that country, and a map of the countries situated between the head of the Indus and the Caspian sea. London: W. Faden. CXLI–295 p.

Rennell James, 1800a: Description historique et géographique de l'Indostan, trad. de l'anglais par J.-B. Boucheseiche, sur la 7e et dernière édition, à laquelle on a joint des Mélanges d'histoire et de statistique sur l'Inde, traduits par J. Castéra. Paris: Impr. de Poignée. An VIII [1800]. 3 vol.; V. 1. 302 p.; V. 2. 409 p.; V. 3. 362 p.

Rennell James, 1800b: N°tice de la Carte des pays situés entre les sources des rivières de l'Inde et de la Mer Caspienne // James Rennell, 1800a. Vol. 2. P. 250–273.

Resis Albert, 1985: Russophobia and the "Testament" of Peter the Great. 1912–1980 // Slavic Review. Vol. 44. N° 4. P. 681–693.

Richthofen Ferdinand von, 1877: China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien. Bd. I. Berlin: D. Reimer. XLIV–758 p.

Rickmers Willi Rickmer, 1913: The Duab of Turkestan. A physiographic sketch and account of some travels. Cambridge: Cambridge Univ. Press. XV–564 p.

Ritter Carl, 1817–1859: Die Erdkunde. Berlin: G. Reimer. 19 v.

Robertson Christie Ella, 1925: Through Khiva to Golden Samarkand; the remarkable story of a woman's adventurous journey alone through the deserts of Central Asia to the heart of Turkestan, with 55 illustrations & a map. London: Seeley, Service and C°.

* Rohrbach Paul, 1898: Turan und Armenien auf den Pfaden der russischen Weltpolitik. Berlin: G. Stilke. 307 p.

Saint-Martin Vivien de, 1858: Mémoire analytique sur la carte de l'Asie centrale et de l'Inde construite d'après le Si-Yu-Ki (Mémoires sur les contrées occidentales) et les autres relations chinoises des premiers siècles de notre ère, pour les voyages de Hiouen-Thsang dans l'Inde, depuis l'année 629 jusqu'en 645 // Stanislas Julien. Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648, par Hiouen-Thsang, et du chinois en français. Paris: Imprimerie Impériale. T. II. P. 251–576.

Saint-Martin Vivien de, 1879: Nouveau dictionnaire de Géographie Universelle. T. I. Paris: Hachette. 850 p.

Schefer Charles, 1876: Mir Abdoul Kerim Boukhary. Histoire de l'Asie centrale (Afghanistan. Boukhara. Khiva. Khoqand), depuis les dernières années du règne de Nadir Chah (1153) jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740-1818), trad. par Ch. Schefer. Paris: E. Leroux. 1876 (Publications de l'École des langues orientales vivantes. 1ère s., 1-2). VII-306 p.

Schefer Charles, 1876–1879: Relation de l'ambassade au Kharezm (Khiva) de Riza Qouly Khan. Paris: E. Leroux. 2 v.

Schefer Charles, 1892: Mohammed Nerchakhy. Description topographique et historique de Boukhara avant et après la conquête par les Arabes, texte persan publié par Ch. Schefer. Paris: E. Leroux. 1892 (Publications de l'École des langues orientales vivantes. 3. 13). IV–290 p.

Schiltberger Johann, 1879: The bondage and travels of Johann Schiltberger: a native of Bavaria. Europe, Asia, and Africa, 1396–1427, translated from the Heidelberg ms. Edited 1859 by Karl Friedrich Neumann, by J. Buchan Telfer with notes by P. Bruun and a preface, introduction, and notes by the translator and editor. London: Printed for the Hakluyt Society. XXXII–263 p.

Schimmelpenninck Van Der Oye David, 2001: Toward the Rising Sun: Russian ideologies of empire and the path to war with Japan. DeKalb. Ill.: N°rthern Illinois Univ. Press. XIII–329 p.

Schlagintweit (frères), 1866: Exploration de la Haute-Asie (traduit de l'allemand par Onésime Reclus) // Le Tour du monde. Paris. Vol. 14. P. 193–208.

Schwarz Franz von, 1900: Turkestan, die Wiege der indogermanischen Völker. Nach fünfzehnjährigem Aufenthalt Turkestan dargestellt von Franz v. Schwarz … mit einem Titelbild Farbendruck, 178 Abbildungen und einer Karte. Freiburg im Breisgau: St. Louis [etc.] Herder. vii. [1]. XIII−XIX. [1]. 605. [1] p.

Sériot Patrick, 1998: La linguistique, le discours sur la langue et l'espace géo-anthropologique russe // J.-P. Locher (éd.). Contributions suisses au XIIe congrès international des slavisants à Cracovie, août 1998. Bern: Peter Lang. P. 363–395.

Sériot Patrick, 2005: Si Vico avait lu Engels, il s'appellerait Nicolas Marr // Cahiers de l'ilsl. Université de Lausanne. N° 20. P. 227–254.

Severtzow N. A., 1890: Études de géographie historique sur les anciens itinéraires à travers le Pamir. Ptolémée, Hiuen-tsang, Song-Yuen, Marco Polo // Bulletins de la Société de Géographie de Paris. 7e série. T. 11. P. 417–467.

Shaw Robert Barkley, 1871: Visit to High Tartary. Yârkand and Kâshgar (formely Chinese Tartary), and Return Journey over the Karakorum Pass. London: J. Murray. 420 p.

Shoemaker Michael Myers, 1904: The Heart of the Orient: saunterings through Georgia, Armenia, Persia, Turkomania and Turkestan, to the Vale of Paradise. New York and London: G. P. Putnam's Sons. XIII–416 p.

Sidikov Bahodir, 2003: "Eine unermessliche Region" Deutsche Bilder und Zerrbilder von Mittelasien (1852–1914). Berlin: Logos Verlag. 472 p.

Sidikov Bahodir: Mittelasien, and Zentralasien // Enzyklopädie des Europäischen Ostens (Univ. Klagenfurt. Autriche): (Web: www.uni-klu.ac.at/eeo/Mittelasien.html; www.uni-klu.ac.at/eeo/Zentralasien.html).

Sinor Denis, 1963: Introduction à l'étude de l'Eurasie centrale. Wiesbaden: O. Harrassowitz. XXIV–371 p.

Sinor Denis, 1969: Inner Asia. History-Civilization-Languages. A Syllabus. Bloomington: Indiana Univ., Indiana Univ. Publications. Uralic and Altaic series. V. 96. 261 p.

Sinor Denis, 1975: What is Inner Asia? // Asian Studies Research Institut. Bloomington, Ind.: Indiana Univ., Asian Studies Research Institute. 33 p.

Sinor Denis, 1990: Introduction: the concept of Inner Asia // The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney: Cambridge Univ. Press. P. 1–18.

Sinor Denis, 2003: Redécouvrir l'Asie centrale // Diogène. Paris: puf. N° 204. Octobre-décembre. P. 8–24.

Skrine Francis, Henry Bennett, Edward Denison Ross, 1899: The Heart of Asia: a history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London: Methuen. 444 p.

Soucek Svat, 2000: A History of Inner Asia. Cambridge: Cambridge Univerity Press. 369 p.

Stone Leonard, 2005: Research developments in contemporary Central Eurasian Studies // Central Asian Survey. V. 24. N° 4 (December). P. 441–451.

Strahlenberg [Philipp Johann] de, 1757: Description historique de l'empire russien, traduite de l'ouvrage allemand de M. le Baron de Strahlenberg. Amsterdam: Desaint & Saillant. MDCCLVII. 2 v.; V. I. 383 p.; V. II. 406 p. (1st ed.:

Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia. so weit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey sich begreiffet. einer historisch-geographischen Beischreibung... nebst einer... Tabula polyglotta» von 32 Arten Tatarischer Völker Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario... ausgefertiget von Philipp Johann von Strahlenberg. Stockholm: Verlegung des Autors. 1730. 438 p.).

Subtelny Orest, 1974: "Peter I's Testament": A reassessment // Slavic Review. Vol. 33. N° 4. P. 663–678.

Stumm Hugo von, 1877: Les Russes à Khiwa // Revue de France. Paris. t. 24. 15 juillet. P. 257–275. 617–645.

* Suess Eduard, 1885–1909: Das Antlitz der Erde. Prag (Wien): F. Tempsky. 3 v. (trad. en français: La face de la terre, traduit de l'allemand, avec l'autorisation de l'auteur et annotée, sous la direction de Emm. de Margerie, préface par Marcel Bertrand. Paris: A. Colin. 1897–-1918. 3 v.).

Suess Eduard, 1894: Beiträge zur Stratigraphie Central-Asiens // Denkschr. Akad.Wiss. Wien. Math.-Naturw. CL, LXI.

Szuppe Maria, 1996: En quête de chevaux turkmènes: le journal de voyage de Mîr 'Izzatullâh de Delhi à Boukhara en 1812-1813 // Cahiers d'Asie centrale. Inde-Asie centrale. Routes du commerce et des idées. Axe-en-Province: Edisud. N° 1–2. P. 91–111.

Théodoridès Jean, Ming Wong, 1971: Alexander von Humbold et les études asiatiques (lettres inédites à Stanislas Julien) // Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. T. 58. P. 255–270.

Thonnelier Jules, 1869: Dictionnaire géographique de l'Asie centrale, offrant par ordre alphabétique, les transcriptions, en caractères mandchoux et chinois, des noms géographiques donnés en langue nationale de chaque contrée, accompagnées de notices extraites ou traduites des ouvrages chinois et autres ouvrages originaux de l'Orient musulman. Le tout publié, annoté… par les soins de M. Jules Thonnelier.… Prolégomènes. Pays en dehors de la domination chinoise. Paris: Maisonneuve. II–53 p.

* Tomaschek Wilhelm, 1877: Centralasiatische Studien. i. Sogdiana // Sitzungsberichte des Akademie der Wissenschaften zu Wien. Bd. 87. Wien. P. 67–184.

* Tott François de, 1784–1785: Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares. Amsterdam. 2 v.

Trouessart E. [1886–1902]: Faune // La Grande Encyclopédie. Inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts par une Société de savants et de gens de lettres, sous la dir. d'André Berthelot. T. 4. Paris: H. Lamirault. Société anonyme de la Grande Encyclopédie [1886–1902] (1200 p.). P. 114–118.

Ujfalvy Ch. De, 1874: L'influence du milieu sur les peuples de l'Asie centrale // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie. Paris. T. 9. 2e série. 1874 [séance du 16 juin 1887]. P. 435–457.

Vámbéry Arminius, 1865: Voyage d'un faux derviche dans l'Asie centrale, de Téhéran à Khiva, Boukhara et Samarcand, par le grand désert turkoman, traduction de l'anglais d'E. D. Forgues. Paris: Hachette. 395 p.

* Vámbéry Arminius, 1868: Skizzen aus Mittelasien. Ergänzungen zu meiner Reise Mittelasien. Leipzig.

Vámbéry Arminius, 1882: Der Ursprung der Magyaren. Eine ethnologische Studie. Leipzig: F.A. Brockhaus. XII–587 p.

Viquesnel Auguste, 1868: Journal d'un voyage dans la Turquie d'Europe // Mémoires de la Société géologique de France. Paris. N° 6. P. 207–303.

Walker J. T., 1873: N°tes on the Maps of Central Asia and Turkestan which have been compiled and published the Office of the Great Trigonometrical Survey of India, under the superintendence of Colonel J. T. Walker, R. E. // J. T. Walker. General Report on the operations of the Great Trigonometrical Survey of India during 1872–1873, prepared for submission to the Governement of India. Dehra Doon: Office of the superintendant G. T. Survey. P. I–XII.

Waugh Daniel C., 2007: Richthofen's "Silk Roads": Toward the Archaelogy of a Concept // The Silk Road. Vol. 5. N° 1. P. 1–10.

Wegener Alfred, 1920: Die Entstehung der Kontinente und Ozeane. Braunschweig: F. Vieweg. VIII–135 p. (перевод на французский: La genèse des continents et des océans, trad. de M. Reichel. Paris: Libr. scientifique A. Blanchard. Collection de monographies scientifiques étrangères. N° 6. 1924. 161 p.)

Wieczynski Joseph L., 1974: Toward a Frontier Theory of Early Russian History // Russian Review. Vol. 33. N° 3. P. 284–295.

Woeikof A., 1914: Le Turkestan russe. Paris: Armand Colin. 360 p.

Wolff Larry, 1994: Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford: Stanford Univ. Press. XIV–419 p.

Wood John, 1872: A journey to the source of the river Oxus, with an essay on the geography of the valley of the Oxus by colonel Henry Yule. London: John Murray. 280 p.

Yee Cordell D. K., 1994: Traditional Chinese Cartography and the Myth of Westernization // J. B. Harley, D. Woodward (eds.). The History of Cartography. Vol. 2. Book 2: Cartography in the Traditional East and Southeast Asian Societies. Chicago-London: University of Chicago Press. P. 170–202.

Younghusband Sir Francis Edward, 1896: The Heart of a Continent. A narrative of travels Manchuria across the Gobi Desert, through the Himalayas, the Pamirs, and Chitral, 1884-1894. London: J. Murray. XVII–409 p.

Zimmermann Carl, 1841: Geographische Analyse der Karte von Inner-Asien. Berlin: Gedruckt und Verlegt bei G. Remer. XXVIII–174 p.

* Zugmayer Erich, 1905: Eine Reise durch Vorderasien im Jahre 1904. Berlin: (Ernst Vohsen). XI–410 p.

* Zugmayer Erich, 1908: Eine Reise durch Zentralasien im Jahre 1906. Berlin: Reimer. XI–441 p.

О Программе изучения Центральной Азии

Программа изучения Центральной Азии при Институте европейских, российских и евразийских исследований (IERES) Университета Джорджа Вашингтона содействует развитию фундаментальных академических и прикладных исследований, посвященных современной Центральной Азии, и выступает в качестве общей площадки для экспертного сообщества, дипломатических и деловых кругов.

Основные направления деятельности Программы:

- организация и проведение регулярных мероприятий, включая исследовательские семинары, научные конференции, встречи с экспертами и закрытые брифинги по актуальным вопросам современной политики в регионе;
- публикация аналитических работ и монографий, доступных в режиме онлайн, а также рецензируемого академического ежеквартального журнала «Central Asia Affairs»;
- подготовка серии книг «Contemporary Central Asia», посвященных комплексному изучению процессов в странах Центральной Азии, для издательства «Lexington»;
- реализация Программы стипендий для молодых профессионалов в сфере публичной политики из стран Центральной Азии и Азербайджана, выступающей в качестве обучающей площадки на базе Университета Джорджа Вашингтона;
- создание и поддержка медиа-платформ «Региональная аналитическая сеть Центральной Азии» (caa-network.org) и «Voices on Central Asia» (voicesoncentralasia.org), освещающих текущие события и процессы в регионе Центральной Азии на русском и английском языках.

Координаты Программы:

Веб-сайт: centralasiaprogram.org
Twitter: https://twitter.com/CentralAsiaPro
Facebook: www.facebook.com/centralasiaprog/
Youtube: https://www.youtube.com/channel/UCmzKns5p2RPwuW8mVqV-Stw?view_as=public

Медиа-платформы:

caa-network.org
voicesoncentralasia.org

CAP CENTRAL ASIA PROGRAM

Изобретение концепта Средней/Центральной Азии

Между наукой и геополитикой

Д.и.н. Светлана М. Горшенина, историк и историк искусства Средней Азии, занимается главным образом историей Туркестанского края XIX-начала XX веков и первыми годами советской власти в регионе. Выпускница исторического факультета ТашГУ, она защитила в 1996 г. кандидатскую диссертацию в Институте истории Академии наук Узбекистана на тему «История искусствознания в Узбекистане», в 2007 г. докторскую диссертацию в университетах Лозанны и Париж I-Сорбонна (Paris I-Sorbonne), посвященную выработке концепта Средней/Центральной Азии, и, наконец, в 2016 г. габилитацию по проблемам культурного наследия Туркестана в Институте восточных языков и цивилизаций (INALCO, Париж).

Светлана Горшенина работала в качестве исследователя и/или преподавателя в Коллеж де Франс (Collège de France, Париж), Национальном центре научных исследований Франции (CNRS, Париж), Высшей нормальной школе (ENS, Париж), Высшей школе социальных наук (EHESS, Париж) и университетах Лозанны, Манчестера и Ташкента. Была куратором нескольких выставок, посвященных фотографиям XIX-начала XX вв. и истории археологии Средней Азии, проходивших в Париже, Женеве, Лионе, Равенне, Болоньи, Фрибурге, Ташкенте и Самарканде. Соучредитель международной Обсерватории в защиту центрально-азиатского культурного наследия *Alerte Héritage*. Автор и/или научный редактор многочисленных публикаций, в том числе 14 книг, в частности, ***L'invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie*** (Genève, Droz); ***Asie centrale. L'invention des frontières et l'héritage russo-soviétique*** (Paris, CNRS-Éditions); ***Explorateurs en Asie centrale. Voyageurs et aventuriers de Marco Polo à Ella Maillart*** (Genève: Olizane).

https://www.svetlana-gorshenina.net

ISBN 978-0-9996214-4-8
90000
9 780999 621448